

4
0-281

А.А. Абдуазизов, А.М. Зализняк,
А.Г. Шереметьева

**ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан
Национальный Университет Узбекистана
имени Мирзо Улутбека

А.А. Абдуазизов, А.М. Запизняк, А.Г. Шереметьева

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

учебное пособие для филологических факультетов

Ташкент-2012

Учебное пособие "Общее языкознание" составлено в соответствии с действующей Программой курса и предназначено для студентов-филологов бакалавриата и магистратуры, а также для стажеров-исследователей-соискателей лингвистических специальностей.

Ответственный редактор: Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, доктор филологических наук, профессор Абдуазизов А.А.

Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети Илмий-методик Кенгашининг 26.06.2012 йил мажлиси қарори билан нашрга тавсия этилган (6-сонли Байнома)

Введение

Дисциплина "Общее языкознание» является завершающей и обобщающей во всем цикле лингвистических дисциплин, которые читаются студентам-бакалаврам. Она представляет собой одну из важнейших составляющих системы филологического образования, так как тесно связана с проблемами культуры на протяжении всего развития человечества, а также становления духовности личности. Проблематика духовности всесторонне рассматривается в трудах Президента независимой Республики Узбекистан И.А.Каримова. По его словам, "каждое государство, каждая нация сильна не только своими подземными и надземными природными богатствами, военной мощью и производственным потенциалом, но в первую очередь - своей высокой культурой и духовностью" /Каримов, 5/.

Курс "Общее языкознание" завершает лингвистическое (шире филологическое) образование бакалавров. Он является своеобразным "мостиком" к дисциплинам специализации магистратуры, поэтому в рамках данного курса важны как сведения общекультурного характера (классификация и функционирование языков мира, соотношение языка и мышления, происхождение языка и т.д.), так и совершенствование навыков лингвистического анализа, углубление представлений о современных и существовавших прежде лингвистических школах и направлениях, в том числе и в Узбекистане.

Несмотря на огромное количество учебников и пособий по "Общему языкознанию", в настоящее время трудно рекомендовать один какой-то учебник как базовый. Одна из причин этого - неравномерная представленность основных разделов курса (сущность языка, история лингвистических учений, методы лингвистического анализа) в разных учебниках и пособиях (см. об этом ниже).

Другая причина является, пожалуй, более существенной. "Нашу науку о языке методично убивали негод "экстремистические" причины, губившие лучших ее представителей или мешавшие им. Выдающиеся ученые Н.С.Трубецкой, С.О.Карцевский, Р.О.Якобсон вынуждены были покинуть родину. Е.Д.Поливанов был расстрелян в 1938 году и посмертно реабилитирован. Академики Д.С.Лихачев и В.В.Виноградов побывали в ссылке на Севере" /Арнольд 1991, 15/. К этому списку можно прибавить и А.Ф.Лосева, проведшего несколько лет в ссылке, и Н.Н.Дурново, погибшего в лагерях, да и многих других.

Ущерб лингвистической науке был нанесен и принудительным господством "материалистической теории языка" Н.Я.Марра в 30-40 гг. XX в., и теорией "марксизма в языкознании" в 40-50 гг. Да и в последующие десятилетия нормой были, к сожалению, отрицательные оценочные суждения по поводу как лингвистических концепций В.фон Гумбольдта и

А.А.Потебни, так и различных школ структурализма. Упомянутые выше "экстралингвистические" моменты присутствуют в большинстве учебников по "Общему языкознанию". В настоящее время лингвистам предоставлена возможность полного снятия оценок идеологического характера, самостоятельного суждения о лингвистических школах прошлого и настоящего.

Именно вследствие вышеизложенных причин возникла необходимость написания данного методического пособия, основой которого стало учебное пособие А.А.Абдуазизова, А.М.Зализняк, Н.Н.Щитка «Общее языкознание» (Ташкент: Университет, 2001), а также учебник «Общее языкознание» (Авторы: А.А.Абдуазизов, А.М.Зализняк, А.Г.Шереметьева) - Ташкент: Университет, 2003.

В отличие от упомянутого выше источника, данное пособие включает весьма существенный раздел "История лингвистических учений. Методы исследования языка", а также раздел "Семиотика". Последний из упомянутых разделов оказался необходим в связи с приоритетным развитием семантических исследований в последние десятилетия, а также в связи с необходимостью критического анализа знаковой теории Ф.де Соссюра, чье учение изложено в данном методическом пособии гораздо подробнее.

Отличительной чертой данного учебного пособия является системное сопоставление концепций В.фон Гумбольдта и Ф.де Соссюра, воплотивших соответственно идеи антиномичного и дихотомичного представления о языке.

Значительное место занимает типологический аспект исследования языка, принципиальное отличие генеалогической и типологической классификаций, описание морфологического, синтаксического, контенсивного (ориентированного на содержание) и детерминантного принципов типологии.

Традиционный раздел "язык-мышление" описывается с позиций полиморфности мышления, что принципиально исключает возможность отождествления языка и мышления.

Специфика данного курса определяется прежде всего его соотношением с курсом "Введение в языкознание" и частными лингвистическими дисциплинами синхронного и исторического циклов.

Если курс "Введение в языкознание", который читается студентам на первом году обучения, является по сути пропедевтическим и призван знакомить студентов с основными свойствами, единицами, ярусами языка и прививать элементарные навыки лингвистического анализа, то курс "Общее языкознание" как завершающий и обобщающий курс отличается прежде всего более высоким теоретическим уровнем, вниманием к проблемным аспектам языкознания, стремлением по возможности

охватить основные моменты становления языкознания как науки и основные направления современного языкознания.

К моменту ознакомления с данной лингвистической дисциплиной студенты владеют теорией и практическими навыками анализа всех ярусов современного русского языка (или другого базового языка изучения), знакомы с исторической грамматикой и старославянским языком, одним из западноевропейских языков. Поэтому они готовы к принципиальному разграничению ЯЗЫКА как инвариантной основы национальных языков и самих этих языков. Это разграничение составляет один из важнейших моментов осмысления внутренних, имманентных свойств языка и того, что относится к так называемой "внешней лингвистике" (исторических, культурологических, религиозных, социологических факторов).

Анализ существующих на данный момент учебников, монографий, пособий по курсу "Общее языкознание" показывает, что это самый свободный по структуре и объёму представляемого материала курс. Из трёх его базовых разделов - сущность языка, история лингвистических учений, методология лингвистических исследований - авторы учебников и пособий выбирают, как правило, один или два раздела для более подробной и основательной характеристики. Так, в учебном пособии Ю.С.Степанова "Основы общего языкознания" рассматривается преимущественно первый раздел: единицы языка и система языка, фонетика, грамматика, соотношение языка и общества. Только в разделе "Язык как объект теории" затрагиваются общие принципы методологии лингвистических исследований. В учебнике Ф.М.Березина и Б.Н.Головина "Общее языкознание" выделяются два раздела: "Язык" и "Лингвистические направления и методы XX века". Таким образом, рассмотрены первый базовый раздел и два других объединенно, причем второй раздел только в рамках XX в. Пособия Н.А.Кондрашова "История лингвистических учений" и Т.А.Амировой "Очерки по истории лингвистики" посвящены, как явствует из названия, целиком третьему разделу курса.

Следует, однако, отметить, что полностью разграничить содержание трех основных разделов языкознания затруднительно, поскольку и методология лингвистических исследований, и заключение о существенных характеристиках языка вырабатывается в недрах определенных лингвистических школ. Поэтому в данном учебнике традиционные разделы "История лингвистических учений" и "Методы языкознания" объединены в одну главу.

Представленные в разных источниках модели курса "Общее языкознание" различаются также преимущественным вниманием к ЯЗЫКУ или его воплощениям (прежде всего этническим) - конкретным языкам. В данном учебном пособии предпринята попытка пропорционально представить оба эти аспекта, вследствие чего описываются как специфические свойства языка как онтологической

сущности и как объекта теории, затрагиваются проблемы происхождения и развития языка, внутренней формы языка и его знаковой природы и т.д., так и различные классификации языков. В связи с последним аспектом неизбежно обращение к наследию представителей сравнительно-исторического языкознания, которые не только разработали генеалогическую классификацию языков но и заложили основы типологической классификации.

В связи с описанием методов и направлений современного языкознания неизбежно обращение к компаративистике (включая младограмматизм), основным структуральным школам, Казанской и Московской школам языкознания, школам восточного языкознания.

В данном пособии представлены новые разделы «Морфология» и «Морфонология», расширен список рекомендуемой литературы за счет новых изданий, дан глоссарий (учебный словарь лингвистических терминов).

ГЛАВА I. Язык как феномен культуры и объект теории

Язык - универсальное орудие общения людей - представляет собой феномен особого рода. Тесная связь с сознанием создает эффект неотделимости языка от его носителя - человека. Это мешает человеку увидеть и проанализировать язык как внешний объект. "Язык - уникальный феномен человеческого бытия, его познание и исследование являются предельно трудными, поскольку они соприкасаются с самопознанием, и своеобразие этого процесса заключается в том, что результаты познания языка откладываются в свою очередь в языковой форме" /Колшанский 1987. 37/.

В то время как любая другая наука (литературоведение, история, биология и т.п.) в качестве языка описания имеет естественный язык (с элементами разработанного на его основе формализованного языка) как нечто внешнее по отношению к данной науке, система и сущность языка описываются преимущественно на нем же, так что и метаязык и объект описания сливаются. Это создает фундаментальные сложности в языкознании, с чем связаны попытки формализации языковых описаний.

Можно согласиться с Фле Соссюром в том, что вопрос о целостном и конкретном объекте лингвистики исключительно труден именно потому, что данный объект "нигде ... не дан нам во всей целостности" /Соссюр 1977.47/.

Специфика языка как феномена человеческой культуры выявляется прежде всего по линиям сопоставления язык - внеязыковая действительность, язык - мышление, язык - сознание. Признавая важность и необходимость такого сопоставления, считаем необходимым подчеркнуть, что язык здесь выступает как нечто недостаточно определенное, если не опираться на внешние проявления сущности языка: его функционирование, многообразие структуры разных языков, языковые универсалии, антиномии языка и т.д. Определенную роль в этом плане играет и рассмотрение основных гипотез происхождения языка.

Некоторые языковеды считают проблему происхождения языка не лингвистической, а относящейся к ведению антропологии, этнографии, психологии, так как ни один из этнических языков мы застаем не в зачаточном состоянии, а только полностью сформированным.

В философии акцентируется внимание на соотношении появления языка и становления человека, общества, общественной мысли, причем привлекается вся совокупность знаний по естественной истории, антропологии, семиотике, технике, социологии.

1.1 Происхождение языка

"Филологические теории происхождения языка обычно строятся как гипотезы о становлении языковых фактов и стремятся генетически объяснить строение системы языка, прежде всего, происхождение

языковых форм и значений слов и предложений. Филологические теории служат для ориентации в языковедческих исследованиях, соединяют знания о том, каков язык, с тем, каким методом филолог может его исследовать"/Рождественский 1990, 5/.

Наиболее распространенными являются следующие типы гипотез о происхождении языка:

1. **Логосические**, существующие в виде библейской, ведической, конфуцианской разновидностей. Мифы о происхождении языка существуют в мифологии практически любого народа.

Несмотря на преимущественно теистический и идеалистический характер, эти гипотезы интересны утверждением действенной, образующей и преобразующей силы слова. Слово - орудие и энергия - рассматривается как единая мера единства и закономерностей мира. Это определенным образом соотносится с энергетической концепцией В.фон Гумбольдта.

В рамках логосических концепций рассматривается и оноματοлогическая концепция - сущность и структура именования словом фрагментов действительности. Это нашло свое отражение в античных школах. В соответствии с мыслью Платона создателем имени является ономототэт - творец имени, который передает созданное им имя диалектикам - людям, обсуждающим его достоинства, а те, в свою очередь - конкретным "пользователям". Закономерно, что при этом обсуждается природа имени.

Впоследствии, в эпоху Средневековья и Возрождения, споры о природе имени сыграли огромную практическую роль, отразившись в литературе, философии, праве и морали, в политических движениях и религиозных войнах. "Характерно, что не какая-либо вещь, общественно необходимая, не строй семьи или рода, не государственность или какой-либо созданный обществом институт, а именно слово, речь, воспринимается как основа господства социальных сил над человеком, его разумом и общественным сознанием"/Рождественский 1990, 9/.

2. Теории «**общественного договора**», к которым, на наш взгляд, следует отнести и трудовую, или социальную теорию происхождения языка. Родоначальником доктрины общественного договора принято считать голландского ученого Гроция (1583-1645), который считал, что государство и право вытекают из общественной природы человека. Понимание языка, принятое в этой доктрине, характерно для всей европейской филологии XVII -XVIII вв. и во многом для современного языкознания (философская грамматика, нормативные описания грамматики, так называемые миссионерские грамматики). Доктрина общественного договора основана на данных рациональной философии. Гипотеза о происхождении языка связана с идеей знаковости языка, с данными логики, психологии и опытом конструирования искусственных

международных языков и языков специальных отраслей знания. Большую роль в создании этой доктрины сыграли Ф.Бэкон, Р. Декарт, Г. Лейбниц.

В концепции Т.Гоббса (1588-1670) окружение человека состоит из природы, семиотики, техники. Семиотика определяется как совокупность умственных операций знаков - "заместителей" объектов природы и техники. С помощью семиотики реализуется абстрактное мышление, конструктивная деятельность, прогноз и оценка окружения, результатов деятельности. Языковые знаки замещают в процессах мышления объекты и классы объектов, служат опорой для обмена мыслями и абстрагирующей деятельности. Становление человеческой мысли и её законы, с одной стороны, определены природой, техникой, а с другой, - относительно независимы.

Для объяснения появления "первоначальных" языков выделяются разные этимологические теории: звукоподражательная, междометная, теория трудовых команд и выкриков (по сути вариант междометной теории, но в ней предполагается, что междометный выкрик стимулируется не чувствами, а совместными мускульными усилиями). Все разновидности этой теории предполагают обязательность одной и той же звуковой формы для всех людей, входящих в один коллектив. Общественный договор строится на понимании условности и немотивированности языкового знака: человек принимает имя вещи добровольно, с пониманием условности звуков для обозначения вещи.

Роль данной доктрины в языкознании огромна, ею, в частности, были заложены основы межъязыковых сравнений, что послужило впоследствии базой сравнительного языкознания. Вместе с тем, само происхождение языка в этой доктрине все же не объясняется, так как для принятия условного знака для именованной вещи человек заранее должен обладать языковыми навыками.

3. Собственно лингвистической является ономастопозитическая теория, известная с античных времен и развитая последователями Гумбольдта. По сути самостоятельной является ономастопозитическая теория Штейнгаль-Потебни. Это языковедческая научная гипотеза, цель которой - реконструкция развития отношений звука и значения, лексики и грамматики, членов предложения и частей синтагм и парадигм. "В ономастопозитической теории реконструкция языка опирается на дедуктивные выводы из заранее сформулированных принципов, которые вместе составляют модель становления системы языка. Таким образом, теория Штейнгаль-Потебни - это теоретическая реконструкция языка как цельность, данная в виде дедуктивно развиваемой модели" /Рождественский 1990. 19/. Еще Гумбольдт рассматривал язык как самозарождающееся и самодвижущееся целое - энергию. Развивая идеи Гумбольдта, Г.Штейнгаль рассматривает происхождение языка как момент становления человека общественного, как спонтанную мутацию в жизни

антропoidов. В противоположность трудовой теории, здесь важно значение имеет момент "игры" (развлечения, отдыха). Очень важно, что языковой сигнал (знак) подается вне ситуации, в которой он употребляется, то есть абстрагируется от ситуации: язык возникает как повтор привычных звуков при потребности у индивида в эмоционально-экспрессии, напоминающей художественную.

Многократное повторение сигнала создает ассоциативную связь между образом действительности, существующей в представлении индивида, самим сигналом, в результате чего возникают две стороны знака: внутренняя, то есть представление о вещах, и внешняя - представление в звуках сигнала. Эта ассоциативная связь отличается автоматизмом использования, экспрессивностью и эстетической направленностью.

Механизм образования членораздельной речи состоит в совмещении одного высказывания-выкрике двух и более сигналов, что дает сочетание представлений у говорящего и слушающего; это сочетание образует новое качество мысли - предикацию, в результате чего делается шаг к абстрактному мышлению.

А.И.Потебня (1835-1891) сделал следующий шаг в развитии данной теории. Основным источником движения в языке он предложил считать поэтическое творчество. Он полагал, что изначальный тип языкового творчества и созданный им тип языка определяют дальнейшее языковое творчество. Мировоззрение народа объясняется качествами его языка, а следовательно, тип и навыки мышления предопределены языком.

В этой концепции, как и в рассмотренных выше, много спорного: однако важно, что в процессе разработки всех типов гипотез о происхождении языка выявлены такие важные и существенные его свойства, как общественный характер, роль социальных и индивидуальных факторов в языкотворчестве, ассоциативно-знаковый характер языка, его творческий дух и постоянное развитие живых национальных языков, связь с эстетическими потребностями человека, с разумом и эмоциями.

1.2 Основные языковые функции

Развитие языка неразрывно связано с его функционированием. Изучение внешних проявлений языка в процессе его функционирования выявляет важнейшие имманентные свойства языка.

Главной, ведущей функцией языка справедливо считается коммуникативная. Язык предназначен для целей коммуникации, однако коммуникация осуществляется только тогда, когда приводится в действие языковой механизм для создания конкретных высказываний. Уточняя роль этой функции, её называют также интеллектуально-коммуникативной. Имея в виду эту функцию, В. фон Гумбольдт называл язык "образующим органом мысли".

Многие языковеды вслед за К.Бюлером выделяют репрезентативную функцию языка - функцию обозначения объектов действительности, их свойств и существующих между ними отношений, экспрессивную функцию - функцию выражения мыслей и чувств говорящего, апеллятивную - функцию воздействия на адресата речи (ее называют также прагматической). Важнейшей языковой функцией является кумулятивная - функция накопления знаний, духовного богатства народа в течение веков.

Следует отметить неупорядоченность терминологии в обозначении некоторых языковых функций. Так, репрезентативную функцию при другом подходе называют номинативной (референтной, денотативной, когнитивной).

Многие функции рассматриваются как частные производные от основной, коммуникативной, например, выделяют констатирующую функцию, обеспечивающую простое, нейтральное сообщение о факте, контактоустанавливающую (фатическую), характерную для таких высказываний, которые имеют целью завязывание, продолжение, прекращение коммуникации (*Послушай! Ты меня слышишь? А знаете ...*)

Важной языковой функцией является эмотивная - функция выражения субъективной модальности (отношение автора к содержанию сообщения).

В качестве особой языковой функции вслед за В.В. Виноградовым выделяют поэтическую функцию: она связана с функцией художественного мышления как осознания мира через освоение его путем творческого мышления.

Все указанные выше языковые функции тесно связаны друг с другом, активно взаимодействуют в актах мышления, общения текстообразования.

Выделенные функции неоднородны по обязательности, охвату материала и распределению между языковыми ярусами, причем внутри ярусов можно выделить и другие, более частные функции, например, связующую функцию синтаксиса, различительную - фонологии и т.д.

Особняком стоит метаязыковая (металингвистическая) функция - функция истолкования языковых фактов, которая осуществляется, как уже говорилось, за счет естественного языка.

Сопоставление и изучение языковых функций - внешних проявлений языкового механизма - отражает такие свойства языка, как наличие парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии, ярусное строение языка, сложное соотношение языка и мышления.

1.3 Язык и мышление

Взаимодействие языка и мышления - одна из центральных проблем языкознания, логики, философии, психологии. Установить место языка по отношению к упомянутым наукам значит точно определить

самостоятельную сущность языка, несмотря на тесные и неразрывные связи всех упомянутых научных дисциплин.

О соотношении язык - мышление в настоящее время представлен широкий спектр мнений, вплоть до отождествления, выделения единого объекта "язык-мышление". Представители этого направления, вербалисты, отстаивают ту точку зрения, что подлинное абстрактное мышление может существовать только на базе языка, в вербализованной форме, т.к. понятие без фиксации в звуковой оболочке не может существовать. Значит, речь идет, во-первых, о признании или непризнании дословесных понятий, во-вторых, о наличии одной или разных форм мышления.

Решение этого вопроса связано также с установлением соотношения язык - сознание, мышление - сознание.

Мышление в "Философском словаре" определяется как "активный процесс отражения объективного мира в понятиях, суждениях и т.д., связанный с решением тех или иных задач, высший продукт особым образом организованной материи - мозга" /Философский словарь 1980. 228/. В словаре "Психология" мышлению дается такое определение: **МЫШЛЕНИЕ** - процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности ... Различают следующие виды мышления: словесно-логическое, наглядно-образное, наглядно-действенное. Выделяют также мышление теоретическое и практическое, теоретическое и эмпирическое, логическое (аналитическое) и интуитивное, реалистическое и аутистическое (связанное с уходом от действительности во внутренние переживания), продуктивное и репродуктивное, произвольное и произвольное" /Психология (словарь) 1990, 223/.

В словаре "Психология" подчеркивается, что мышление является предметом комплексных междисциплинарных исследований. Логично, что в рамках каждой науки обращается внимание на определенные стороны мышления как объекта изучения. Психологическая направленность видов мышления ясна из процитированной дефиниции. Однако из нее следует, также, что словесное ("словесно-логическое") мышление - не единственный тип мыслительных процессов, тогда как из определения "Философского словаря" следует, что формы мышления - чисто логические, хотя далее говорится, что "мышление человека осуществляется в теснейшей связи с речью и результаты его фиксируются в языке ... В жизни каждого индивидуума мышление не существует как чисто интеллектуальный процесс, а неразрывно связано с иными психическими процессами, то есть не существует изолированно от сознания человека/Философский словарь 1980, 229/.

Выделение словесно-логического мышления как вербального мышления вновь возвращает нас к вопросу о существовании дословесных

(невербальных) понятий. Представление о том, что результаты мышления фиксируются в языке по сути отвечает на этот вопрос положительно.

В "Философском словаре" говорится также, что мышление человека не существует изолированно от сознания, однако остается открытым вопрос, связано ли оно с подсознанием - совокупностью психических процессов и состояний, лежащих вне сферы сознания и недоступных для непосредственного наблюдения. Наличие разных форм мышления, прежде всего образного, предполагает положительный ответ на этот вопрос.

Подсознание (бессознательное), отличается от сознания тем, что отражаемая им действительность сливается с переживаниями субъекта, его отношениями к миру, "действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение различных явлений в один ряд через сопричастие, а не через выявление логических противоречий и различий между объектами ..." /Психология (словарь) 1990,38/.

Само собой разумеется, что уподобление, отождествление, идентификация, любая форма объединения различных явлений в один ряд - это мыслительные операции, только в подсознании они неразрывно связаны с эмоциями и не выступают как предмет рефлексии.

Объективной представляется точка зрения тех исследователей, которые отстаивают идею комплексности и полиморфности человеческого мышления/Серебренников 1988, 162-213/.

В.А. Серебренников выделяет следующие типы мышления:

1. **Словесное мышление.** "Словесное мышление, или мышление при помощи языка, присуще любому народу. Хронологически это, несомненно, более поздний тип мышления, которому предшествовали различные авербальные типы мышления ... Развитие мышления не сводится к тому, что над генетически более ранними примитивными видами мышления надстраиваются другие, генетически более поздние и сложные ... генетически более ранние виды в процессе развития сами поднимаются на высшую ступень. Поэтому такие типы мышления, как образное, предметное и техническое, проявляются также и в процессе мышления современного человека.

Появление словесного мышления было вызвано необходимостью общения, поскольку авербальные типы мышления не коммуникативны ...

По сравнению с авербальными формами мышления содержание словесного мышления должно быть выражено более подробно ... Словесное мышление является, по-видимому, самой совершенной формой мышления. Оно предназначено для коммуникации и возникло по этой причине. Существует также скрытая форма словесного мышления, или проговаривание про себя"/Серебренников 1988, 192-193/.

глагольным признаком вербального мышления является эмкий характер, то есть опора на звуковую, чувственно воспринимаемую форму.

В то же время нуждается в уточнении и возможной замене сам термин - словесное (вербальное) мышление. Возможно, более уместен "широкий термин - языковое мышление, т.к. основа его - не слова, а организационно-семантические поля в данном языке.

2. Образное мышление. "Это такой тип мышления, при котором в качестве основных элементов мышления выступают образы предметов. Мышление этого типа могло быть внеситуативным. Вероятнее всего, сводилось к воспроизведению в памяти конкретных ситуаций или фрагментов, а также людей, животных, находящихся в рамках этих ситуаций. Этот тип мышления основывается исключительно на действии памяти... Мышление, протекающее на основе образов, также логично. Образное мышление присуще каждому человеку, но чаще им пользуются ... художники, композиторы, режиссеры, писатели и т.п. Некоторыми исследователями приписывают такой тип мышления животным" /Серебренников 1988, 193-194/.

3. Практическое мышление. Оно является "одним из наиболее распространенных типов мышления возникших еще в глубокой древности. Наглядным его примером может быть ориентировка на местности. Вообще этот тип мышления присущ любому трудовому процессу" /Серебренников 1988, 195/. Он основан на знании, в автоматизированном виде не требует употребления слов и построения предложений. Однако сложные формы практического мышления включают теоретическое мышление. Элементарная форма практического мышления - наглядно-действенное, направленное на решение элементарных практических задач.

4. Лингвокреативное мышление. «В отличие от других типов мышления, лингвокреативное имеет двоякую направленность, тесно образом связано с наличными ресурсами языка. При создании новой языковой единицы человек всегда использует что-то уже наличествующее в данном языке» /Серебренников 1988, 195/. В то же время Е. Серебренников отмечает, что большинство лингвистов и философов относятся к идее выделения этого типа мышления отрицательно.

5. Авербально-понятийное мышление. Далекое не каждое понятие может быть выражено на каждом языке отдельным словом или грамматической формой, например, законченность/незаконченность действия. Поэтому понятийные категории представляют собой феномен, тесно связанный с семантическими полями, но все же отдельный самостоятельный.

Другие типы мышления, выделенные Б.А. Серебренниковым, например, редуцированное мышление, основанное на конечных результатах действий, очевидно, представляют собой видоизменения и комбинации уже описанных типов мышления.

В реальном воплощении очень важно подчеркнуть смешанный характер человеческого мышления с преимущественным использованием одного из типов в зависимости от ситуации (теоретическая деятельность, беседа, письменная или устная форма общения и т.д.). Все типы мышления не исключают, а дополняют друг друга.

Итак, общий обзор типов мышления наглядно свидетельствует, что мышление и язык - безусловно разные, хотя генетически, теоретически и практически связанные феномены. Словесное и лингвокреативное мышление - лишь важнейшие, но далеко не единственные типы человеческого мышления. Генетически и онтологически мышление предшествует языку, но и язык через вербальное и лингвокреативное мышление оказывает огромное влияние на мышление, способствует становлению человека как вида и развитию человеческого общества.

Возможно, что *неотделимость языка от человеческого сознания* обусловила сравнительно позднее становление языкознания как науки с четким выделением предмета, методов исследования, представлении о структуре и единицах языка, разграничением с другими гуманитарными и естественными дисциплинами. В то же время следует отметить, что язык - древнейший предмет изучения, существовавший в рамках философии (античное языкознание), религиозной теории (Древняя Индия), филологии (александрийская школа).

Отнесение языка к гуманитарным наукам кажется само собой разумеющимся, однако отдельные ученые склонны относить его к естественным или семиотическим дисциплинам. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо подробно изучить свойства не только ЯЗЫКА, но и разных языков народов мира.

По данным ЮНЕСКО, в настоящее время на Земле насчитывается около 6000 языков. Приблизительность этих данных объясняется прежде всего тем, что зачастую нелегко провести границу между отдельными языками и их разновидностями - диалектами. Кроме того, не все языки характеризуются одинаковой степенью изученности. Как известно, лучше всего изучены индоевропейские языки, а основная масса языков находится вне Европы. Так, в Африке к югу от Сахары насчитывается около 2000 языков и диалектов /см. об этом: Березин 1979/.

Поражает не только количество, но и разнообразие языков: наряду с такими универсальными чертами, как обязательное наличие звукового строя, деление звуков на гласные и согласные, наличие грамматических способов и лексического состава, характерное для большинства языков противопоставление имен и глаголов, наблюдаются самые разнообразные типы воплощения языковой структуры, соотношения между грамматическими способами и строем предложения, лексикой и грамматикой и т.д.

Сама идея сравнения языков возникла из стремления создать языки заново, построить языки, необходимые для науки. Ф.Бэкон (1561-1662) намечал индуктивный путь создания новых языков, который состоит в том, чтобы отобрать необходимые новому языку словарь и грамматические правила из существующих и доказавших свою жизненность языков. Идея Ф.Бэкона легла в основу межъязыковых сравнений.

Первой научной классификацией языков была **генеалогическая (генетическая) классификация**, основанная на понятии языкового родства, определяемого общностью происхождения.

Генеалогическая классификация связана со становлением сравнительно-исторического языкознания, с именами А.Шлейхера, А.Шлегеля и Ф.Шлегеля, Ф.Боппа, Я.Гримма, А.Х.Востокова и др. Целью сравнительно-исторических исследований (компаративистики) было не создание генеалогической классификации, а реконструкция индоевропейского праязыка. Поэтому данное научное направление называется также индоевропеистикой; впоследствии генеалогическая классификация была распространена и на другие языки мира.

Генеалогическая классификация развивается и в настоящее время (см. т. XXI серии "Новое в зарубежной лингвистике", где рассматриваются проблемы современной индоевропеистики).

Другой тип классификации представляет собой **типологическая классификация** - сравнение языков по их строю, безотносительно к наличию или отсутствию генетической общности.

Предпосылки типологических исследований были заложены (и предусмотрены) при создании генеалогической классификации, т.к.

индоевропейские языки, представляющие один - флективный - строй языка. Кроме того, именно представители сравнительно-исторического языкознания при расширении круга изучаемых языков создали предпосылки внегенетического сравнения и выработали первоначальные критерии классификации, хотя и исходили зачастую из неверных, оценочных представлений, считая индоевропейские языки своеобразным языковым эталоном.

Так, Ф. Шлегель в работе "О языке и мудрости индийцев" пытался разделить языки мира на два типа: флективные, которым "свойственны богатство, мудрость и долговечность, и аффиксирующие, характеризующиеся "бедностью, скудостью и искусственностью".

При дальнейшем изучении языков, со все больше раздвигающейся географией обитания языков, количество выдвигаемых параметров классификации стало явно недостаточным, и в 1818 году Ф.Шлегель выдвинул идею трех типов языков: 1) флективный, 2) аффиксирующий, 3) аморфный. Очень важно, что во флективных языках были выдвинуты им две возможности (тенденции) грамматического строя: синтетическая и аналитическая. Некорректным было выделение аморфных, то есть бесформенных языков (языки типа китайского или вьетнамского), так как бесформенных языков быть не может, просто проявления формы в подобных языках принципиально отличны от проявления ее во флективных языках.

Большую роль в типологических исследованиях сыграли труды В. фон Гумбольдта, который основу классификации языков проводил по следующим линиям: 1) выражение в языке отношений: 2) способы образования предложений. Им выделен новый тип языков инкорпорирующие (в настоящее время используется также термин "полисинтетические"). Особенность этих языков заключается в том, что предложение строится как единое целое, т.е. есть корни слова соединяются в одно целое, которое является и словом, и предложением одновременно. Это языки американских индейцев, палеоазиатские языки (например, чукотский, корякский).

В 1850 г. была предложена классификация А.Шлейхера в работе "Языки Европы в систематическом освещении". Автор выделил три основных типа языков: изолирующие (вместо "аморфных"), агглютинирующие, флективные в двух разновидностях - синтетической и аналитической, исключив тип инкорпорирующих языков. Шлейхер связал типы языков с процессами языковой эволюции, включив элементы оценки: изолирующие языки он считал архаическими, агглютинирующие - переходными, флективные - древними, синтетические языки относил к эпохе языкового расцвета, новые флективные с аналитической тенденцией - к эпохе упадка.

Существовал также ряд классификаций, модифицирующ вышеприведенные, например, классификации Г. Штейнтала (1850), Мистели (1893).

Г.Штейнталь предложил свою классификацию одновременно Шлейхером в труде под названием "Классификация языков, изложенн как эволюция языковой идеи". Им повторено положение о языках формой или без формы, причем имеется в виду как форма слова, так форма предложения.

Ф.Мистели разделил языки на истословные (индоевропейские семитские), мнимословные (тюркские, монгольские, финно-угорские) бессловесные (языки банту).

Существуют и более частные классификации языков внутри одн языковой семьи. Например, И.А. Бодуэн де Куртэнэ в работе 1877-1878 дал классификацию славянских языков по двум структурным признака долгота/краткость гласных и морфологическая функция ударени Примечательно, что именно Бодуэн де Куртэнэ одним из первых примен количественные статистические данные для классификации языков.

Эту линию типологического исследования продолжил крупнейш языковед-филолог Н.С. Трубецкой, который в работе "Мысли индоевропейской проблеме" (1937) выделил 6 типологических признак общих для всех индоевропейских языков: 1) отсутствие гармонии гласн (сингармонизм); 2) число согласных, допускаемых в начале слова, не бол числа согласных, допускаемых внутри слова; 3) обязательное налич префиксации; 4) наличие чередования гласных внутри основы наряду аффиксацией; 5) наличие чередования согласных; 6) подлежащ непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащ переходного глагола /Березин, Головин 1979, 348/. Таким образом, классификации Н.С. Трубецкого, нацеленной на делен дифференциальных признаков индоевропейских языков. используются фонологические, морфологические и синтаксическ признаки.

Существуют и собственно синтаксические классификации язык прежде всего классификация И.И.Мещанинова, по мнению котор общими для всех языков выступают категории синтаксиса, а морфологии, т.е. соотношение между глубинными категориями субъект объекта, атрибута и их поверхностным выражением через подлежащ сказуемое, определение и т.д.

В синтаксической типологии выделяются прежде всего язы номинативного строя (например, индоевропейские), в котор подлежащее выступает как субъект действия; в языках с морфологическ категорией падежа подлежащее оформляется через именительный паде Им противостоят языки эргативного строя (кавказские, палеоазиатск

некоторые индейские), в которых оформление субъекта связано с косвенными падежами.

Новейшая синтаксическая классификация выделяет три типа языков по моделям "Кто-что" (доминирование субъекта над объектом семантическое, как, например, в предложении *Весло задело платье. Платье задело весло*): "Кто-кого" (с категорией одушевленности): "кого - что". Первые языки называются **активными** (некоторые кавказские и индейские языки), вторые - **номинативными**, третьи - **эргативными**.

С синтаксическим типом языка связаны преобладающий порядок слов, семантическая классификация глаголов, наличие/отсутствие морфологических категорий одушевленности, падежа и т.д. Необходимо отметить сопряженность всех типологических признаков составляющих в целом тип языка, вследствие чего наиболее достоверными классификациями в настоящее время являются мультифакторные.

Ещё один важный вывод из всего хода развития языковой типологии - отсутствие абсолютно "чистых" по типу языков, наличие в современных языках наряду с доминантными типологическими признаками признаков других типологических систем.

Так, русский язык является языком флективного строя по преобладающему грамматическому способу, фузионным вследствие синтеза лексического и грамматического значений в составе словоформы и оплавленности морфемных швов, номинативным по синтаксическому строю.

Однако в русском языке активно развиваются аналитические словоформы (*буду читать, пришла бы. Самый красивый*), растет класс несклоняемых существительных (*депо, алиби, авизо, травести*): наблюдается ещё ряд конструкций, связанных с продвижением русского языка в сторону аналитизма.

Имеет место и ряд агглютинативных проявлений, прежде всего в морфемном составе (например, *возвращаюсь, принесите, какой-либо*).

Нельзя не упомянуть и различия в различных классификациях разных уровней признаков, преобладающими типологическими классификациями остаются морфологические (в широком смысле слова, включая словообразование). Первое, что обычно учитывается в типологическом описании, - способы выражения грамматических значений. "С точки зрения техники выражения отношений все грамматические способы сгруппированы в четыре возможности: 1) изоляция (то есть способ служебных слов, порядка слов и интонации); 2) агглютинация; 3) фузия и 4) символизация, где объединено чередование гласных, повторы и ударение" /Березина, Головин 1979, 349/.

Приведенная выше цитата является обобщением "технических" грамматических средств по известной классификации Э. Сепира, представленной в его фундаментальном труде "Язык" (1921). Сам Э. Сепир

писал: "Не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам каждый язык рассматривать с двух или трёх самостоятельных точек зрения по его отношению к другому языку"/Сепир 1921, 112/.

Классификация Сепира является сложной, многоступенчатой, в основе её лежит установление типа отношений между способом и типом значений, передаваемых тем или иным "техническим" языковым средством. В итоге Э.Сепир приходит к выделению четырех типов языков: 1) простые чисто-реляционные языки, языки без аффиксации, в которых основные понятия (предметы, действия, качества) выражены самостоятельными словами (например, китайский, вьетнамский); 2) сложные чисто-реляционные языки, в которых грамматическое значение изменяется путём аффиксации и внутренних изменений (языки типа арабского или иврита); 3) простые смешанно-реляционные языки (корневые); 4) сложные смешанно-реляционные языки, к которым относятся флективные, а также многочисленные агглютинативные языки.

По мнению Г.П.Мельникова, "формальные признаки, такие как, например, техника связи морфем в слове, не могут быть взяты за основу классификации языков"/Мельников 1969, 48/. Недостатком классификации Э.Сепира этот автор считает смещение знака и его значения.

Самим Мельниковым разработано учение о детерминанте языков - совокупности взаимосвязанных признаков всех языковых уровней. Например, детерминанта агглютинативных языков (к которым относится и узбекский язык) - "принцип экономии аффиксов". Экономия в использовании служебных морфем требует строгого порядка слов в сообщении, возможности широкого безаффиксального использования корневых морфем, моносемности служебных морфем. Потребность в легком вычленении аффиксов требует предотвращения фузионных явлений на стыках морфем, но тогда функция склеивания (агглютинации) перекладывается на гласные, в связи с чем развивается гармония гласных. Корневая морфема должна быть максимально опознаваема, вследствие чего гласные аффиксов уподобляются гласным корня. Данная классификация представляется весьма перспективной, т.к. она является мультифакторной и межъязырусной.

Принцип детерминанты был положен Ф. де Соссюром в основу деления языков на лексические и грамматические по принципу максимальной неприводимости/производности слов. Так, русский язык, в котором 90% лексем - производные, безусловно, относится к грамматическим языкам. Китайский язык, в котором вообще нет аффиксального словообразования, безусловно, "лексический" язык. Однако возможность применения данной классификации ко всем языкам мира проблематична, так как границы слова и морфемы, слова и предложения в разных языках различны.

Принципиально новой является типологическая классификация языков Дж. Гринберга, предложенная им в работе "Квантитативный подход к морфологической классификации языков"/Гринберг 1960, 60-95/.

Дж. Гринберг исходит из классификации Э. Сепира, однако его авторство заключается в последовательном применении количественных параметров к языковым типологическим признакам. Кроме того, в основу классификации положены не три признака, как у Сепира, а пять. Выделяется ряд количественных индексов: индекс синтеза (индекс синтетичности), агглютинации, словосложения, преобладающего словоизменения, префиксации, суффиксации, собственно словоизменения (изоглосации, согласования).

Ведущим параметром для определения морфологического типа языка является индекс синтетичности, который вычисляется по формуле:

$$I_c = \frac{M}{C},$$

где I_c — индекс синтетичности, M — морф (конкретный представитель морфемы), C — словоформа.

Если взять достаточно длинный текст, подсчитать в нем число морфов и число словоформ и первое разделить на второе, то получается *индекс синтетичности*. Например, для вьетнамского языка I_c составляет 1.06, а английского — 1.68, русского — 2.33-2.45. Это означает, что во вьетнамском языке слово преимущественно состоит из одной морфемы, в английском языке преобладают одно- и двухморфемные слова, в русском — трех- и четырехморфемные.

Правда, возникает проблема отбора текстов по жанровым особенностям. Так, приведенный индекс синтетичности в русском языке, спорно, отражает усредненный в жанровом отношении текст.

Как известно, число ступеней в словословотворительном гнезде русского языка составляет семь, значит, число морфем может значительно превышать трех- и четырехморфемный порог. В научных жанрах, где много сложных слов и многоморфемных аффиксальных производных, индекс синтетичности может быть гораздо выше среднего.

Кроме того, отмечается, что классификация Дж. Гринберга мало применима к фонологии. Тем не менее она является весьма перспективной, поскольку не декларативно, а наглядно и математически доказательно демонстрирует различие между изолирующими, аналитическими и синтетическими флективными языками (соответственно вьетнамский, английский, русский), устанавливает корреляцию между степенью синтеза

и агглютинация и префиксацией, суффиксацией, сложением, наличием/отсутствием согласования.

Современная типология - активно развивающаяся отрасль языкознания по отношению к языкам различных типов, в том числе и агглютинативных тюркских, к которым относится узбекский язык. Весьма активно развивается типологическая фонология, а также интенсивная типология (типология, ориентированная на семантические категории сравниваемых языков).

Активизируются типологические исследования в Узбекистане, особенно при сопоставлении таких языков, как узбекский, русский, таджикский, английский.

Основные модели типологических исследований - эталонная и анкетная. При эталонном типе описания за исходную единицу принимается один из сравниваемых языков, например, при сопоставлении русского, узбекского и английского - либо узбекский, либо русский, либо английский. Полученные результаты во многом определяются избранным для анализа "исходным" языком, часто отношения формы и содержания, грамматических способов, системы частей речи эталонного языка как бы "навязываются" другим языкам. Например, некоторые исследователи находят грамматическую категорию вида или слова категории состояния в узбекском и английском языках, что явно противоречит реальной грамматической структуре данных языков.

При реализации эталонной модели типологических исследований чаще наблюдается бинарное, попарное сравнение языков.

Анкетная модель типологических исследований предполагает сравнение практически неограниченного количества языков - от двух до десяти и более языков. Именно такой метод применен в исследованиях Дж.Гринберга, который "анкетировал" по степени синтетичности, агглютинации, деривации и т.д. языки разных семей, разных типологических характеристик (английский, персидский, китайский, суахили и др.).

Возможно типологическое исследование по содержательным признакам (интенсивная типология, основы, которой заложены акад. И.И. Мещаниновым). "Анкета" может содержать параметры наличия/отсутствия грамматических категорий рода, одушевленности, притяжательности, вида и т.д., при наличии той или иной категории - специфики её устройства (например, род бинарный или многочленный). Такая информация даёт представление не только о самих категориях, но и о классификации лексики, способах выражения субъекта и объекта в данном языке и т.д.

Несмотря на различия в принципах и подходах к классификации языков, большинство современных типологов выделяет следующие базовые типы языков:

1. Изолирующие (языки типа китайского, вьетнамского, бирманского).

2. Агглютинативные (тюркские языки; армянский, корейский языки).
3. Флективные языки, которые распадаются на языки с внешней флексией (с преобладанием окончания как грамматического способа) и с внутренней флексией (с преобладанием чередования как грамматического способа). Языки с внешней флексией: русский, чешский, литовской и др., с внутренней - арабский, иврит.
4. Полисинтетические (инкорпорирующие) языки: языки американских индейцев, чукотский, эскимосский.

Важным теоретическим положением типологии является признание возможности изменения типа языка в течение длительного времени. Так, максимальное развитие аналитической тенденции может по сути коренным образом изменить флективный строй, характерный для всех древних индоевропейских языков. С нашей точки зрения, в настоящее время может быть поставлен вопрос о выделении отдельного аналитического типа языков.

К языкам с преобладающим аналитизмом могут быть отнесены английский и французский языки.

Типология в настоящее время является бурно развивающейся отраслью языкознания, она тесно взаимодействует с современной компаративистикой, психолингвистикой и социолингвистикой. Чрезвычайно велика роль типологических исследований в методике преподавания языков.

ГЛАВА III. Лингвистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта

В. фон Гумбольдт (1767-1835) - основоположник теоретического языкознания, создатель типологического языкознания, антрополог историк, литературовед, политический деятель, дипломат, создатель Берлинского университета. "Происхождение, блестящее образование материальная обеспеченность дащи ему возможность общаться не только монархами и видными политическими деятелями, но и с учеными писателями и поэтами, возглавлявшими духовную жизнь того времени, том числе с Гёте, Шиллером, с которыми он находился в тесной дружбе.

Всестороннее и гармоничное развитие как личности, так и всего человеческого рода - таков был гуманистический идеал Гумбольдта которому он оставался верен в своей практической деятельности ... Он выступал против утилитарного направления и поощрения узкой специализации в университетском образовании...

Он же выработал принципы, легшие в основу образования гимназиях, которые сохранили свою актуальность и по сей день. И здесь он, в противоположность одностороннему интеллектуальному образованию, перед воспитанием ставил задачу пробуждения всех сил человеческой природы"/Рамншвилн 1984, 5-6/.

Именно В. фон Гумбольдт расширил круг теоретически изучаемых языков, выйдя далеко за пределы индоевропейских - основного предмет изучения сравнительно-исторического языкознания. Он привлек для исследования баскский язык, языки Индокитая и индейские языки. Основной лингвистический труд Гумбольдта - "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830-1835) был задуман автором как введение к его работе "О языке кави на острове Ява", однако он обычно рассматривается как самостоятельный труд, подытоживший все самое ценное и существенное, что было высказано автором в его публикациях и в серии докладов в Берлинской академии наук.

Общетеоретической базой концепции Гумбольдта послужила философия Э.Канта, и прежде всего та её часть, которая связана с противопоставлением феномена - явления, данного нам в опыте постигаемого при помощи чувств, и ноумена - явления, которое остается за пределами опыта и является недоступным непосредственному созерцанию. Ноумен часто трактуется как кантовская "вещь в себе" непознаваемое, однако правильнее трактовать её как умопостигаемую сущность. Различение этих понятий очень важно в теории языкознания так как язык - объект особого рода, не данный в непосредственном наблюдении, а лишь в многообразии своего функционального проявления.

Все составные части учения Гумбольдта пронизывают идеи диалектики внутренней и внешней формы языка, подхода к языку как непрерывному развитию, деятельности (самое знаменитое высказывание Гумбольдта - "Язык не продукт деятельности (ergon), а деятельность" (energia), а также антиномичности языка (Антиномия – противоречия между двумя положениями, каждое из которых признается логически доказуемым: напр.; - непрерывность и прерывность материи).

3.1 Основные антиномии языка, выдвинутые В.фон Гумбольдтом

1. Антиномия языка и мышления. Язык есть орган, образующий (формирующий) мысль, - дух человека стремится освободиться от уз языка, что обогащает язык средствами выражения.

2. Антиномия произвольности и мотивированности.

3. Антиномия объективного и субъективного. По отношению к человеку язык объективен, в то же время язык 'живет' в человеке.

4. Антиномия языка и речи.

5. Противоречие между социальными и индивидуальными моментами в языке. Язык - это и принадлежность индивида, и общественное достояние. В крайней, афористически заостренной форме это звучит так: "Весь человеческий род говорит на одном языке, и каждый человек обладает своим языком".

6. Противоречие между завершением развития языка в данный момент и его непрерывным развитием. Каждое поколение получает язык в готовом виде, но в этих готовых формах содержится все для обновления языка и вечного движения в процессе языкотворчества.

7. Противоречие между языком как совокупностью определенных фактов и вместилищем приемов, с помощью которых разворачивается и развивается речь.

8. Противоречие между языком как определенной системой и её реализацией в виде отдельных актов речевой деятельности.

9. Противоречие между языком как средством объективации мысли и стимулом мысли слушающего.

Лингвистику В.фон Гумбольдта справедливо называют антропологической: "особенность методологического подхода Гумбольдта состоит в том, что онтологию языка он задает с эксплицитным включением в неё человека. Язык трактуется при этом как непрменный атрибут человека, а "человеческое начало" рассматривается как конститутивное свойство языка. По замыслу Гумбольдта центральной лингвистической дисциплиной должно стать сравнительное языковедение, ориентирующееся на изучение четырех объектов - языка, постигаемых через него целей человека, человеческого рода и отдельных народов, изучаемых в их взаимной связанности ...

Человек в концепции Гумбольдта трактуется как активное, деятельное общественное существо, наделенное сознанием и свободой. Он противопоставит миру как целостное единство, будучи погружен всем своим существованием в историю. Человек является творцом цивилизации и культуры, которые, несмотря на их способность очеловечивать и облагораживать народы, нельзя считать вершиной того, до чего может подняться человеческий дух. Наиважнейшая деятельность человеческого духа - язык, позволяющий ему осуществлять уникальный тип общения - языковое общение, при котором индивидуальная свобода и необходимость согласовывать свои действия с другими людьми не только не исключают, но, напротив, подразумевают друг друга/Постовалова 1987, 52/.

Человек в концепции Гумбольдта - языкотворец по своей сути; каждый язык является отображением и естественным развитием изначальной языковой способности - всеобщего языкотворческого начала в человеке. Среди сил, делающих человека человеком, язык занимает особое место. Взаимоотношение языка и человека характеризуется парадоксально, но по сути глубоко и пронизательно: "Человек является человеком только благодаря языку, а для того, чтобы создать язык, он уже должен быть человеком"/Гумбольдт 1984, 314/.

Сложную проблему происхождения языка Гумбольдт решает на логическом уровне, с устранением фактора времени. Образование языка предстает не в виде постепенного процесса, развернутого во времени, а в виде одномоментного акта, так как в каждый момент бытия языка ему присущи все его свойства. "Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и целиком уже должен быть заложен в нем"/Гумбольдт 1984, 314/.

Язык заложен в человеке в виде некоторых принципов деятельности. Язык - вечно созидающий организм, в котором определены лишь законы порождения, объем же и способы порождаемого произвольны.

Следует отметить, что концепция Гумбольдта, отличающаяся оригинальностью и парадоксальностью, вовсе не проста для понимания. Но при внимательном рассмотрении фактов бытия отдельных языков подтверждается правда и глубина учения Гумбольдта.

Динамичный, деятельный, вечно созидающий характер языка подтверждается делением языков на языки живые и мертвые (к последним относятся древнегреческий, старославянский, латинский, галльский, прусский, готский). "Употребляя терминологию, подходящую лишь для живых существ, мертвым языком можно назвать язык, на котором перестали говорить вследствие того, что он действительно исчез, не оставив потомства (как галльский язык), либо вследствие того, что он изменился до такой степени, что его современное состояние

представляется новым языком (латинский язык называют мертвым языком, хотя он и продолжает жить в романских языках" /Марузо 1960, 152/.

Мертвые языки не меняются, не развиваются. Изменение, развитие живых языков - это неперенное условие их существования, причем эти изменения происходят постоянно, хотя далеко не всегда осознаются говорящими на том или ином языке.

3.2 Учение о внутренней форме языка В.фон Гумбольдта и его интерпретация в концепции А.А. Потебни

Понятие внутренней формы слова выросло из понятия внутренней формы языка, охарактеризованного В.фон Гумбольдтом. Как уже отмечалось, все определения Гумбольдта нацелены на языковую динамику, на его известную идею о том, что "по своей сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент преходящее ... Язык есть не продукт деятельности, а деятельность... В абсолютном смысле в языке не может быть никакой неоформленной материи, так все в нем направлено на выполнение определенной цели, а именно - на выражение мысли, причем работа эта начинается уже с первичного его элемента членораздельного звука, который становится членораздельным благодаря приданию ему формы" /Гумбольдт 1984, 70/.

Самый сложный вопрос в концепции Гумбольдта, касающийся внутренней формы языка, - есть ли дословесные понятия, имеющие определенную структуру, которым звуковые оболочки слов и грамматические формы придают более четкий вид. Многие положения итоговой работы В. фон Гумбольдта позволяют решить этот вопрос положительно, например: "Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя, и идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в известные границы" /Цит. по Рампшвили 1984, 9/.

Гумбольдт подчеркивает подлинно творческий характер образования форм языка: "Обозначение понятия посредством звука представляет собой объединение вещей, которые по своей природе никогда не могут настоящему объединиться. Но понятие точно также не может быть отделено от слова, как человек - от черт своего лица. Слово есть индивидуальное оформление понятия, и если понятие отказывается от этого оформления, оно может появиться вновь, только в других словах" /Гумбольдт 1984, 112/.

Как отмечается исследователями творчества Гумбольдта, он не дал дефиницию внутренней формы (далее - ВФ) слова, которую не следует смешивать с ВФ языка. Однако к понятию внутренней формы слова можно подойти через соотношение "слово - словарный запас - предложение - язык". Гумбольдт подчеркивал, что "никаким образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу...

словарный запас ... представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции" /Гумбольдт 1984, 112/. Гумбольдт отмечал также, что "по разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи, что является лишним показателем того, что каждый язык заключается в акте его реального порождения" /Гумбольдт 1984, 70/.

Заслуживает внимания следующее высказывание Гумбольдта: "Родство слов оказывается тройким, а именно; существует родство звуков, логическое родство понятий и родство, возникающее в результате обратного воздействия слов на дух" /Гумбольдт 1984, 110/.

Суммируя сказанное выше, можно с определенной степенью вероятности считать ВФ слова частным случаем ВФ языка.

При анализе внутренней формы Гумбольдт обращал внимание на такие ее стороны, как связь с метафорой ("Понятие часто, если не всегда, должно приобретать в языке образный и переносный смысл"), возможность индивидуальных ВФ: "Фантазия и чувство рожают индивидуальные образования, с помощью которых данное может проявляться во все новых определениях" /Гумбольдт 1984, 101, 104/. В последнем высказывании, по нашему мнению, Гумбольдт близко подошел к понятию пресуппозиции - одному из важнейших понятий современной семантики.

Очень существенным представляется высказывание о творческом характере связи понятия со словом: "Слово - не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь - главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета" /Гумбольдт 1984, 103/.

В этом заключается также источник многообразия разных внутренних форм для обозначения одного и того же предмета, в одном языке или в разных языках, вариативности, синонимии, изменчивости ВФ. "Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества" /Гумбольдт 1984, 103/.

Итак, В.фон Гумбольдт - один из основоположников теоретического языкознания - разработал глубокую и целостную концепцию внутренней формы языка. Его дефиниции и высказывания относительно ВФ проникнуты идеей творческой деятельности человеческого мышления, воплощающейся в языке. ВФ, понятия интеллектуальные, не исчезают, а совершенствуясь в своем употреблении, передаются из поколения в поколение. С другой стороны, ВФ, "уловившие юношеский дух глубокой древности, следы которой донесены до нас языками, от повседневного употребления настолько стираются, что становятся едва понятными ... В таком одновременно поступательном и возвратном движении языка

оказывают то сообразное ходу прогресса воздействие, которое предоставлено им в великом хозяйстве человеческого рода" / Гумбольдт 1984, 107/.

В русской лингвистической науке именно благодаря концепции А.А.Потебни понятие внутренней формы было интерпретировано прежде всего как ВФ слова и как понятие этимологическое, этимон, первоначально положенный в основу наименования. А.А.Потебня отмечал, что в слове выделяется внешняя форма - членораздельный звук и ближайшее этимологическое значение, "способ выражения содержания", который тоже представляет собой форму, но только внутреннюю. По словам А.А.Потебни, "внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется с ней, без неё перестаёт быть сама собой... ВФ в самую минуту своего рождения изменяет и звук, и чувственный образ" /Потебня 1976, 175-180/.

Согласно воззрениям Потебни, ВФ - "единственное объективное содержание слова ... и есть отношение содержания мысли к сознанию: она показывает, как представляется человеку его собственная мысль" /Потебня 1976, 115/.

В работе А.А.Потебни "Мысль и язык" идея внутренней формы развивается в нескольких направлениях. Одно из высказываний допускает и вполне синхронное толкование: "В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутреннею формой последующего" /Там же/. Это определенно можно отнести как к ряду "этимологических состояний", так и к синхронной словообразовательной цепочке, однако примеры, приводимые А.А.Потебней, свидетельствуют скорее об этимологическом понимании ВФ.

Очень интересен анализ примеров, приводимых Потебней в разделе своего труда, касающегося ВФ. Большая часть этих примеров - производные в современном русском языке слова *стал*, *око*, *облако*, *туча*, *радуга*, *язва* и под., так что поиски ВФ, естественно, сводятся к этимологическому анализу. Именно по поводу этих слов он пишет: "В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы назвали объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключает в себе только один признак; другое - субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе ... Первое содержание слова есть та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное, и как увидим сейчас, единственное содержание, то в слове остается только звук, то есть внешняя форма и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя" /Там же/.

Для реального общения важно именно многопризнаковое субъективное содержание слова, субъективное в том смысле, что оно в

чем-то иное у каждого говорящего, но в то же время содержит необходимую для общения "общую" часть. Эта общность не в последнюю очередь определяется ВФ, осознаваемой или неосознаваемой. А. А. Потебня гениально уловил диалектику осознаваемого и неосознаваемого, объективного и субъективного, мысли и чувства.

"Так как чувство мыслимо только в отдельном лице и вполне субъективно, то мы принуждены первое по времени собственное значение слова назвать субъективным, тогда как выше собственное значение слова вообще, внутреннюю форму мы считали объективной стороною слова" /Там же/.

Значит, можно предположить, что ВФ, возникая как субъективное содержание, со временем становится объективной. Потебня писал, что "при создании слова мысль перестает быть собственностью самого говорящего и получает возможность жить самостоятельно по отношению к своему создателю"/Потебня 1976, 165/.

Анализируя пример наименования ребёнком белого стеклянного шара арбузиком, А.А. Потебня отмечает: "Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова. Здесь мы можем назвать знак иначе: он есть общее между сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основание сравнения..." /Там же/.

Таким образом, многие положения о ВФ А.А.Потебни приложимы не только к этимологическому, но и к синхронному словообразовательному анализу и к семантической деривации, переносу значений слова.

А.А.Потебня совершенно определенно утверждает, что сказанное Гумбольдтом обо всем языке можно применить к отдельному слову, так что действительно есть основания считать ВФ слова частным случаем, или фрагментом ВФ языка.

Вполне в духе В. фон Гумбольдта А.А.Потебня пишет о языке как о постоянно развивающейся системе: "Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждается этою последнею, даёт только способ развития в нем не назначая пределов его пониманию слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого"/Потебня 1976, 166/.

Понятие ВФ языка А. А. Потебня связывает с явлением апперцепции, с зависимостью восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания духовной жизни человека. "Само появление внутренней формы, сама апперцепция в слове сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам"/Потебня 1976, 182/

Психологическое понятие "апперцепция" коррелирует с лингвистическим понятием "пресуппозиция", причем второй термин представляется более предпочтительным, так как может рассматриваться как термин собственно лингвистики, а не психологии.

А.А.Потебня пишет не только о сущности и формировании ВФ, но и потере ВФ слова, забвении ВФ: "Важность забвения внутренней формы - в положительной стороне этого явления ... оно есть усложнение, или ступение мысли"/Там же. 182/.

Однако забвение ВФ слова ведет лишь к появлению новой ВФ. А.А.Потебня подчеркивает, что ВФ является важнейшим признаком слова в отличие от междометия, которое к словам не относится.

ГЛАВА IV. Лингвистическая концепция Фердинанда де Соссюра. "Курс общей лингвистики"

Лингвистика XX века во многих своих направлениях прошла под знаком концепции Ф. де Соссюра, которого считают создателем знаковой теории языка, а также предтечей структурализма. В то же время научная судьба "Курса общей лингвистики" и самого Соссюра необычна.

Ф. де Соссюр (1857-1913) родился в Женеве, жил и работал в Париже, Берлине. Главный, определяющий период его деятельности очень короток - с 1891 по 1913 г., до болезни и смерти (к этому времени он вернулся в Женеву). Да и из этого периода следует выделить 1907 - 1913 гг., в течение которых он трижды читал свой курс в Женевском университете.

Другие крупные работы Ф. де Соссюра: "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейском языке" (1879 г.), "Литовская акцентуация" (1886 г.).

Круг его научных интересов составляли классические, германские, отчасти славянские языки, литовский язык. Однако уместно будет отметить, что главный объект изучения Соссюра - ЯЗЫК как таковой в его современном состоянии и частично в историческом развитии.

С публикацией "Мемуара о первоначальной системе гласных"* связана история, определившая всю научную судьбу знаменитого лингвиста: он был несправедливо обвинен в плагиате, вследствие чего избегал публикаций в последующие годы. Возможно, по этой причине его основной труд был опубликован не им, а его учениками, по их записям курса лекций в разные годы. Это ставит "Курс общей лингвистики" в двойственное положение: это интеллектуальная собственность и Соссюра, и его учеников - Ш. Балли и А. Сеше. Вероятно, при публикации "Курса" самим автором многие вопросы и споры были бы разрешены. Впервые "Курс" был опубликован в 1916 г., то есть после смерти Соссюра.

"Курс общей лингвистики" отличается стройной композицией, сквозной научной идеей, охватом практически всех аспектов ЯЗЫКА с примерами из различных конкретных языков. Приходится отметить также минимальное количество научных ссылок, отсылок к другим авторам и т.д., причем большая часть их приходится на "Введение".

"Введение" само по себе представляет концентрированное изложение взглядов авторов. Оно строится необычно для введения, распадаясь на девять глав (включая приложение): "Общий взгляд на историю лингвистики", "Материал и задача лингвистики", "Объект лингвистики", "Лингвистика языка и лингвистика речи", "Внутренние и внешние элементы языка" и др.

Относительно Главы I, представляющей как бы наискратчайший курс "Истории лингвистических учений" (Соссюр 1977, 39-43), следует отметить, что учениками Соссюра представлена в целом необъективная

картина развития лингвистики: не упоминается индийское и арабское языкознание, крайне негативно характеризуется античное языкознание; из языковедов XIX в. называются только Я.Гримм, А.Шлейхер, Ф.Бопп, Г.Лауль, В.Уитни и некоторые другие. Гумбольдт не упоминается совсем.

Антимладограмматизм авторов проявляется в следующем слишком категоричном высказывании: "Их наука оставалась исключительно сравнительной вместо того, чтобы быть исторической". Кстати, отсутствует упоминание о русских ученых, хотя в теории фонемы у Соссюра было немало общего с Бодуэном де Куртене.

Всё это сводится к одной основной мысли: во всем предшествующем Соссюру языкознании объект изучения, язык, выделялся неверно. Это происходит, по мнению Соссюра и его учеников, вследствие смешения языка и речи, а также синхронии и диахронии в языке.

Влияние современных Соссюру позитивистских философских взглядов проявляется, в частности, в его поразительном утверждении: "В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает сам объект"/Соссюр 1977, 46/. В то же время есть и более объективное высказывание о том, что язык - грамматическая система и словарь - нигде не дан в целостности /Соссюр 1977, 39/.

Именно во "Введении" даются базовые дихотомии Соссюра: разграничение языка и речи, синхронии и диахронии, а также положение о языке как разновидности знаковых (семиотических) систем. Здесь же обосновывается понимание языка как явления социального, а речи - как индивидуального, психофизического ("в речи нет ничего коллективного"). Основной раздел "Курса" делится на пять частей: "Общие принципы", "Синхроническая лингвистика", "Диахроническая лингвистика", "Географическая лингвистика", "Вопросы ретроспективной лингвистики". Наиболее существенными и интересными для читателя любого поколения представляются первые две части, так как именно в них, наряду с Введением, заключена вся оригинальность, смелость и вместе с тем противоречивость концепции Ф.де Соссюра. Это не означает, что последние части не представляют интереса, они очень познавательны, содержат большой и проблемный фактический материал, но всё же больше относятся к тому, что автор считал внешней лингвистикой. Само это понятие представляется в его концепции нелогичным, парадоксальным: лингвистика Соссюра обязана быть сугубо внутренней.

Особый интерес представляет та часть учения о языке, которую Соссюр называл внутренней лингвистикой. Её основные положения представлены на с. 31-288 «Курса».

Как указывалось выше, структура "Введения" (с.39-97) необычна: оно распадается на отдельные главы, что подчеркивает важность теоретических установок, изложенных в этом разделе. В Главе II

"Введения" "Материал и задача лингвистики"; ее отношение к смежным дисциплинам" (с.44-45) утверждается, что материалом лингвистики являются прежде всего все факты речевой деятельности человека, а также письменные тексты как единственный источник сведений о языках далекого прошлого или далеких стран.

В задачу лингвистики входит: а) описание и историческое исследование всех доступных ей языков, что ведет к составлению истории всех языковых семейств и по мере возможности к реконструкции их праязыков; б) обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех языках, и установление тех общих законов, к которым можно свести отдельные явления в истории этих языков; в) определение своих границ и объекта.

Сама по себе формулировка задач лингвистики весьма любопытна. Первый пункт формулируется как традиционный для сравнительно-исторического языкознания и касается не ЯЗЫКА по преимуществу, а конкретных языков в их историческом развитии, т.е. в диахроническом плане. Примечательно, что задачи компаративистики распространяются не только на индоевропейские языки.

Вторая и третья задачи относятся преимущественно к ЯЗЫКУ (причем третья задача логически должна быть первой), однако синхрония и диахрония здесь еще жестко не разграничены.

Далее в этой главе Соссюр, касаясь связей лингвистики с этнографией, физиологией, филологией и социальной психологией, формулирует свое знаменитое положение: "в сущности, в языке все психично, включая его и материальные, и механические проявления, как, например, изменения звуков" (с.45). Здесь же ставится вопрос о необходимости разграничения лингвистики с упомянутыми отраслями науки и о ее практическом значении.

Глава III "Введения" - "Объект лингвистики" (с.46-55) - является исключительно важной для определения всей концепции Соссюра, мысли которого необходимо строго отграничить лингвистику от психологии, антропологии, нормативной грамматики, филологии и т.д. и с самого начала стать на почву языка как такового. Язык представляется частью речевой деятельности, которая имеет две стороны: индивидуальную и социальную, причем одну нельзя понять без другой.

В данной главе подробно рассматривается структура речевого акта; язык характеризуется как явление социальное. Надо заметить, что по ходу изложения "Курса" язык получает несколько определений, причем не все они согласуются между собой. В частности, в данной главе "Введения" языку дается следующее определение: "Язык - это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо

язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе" (с.52).

Данное определение отражает важные стороны ЯЗЫКА; сравнение языка с кладом ориентировано на кумулятивную функцию; однако ограничение его лишь грамматической виртуальной системой представляется неоправданным.

Здесь же дается важнейшее для концепции Соссюра определение языка как системы знаков, и значит, как части семиологии (семиотики) - науки о знаковых системах.

В главе IV "Введения" - "Лингвистика языка и лингвистика речи" - "зарождается" знаменитая дихотомия Соссюра "язык - речь". Соссюру устанавливает следующую взаимозависимость между языком и речью: "Язык одновременно и орудие и продукт речи. Но это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами. Язык существует в коллективе как совокупность впечатлов, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц" (с.57). Язык, по Соссюру, это нечто социальное по существу и в то же время независимое от индивида. Лингвистика здесь определяется как наука чисто психическая (с.57); речь же отражает индивидуальную сторону речевой деятельности, она психофизична (Там же).

В Главе V "Введения" - "Внутренние и внешние элементы языка" (с.59-61) - делается весьма существенная оговорка: "Наше определение языка предполагает устранение из понятия "язык" всего того, что известно под названием "внешней лингвистики", хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности" (с.59). Однако, несмотря на это строгое ограничение, внешняя лингвистика по сути подробно (и очень интересно) рассматривается в курсе, что вступает в явное противоречие с положением автора: "Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку".

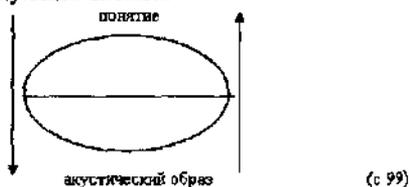
В следующих главах "Введения" и в "Приложении к введению" рассматриваются проблемы фиксации языка посредством письма и фонология, причем используется понятие фонемы, которая определяется Ф.де Соссюром как первичная единица, получаемая при расчленении речевой цепочки, а также как "сумма акустических впечатлений и артикулируемых движений, совокупность слышимой единицы и произносимой единицы, из коих одна обусловлена другой" (с.76). Дальнейшее изложение Соссюром фонологии позволяет понимать фонему как оппозитивную, относительную и отрицательную данность: как дифференциальную величину.

Основной раздел курса состоит из пяти частей. Каждая часть, как и введение, распадается на относительно небольшие главы, в свою очередь,

многие из глав состоят из отдельных параграфов (вообще следует отметить чрезвычайно четкое и продуманное разбиение материала "Курса", ясность изложения).

Часть первая "Общие принципы" состоит из трех глав. Глава I "Природа языкового знака" является одной из важнейших в "Курсе": она во многом предопределила последующее развитие семиотики.

В §1 этой главы в научный обиход вводятся важнейшие термины: означаемое и означающее. Спецификой языкового знака по сравнению со знаками других семиотических систем является тот момент, что "обе стороны языкового знака психичны и связываются в нашем мозгу ассоциативной связью ... Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ" (с.99). Это положение Ф.де Соссюр иллюстрирует следующей схемой:

Соссюр подчеркивает двусторонность языкового знака и буквально предупреждает от одностороннего понимания знака, т.е. только как акустического образа. "Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово arbor и т.д. Забывают, что если arbor называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие "дерево", так как чувственная сторона предполагает знак как целое" (с. 100).

Термины "понятие" и "акустический образ" (психологические) заменяются собственно лингвистическими: "Мы предлагаем сохранить слово знак для обозначения целого и заменить термины понятие и акустический образ соответственно терминами означаемое и означающее".

В следующих параграфах Соссюр рассматривает такие свойства (принципы) языкового знака как произвольность, линейный характер чающего, неизменчивость и изменчивость.

Произвольности означает немотивированность языкового знака: знак произволен по отношению к данному означаемому, "с которым у него нет в действительности никакой естественной связи" (с. 101). В дальнейшем изложении, в частности, при делении знаков на грамматические (с преобладанием мотивированных слов) - и лексические (с преобладанием немотивированных слов), Соссюр демонстрирует относительность произвольности знака в языке.

Соссюр предостерегает от смещения знака и символа: "Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом символ. Но пользоваться им не вполне удобно именно в силу первого принципа. Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; ... в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например, колесницей" (с. 101).

В этой части курса содержится один из моментов скрытой полемики с концепцией В.фон Гумбольдта: в резком контрасте с концепцией человека-языкотворца, который с детства творит язык в себе и постоянно вносит в него изменения, Соссюр утверждает: "... человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом" (с.101).

Линейный характер означающего обосновывается следующим образом: "Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение - это линия" (с. 103). Это, по мнению Соссюра, составляет важное отличие языка от других семиотических систем, так как в других системах (морские сигналы и т.п.) означающие могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях.

Отметим, что это относится к синтагматической оси языка, а в парадигматике наблюдается именно сосуществование означаемых и означающих в своеобразном многомерном семантическом пространстве.

Обосновывая неизменчивость (устойчивость) языкового знака, Ф.де Соссюр пишет: "Фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествующих поколений и который должен быть принят таким, как он есть ... каждый народ в общем доволен доставшимся ему языком" (с. 105).

В "защиту" неизменчивости знака Соссюр приводит такие доводы:

1. Произвольность знака.
2. Множественность знаков.
3. Слишком сложный характер системы.
4. Сопроотивление коллективной косности любым языковым инновациям.

В то же время непрерывное изменением этнических языков не может прищипаться никем. Согласно взглядам Соссюра, это результат воздействия времени (человек из процессов языкового изменения как бы устранен): Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, которое на первый взгляд противоположно первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о неизменчивости языкового знака, так и об изменчивости его.

В конце концов, оба эти факта взаимно обусловлены: знак может изменяться, потому что его существование не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности" (с. 107).

На наш взгляд, в вышеизложенном высказывании остается в стороне источник языковых изменений, который никак не может быть сведен к абстрактной категории времени.

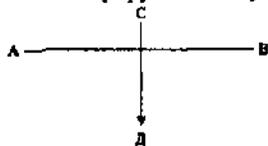
В данном разделе дано еще одно определение языка: "Язык для нас - это речевая деятельность минус речь. Он есть совокупность языковых навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым" (с. 109-110). Однако в этом определении, как и во всем "Курсе", нет определения речевой деятельности; кроме того, данное определение содержит элемент "определения по кругу": язык определяется через языковые навыки.

Гораздо более существенным представляется положение Соссюра о сути языковых изменений как сдвигах в отношениях между означаемым и означающим (с.110).

В главе III "Статистическая лингвистика и эволюционная лингвистика" вводится исключительно ценное для теоретического языкознания понятие значимости: "...в лингвистике, как и в политической экономии, мы сталкиваемся с понятием значимости. В политической экономии ее именуют ценностью. В обеих науках речь идет о системе эквивалентностей между вещами различной природы: в политической экономии - между трудом и заработной платой, в лингвистике - между означаемым и означающим" (с.112-113).

Предвосхищая дихотомическое разграничение синхронии и диахронии в языке (и, соответственно, синхронической и диахронической лингвистики), Соссюр пишет: "Совершенно очевидно, что в интересах всех вообще наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать ...1) ось одновременности (АВ), касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) ось последовательности (СД), на которой никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются вся явления первой оси со всеми их изменениями" (с.113).

Это положение иллюстрируется следующей схемой:

Языку дается еще одно определение: язык есть система чистых значимостей (с. 113). Это определение, ориентированное на дифференциальные, различительные, "отрицательные" признаки знака, с одной стороны, представляет собой прорыв в познании внутреннего механизма языка, но, с другой стороны, не совсем согласуется с другими определениями языка в "Курсе". На наш взгляд, данное определение характеризует лишь одну из сторон механизма языка и языкового функционирования.

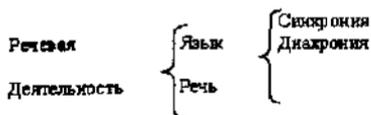
Недостатки современной ему лингвистики Соссюр видит в том, что она, "едва возникнув, с головой ушла в диахронию", а также в смешении наличного состояния языка и последовательности состояний во времени (с.115). "Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом" (с. 115 - 116).

Противоположность двух точек зрения на язык - синхронической и диахронической - Соссюр считает абсолютной и не терпящей компромисса: по его мнению, законы синхронии и диахронии противоположны: синхронический - общий, но не императивный, диахронический - императивный (диахронические факты навязаны языку), но не имеют характера общности (с. 124 - 127).

В то же время Соссюр понимает относительность понятия синхронии: в части второй "Курса" под названием "Синхроническая; лингвистика" читаем: "Состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше. Случается, что в течение сравнительно долгого промежутка времени язык почти не изменяется, а затем в какие-нибудь несколько лет претерпевает значительные изменения. Из двух сосуществующих в этом периоде языков один может сильно эволюционировать, а другой почти вовсе не измениться: во втором случае изучение будет неизбежно синхроническим, а в первом потребуются диахронический подход" (с. 133- 134).

В части второй (гл.IV) языку дается новое определение: "мысль, организованная в звучащей материи" (с. 144). В этой главе рассматриваются такие важные вопросы, как тождества, реальности, значимости: синтагматические и ассоциативные (ныне называемые парадигматическими) отношения, роль абстрактных сущностей в грамматике и др.

Общую схему соотношения языка, речи, синхронии и диахронии Ф. де Соссюр представляет следующим образом:

(с. 131).

Язык характеризуется как социальный системный механизм, причем вся доля системности приходится на синхронию, речь же отражается как психофизическое индивидуальное явление, также лишенное системности.

Такая модель устройства языка принимается далеко не всеми лингвистами. С нашей точки зрения, упрощение и огрубление реальных отношений между языком и речью, синхронией и диахронией вытекают из дихотомического метода, примененного, на наш взгляд, к объектам, представляющим собой множество, которое можно поделить на подмножества: например, среди знаменательных слов русского языка можно выделить изменяемые и неизменяемые; изменяемые поделить на склоняемые и спрягаемые и т.д. Однако применение метода дихотомического членения к целостным абстрактным объектам, каковым является язык, заведомо ведет к выделению жестких рубрик, по сути не адекватных реальному членению объекта. Гораздо более адекватным языковой онтологии выступает метод антиномий.

Как видно из изложенного, Ф. де Соссюром и его учениками создана принципиально новая концепция языка, не свободная, однако, от противоречий и некоторых неясностей. Прежде всего, остается неопределенным понятие "речевая деятельность", о которой говорится только, что это понятие более широкое, чем язык. С нашей точки зрения, это и есть язык в понимании Гумбольдта, диалектическое единство языка (в понимании Соссюра) и речи.

Вообще в "Курсе" Ф. де Соссюра много и скрытой полемики с Гумбольдтом и, к сожалению, прямых заимствований из его работ без ссылок. Например: "Язык не деятельность говорящего. Язык - это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим"; "В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию, в любой момент речевая Деятельность одновременно и действующее установление, и продукт прошлого" (с.52). Если первое высказывание опровергает одну из антиномий Гумбольдта, то второе по сути воспроизводит другую антиномию.

Заслуги Ф. де Соссюра исключительны в том числе в понимании языка как системы значимостей, выделении ассоциативных и синтагматических групп. Однако тезис о том, что единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя, не представляется плодотворным. Он вступает в противоречие с содержанием самого "Курса" и создает резкий контраст с задачами гуманистической лингвистики, возрождаемой в настоящее время.

ГЛАВА V. Семиотика. Специфика лингвосемиотических систем

Семиотика (семиология) от др.-греч. $\zeta\eta\mu\alpha$ "знак, знамение" - научная дисциплина, занимающаяся изучением знаковых систем - от простейших систем сигнализации до естественных языков и языков науки.

Знак - это соединение определенного смысла, значения и определенного способа его выражения, т.е. означаемого и означающего. Знаковая (семиотическая) ситуация возникает тогда, когда в целях передачи определенной информации что-либо выступает "заместителем" чего-либо другого. Наиболее простым примером могут служить знаки, называемые по-латыни *ad hoc*, т.е. предъявление готовых предметов. Так, в европейской культурной традиции преподнесенный даме букет красных роз означает любовь.

Знаковые системы разнообразны, они действуют в природе, обществе, человеке и являются предметом исследования лингвистов и математиков, культурологов, историков литературы и искусства, ученых других специальностей. В связи с этим семиотика разделяется по объекту изучения на несколько частей: семиотику языка и литературы, изучающую различные проявления языка; семиотику науки, искусства, обрядов и ритуалов (математика, логика, живопись, архитектура, музыка, кино и т.д.); семиотику биологических систем коммуникации (системы биологической связи в человеческом организме, коммуникация животных).

Семиотика языка и литературы имеет свою специфику, т.к. изучает такие знаковые системы, которые обладают *высказываниями*, построенными по законам естественных языков. Семиотический аспект сближает лингвистические и литературоведческие исследования, объединяя их в общезнаменное изучение текста, понимаемого в самом широком смысле как соотношение значения (означаемого) и его материального воплощения (означающего), т.е. как семиотическая система.

Основателем семиотики нового времени считается американский ученый-логик и математик **Чарльз Сандерс Пирс** (1839-1914), предпринявший первую попытку классификации знаков в работе «О новом списке категорий» (1867). Пирс широко использовал опыт античных (стоики) и средневековых (Августин) логиков, сожалея о долгом забвении учения о сущности и основных видах знакообозначения. Пирс полагал, что семиотика способна стимулировать развитие многих жизненно важных специальных наук, в частности - языкознания. По мнению Р.Якобсона, "полувековая работа Пирса по созданию общих основ семиотики имеет эпохальное значение, и если бы работы Пирса не остались большей частью неопубликованными вплоть до тридцатых годов

или если бы, по меньшей мере, его опубликованные работы были известны языковедам, они, несомненно, оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе"/Якобсон 1983, 103/.

Пирс называл знаки репрезентаменами, т.е. представителями, полагая, что имеется существенное различие между материальными качествами (означающим) любого знака и его интерпретацией (означаемым). Пирс установил три типа знакообозначения, основанных на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым, и в соответствии с этим - три основных типа знаков:

1. **Иконические знаки.** Знакообозначение основано на фактическом сходстве (подобии) означаемого и означающего, именно поэтому означающее способно заменить узнаваемое означаемое. Например, рисунок или фотография, изображающие животное, человека, пейзаж, - и само животное, человек, пейзаж.

2. **Индексные знаки (индексы).** Их действие предполагает фактическую, реально существующую смежность означающего и означаемого. Эта ассоциативная смежность служит основой знакообозначения. Так, например, дым есть индекс огня, след ноги человека на песке - индекс присутствия самого человека, сумка или портфель, специально оставленные на стуле, - индекс пришедшего зрителя ('место занято').

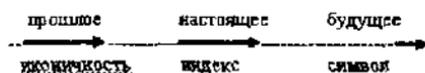
3. **Символические знаки (символы).** Сущность символа состоит в том, что он не учитывает реальную, физическую смежность или реальное сходство между означающим и означаемым. Их связь устанавливается "по соглашению", она подчиняется заранее установленному правилу. Интерпретировать знак-символ можно, лишь зная это правило.

Так, покачивание головой слева направо означает для болгарина "да", а для русского "нет". Не имея предварительной информации об этом, нельзя понять ответ собеседника на вопросы типа "Вы заняты вечером?", "Вам понятно о чем я говорю?" и под.

Важнейшей чертой семиотической классификации Пирса является указание на то, что в реально существующих знаках совмещается иконичность, индекс и символ, одна из сторон лишь преобладает. Например, иконичные знаки-рисунки всегда включают символические и индексные элементы, возникающие при перенесении объемного изображения на плоскость (законы линейной перспективы, светотень и т.д.).

Современные лингвистические теории обнаруживают в преимущественно символических языковых знаках черты иконичности и семиологического индекса, особенно заметные в звукоподражательных словах (*шуршать*, *мяукать* и под.), в порядке следования частей высказывания: самое важное обычно стоит в начале фразы.

Пирс считал совершенными те знаки, в которых иконические, индексные и символические признаки представлены равномерно. При этом иконичность Пирс соотносил с прошлым опытом человека, индекс - с параметрами "здесь" и "сейчас", характерными для настоящего, а символ считал проявлением неопределенного будущего. Таким образом, хронологический вектор в семиотическом аспекте можно представить как своеобразное "стусшение" признаков иконичности, индекса и символа в единой знаковой системе:

Пирс противопоставлял символ другим типам знакообозначения на том основании, что индексы и иконические знаки воплощают прошлый или настоящий опыт человека как свершившийся факт. Символ же, как показывает тот же опыт, связан с неким обобщением, общим правилом, которое не только уже было реализовано в прошлом или реализуется в настоящем, но при возникновении определенных условий воплотится и в будущем. Символ способен "предсказывать" будущее как неизбежную интерпретацию известного общего правила. В книге "Экзистенциальные графы" Пирс указывал: "Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто будет определенно воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение интерпретатора. Каждое слово есть символ. Каждое предложение - символ. Каждая книга - символ...Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее" /Цит. по Якобсон 1983, 116/.

Основные принципы и понятия общей семиотики как новой научной дисциплины, намеченные в исследованиях Пирса, были систематизированы и обобщены американским философом Чарльзом Моррисом в работах "Основы теории знаков" (1938), "Знаки, язык и поведение" (1946), "Значение и значимость" (1964), "Прагматическое движение в американской философии" (1970). По мысли Морриса, «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков - а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков" /Моррис 1977. 37-38/.

Моррис отмечал некую двойственность семиотики. Он квалифицировал семиотику как полноправную самостоятельную науку, изучающую "вещи и свойства вещей в их функции служить знаками", и в то же время как "инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков. Следовательно,

метанаука (наука о науке) должна использовать семиотику как органон, или орудие" /Моррис 1977,38/.

В гуманитарных науках семиотике обычно отводят такое же место, какое математика занимает по отношению к естественным наукам, т.е. она составляет формальную основу их изучения. В. А. Звегинцев полагает, что "семиотику можно назвать математикой гуманитарных наук" /Звегинцев 1973. 215/.

Основными функциями знаковых систем являются функция передачи сообщения или передачи смысла и функция общения, т.е. обеспечения понимания передаваемого сообщения, а также побуждение к действию, эмоциональное воздействие и т.п. Осуществление этих функций связано с определенной внутренней организацией знаковой системы; наличием различных знаков и законов их сочетания. В соответствии с этим Моррис выделил три раздела семиотики, исследующие три измерения семиозиса (*семиозис* - "процесс, в котором нечто функционирует как знак" / Моррис 1977, 39/:

1. Синтактика, или изучение внутренней структуры знаковых систем безотносительно к выполняемым ими функциям. Моррис подчеркивает, что во многих случаях знаки лишь кажутся изолированными, на самом деле они, если не фактически, то потенциально всегда связаны с другими знаками, образуя "синтактическое измерение семиозиса".
2. Семантика изучает знаковые системы как средство выражения смысла. Отношение знаков к их объектам есть "семантическое измерение семиозиса".
3. Прагматика изучает отношения знаковых систем к тем, кто их использует. Отношение знаков к интерпретаторам Моррис называет прагматическим измерением семиозиса.

Моррис ввел ряд специальных терминов для обозначения определенных отношений знаков к знакам, к объектам и к интерпретаторам. Так, термин "имплицирует" ограничивается синтактикой, "означает", "денотирует" - семантикой, "выражает" - прагматикой. По Моррису, "слово *стол* имплицирует (но не обозначает) 'предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть расположены вещи', означает же оно определенный род объекта (предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть расположены вещи); денотирует те объекты, к которым это слово применимо, и выражает своего интерпретатора." /Моррис 1977. 42-43/.

Необходимость развития лингвистики в качестве составной части общей науки о знаках отстаивал Фердинанд де Соссюр. Он квалифицировал знак, в том числе и языковой знак (*signum*), как

неразложимое единство означающего и означаемого (*signans* и *signatum*), связь которых произвольна. Соссюр рассматривал язык как целостную систему знаков, в которой каждый элемент соотносится и определяется всеми другими. Напомним его знаменитые тезисы: "языковой знак состоит из означаемого и означающего", "языковой знак произволен", "язык - система, в которой все взаимосвязано (буквально: 'все держится друг за друга')", "в языке нет ничего кроме тождеств и различий" /Соссюр 1977/ - подробнее см. в главе IV настоящего учебника.

Сравнивая язык с другими знаковыми системами, Соссюр считал необходимым создать науку, "изучающую жизнь знаков внутри жизни общества" - фактически, общую семиотику (семиологию) нового времени. В то же время он отмечал ряд специфических свойств языкового знака, отличающих его от знаков других семиотических систем. Соссюр писал о способности языкового знака к изменчивости (вариативности) в пределах единой сущности. Две стороны лингвистического знака (означаемое и означающее) способны видоизменяться независимо одна от другой, а отношения между ними подвижны. По Ф. де Соссюру, "изменчивость знака есть не что иное, как сдвиг отношений между означаемым и означающим" /Соссюр Ф. 1977,47/.

В лингвистику этот важнейший соссюровский тезис вошел в интерпретации и терминологии С.О.Карцевского как "асимметричный дуализм лингвистического знака". С.О.Карцевский подчеркивал, что в реально функционирующих языковых знаках симметрия между означаемым и означающим, т.е.

постоянно нарушается. Знак как бы "скользит" в двух плоскостях: - в плоскости синонимии, где два означающих соотносимы с одним означаемым:

в плоскости омонимии, где два означаемых связаны с одним означающим:

Таким образом, каждое слово (=языковой знак) потенциально является своим синонимом и омонимом в одно и то же время /Карцевский 1965/.

С.О.Карцевский писал: "Природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично, и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождествен самому себе" /Карцевский 1965, 85/.

В отличие от искусственных знаковых систем, в языке "более емкий и многомерный по структурной организации "план содержания" не имеет однозначного соответствия более простому по форме и меньшему числу и дробности единиц "плану выражения" /Уфимцева 1974, 50/. Асимметрия языкового знака связана с принципиальными различиями в онтологической природе означаемого (идеальное) и означающего (материальное). Единицы плана содержания составляют многомерные системы, а их соединение с единицами плана выражения представляет собой процесс - "поиск" наиболее адекватного отражения их "объемности" на "плоскости" материального означающего.

Психолингвистическая трактовка этого явления заключается в том, что в сознании человека информация о форме и содержании языкового знака хранится раздельно.

Сложность и разнородность фактически безграничного означаемого получает в означаемом лингвистического знака отражение, характеризующееся одновременно и устойчивостью, и изменчивостью. Устойчивость обеспечивает взаимопонимание лиц, пользующихся данным языком, а изменчивость - выполнение языком его коммуникативной функции, т.е. способности передавать неограниченное множество информации.

Изменчивость (вариативность) лингвистического знака особенно явно проявляется при функционировании языка. Если в искусственных семиотических системах вариативность означаемого или означающего - это явный дефект, осложняющий и даже нарушающий функционирование, то вариативность языкового знака является его онтологическим свойством, заложенным в самом устройстве языкового "механизма". Именно вариативность обеспечивает языковой системе возможность синхронного функционирования и диахронического развития.

Важнейшей чертой, отличающей язык от искусственных семиотических систем, является его способность к эволюционированию во времени. Язык представляет собой своеобразный "самопорождающий организм", который "из себя же самого создает свою новую структуру" /Общее языкознание 1972, 47/.

Ф. де Соссюр, выдвинувший тезис о противопоставлении синхронии и диахронии, в то же время отмечал: "В каждый данный момент речевая

деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление ... и продукт прошлого" /Соссюр 1977, 47/. Мысль о неизбежной связи между синхронной и диахронной наиболее отчетливо выражена в "Тезисах Пражского лингвистического кружка" /Звегинцев 1965, 125/.

Любой синхронный языковой срез непременно включает "слои" прошлого, настоящего и - отчасти - будущего. Он является итогом предшествующего развития и в то же время системой, способной к дальнейшему эволюционированию. Следовательно, язык динамическая семиотическая система, которая в ходе эволюции остается функционально тождественной самой себе. Носители языка используют его, не замечая происходящих изменений, т.к. устойчивые элементы обеспечивают возможность взаимопонимания.

Асимметрия плана выражения и плана содержания, являющаяся специфическим свойством лингвистических систем, порождает две разнонаправленные тенденции, под действием которых язык развивается, оставаясь самим собой. Одна из них направлена на разрушение знака и вызывает его изменение, при котором постоянно перегруппировываются единицы содержания и выражения. Другая тенденция, опирающаяся, в основном, на действие аналогии, предотвращает разрыв двух сторон языка, способствует сохранению его единства /Общее языкознание 1970, 183/. По этому поводу Г.Хёнигсвальд писал: "Разумно предположить, что в языке взаимодействуют две силы: одна из них препятствует его изменению с целью сохранить возможность взаимопонимания между носителями языка, другая - более скрытая действует в направлении изменения языка, и притом весьма ощутимым образом" /Хёнигсвальд 1970, 81/.

Итак, язык - специфическая семиотическая система, элементы которой (=знаки) асимметричны, что является причиной их изменчивости (вариативности). Это позволяет языковой системе функционировать и развиваться одновременно. Такова в самых общих чертах лингвистическая концепция, ориентированная на соссюровское понимание языка.

"Одной из самых постоянных проблем науки о языке вообще" считал изучение языковых знаков Алексей Федорович Лосев, выдающийся филолог и философ XX века, посвятивший немало работ семиотическим проблемам лингвистики и литературоведения. А.Ф.Лосев полагал, что языковая специфика возникает только на почве учения о "разумно-жизненном знаке. Самое существенное здесь то, что язык не просто обладает двуплановым характером, но то, что один план является здесь знаком другого плана, служит для его обозначения, так что в языке есть и означающие и означаемые и то значение, благодаря которому существуют эти два значащих плана" /Лосев 1982, 10/.

По мысли А.Ф.Лосева, языковой знак активен, в отличие от знаков других семиотических систем, в частности - математических знаков. Языковое обозначение влияет на обозначаемое. Так, слово может обозначать даже предмет, который просто не существует в действительности. Именно такими обозначениями наполнена поэтическая, мифологическая и научная фантастика. В реальности ничего не соответствует и вообще не может соответствовать таким обозначениям, как *круглый квадрат* или *деревянное железо*, однако языковое обозначение, само название проявляет "большую и активную силу, дошедшую до того, что создался какой-то несуществующий предмет" /Лосев 1982, 11/.

Велика заслуга А.Ф.Лосева в построении аксиоматики знаковой теории языка. Первичными, т.е. исходными ("банальными", по терминологии А.Ф.Лосева) аксиомами этой теории признаются аксиомы общей информации (аксиомы отражения) и аксиомы специальной информации. В статье "Аксиоматика знаковой теории языка" (1973) А.Ф.Лосев сформулировал 12 аксиом общей информации (первая группа аксиом) и 14 аксиом специальной информации - аксиомы конструктивных элементов (вторая группа аксиом). Затем в работе "Аксиоматика теории специфического языкового знака. (Стихийность знака и ее отражение в сознании)" (1978) первые две группы аксиом были дополнены третьей - аксиомами стихийности (3 аксиомы) и аксиомами сознания (4 аксиомы). Приведем некоторые примеры лосевских аксиом, относящихся к разным группам:

Аксиома I. Всякий знак предполагает, что существует нечто внеязыковое обозначаемое и уж тем более нечто означаемое или значащее.

Аксиома X. Всякий знак есть смысловое отражение предмета.

Аксиома XVII (аксиома раздельности). Всякий знак обязательно есть та или иная раздельность, т.е. обладает разными частями, элементами, моментами, способными дробиться и варьироваться до бесконечности.

Аксиома XIX (аксиома цельности). Всякий знак есть единораздельная цельность.

Аксиома XXV (аксиома значения вообще). Всякий знак в любом случае имеет значение, понимать ли под контекстом нечто внеязыковое или понимать ли под контекстом знака самый знак, взятый сам по себе.

Аксиома XXVI (аксиома символа). Всякий знак может иметь бесконечное количество значений, т.е. быть символом.

Аксиома XXX (общая аксиома сознания). Всякий языковой знак есть акт человеческого сознания /Лосев 1982. 28-83/.

Дальнейшую разработку лингвосемиотической аксиоматики А.Ф.Лосев осуществил в работе "Аксиоматика языкового знака в плане его специфики" (1979), в которой сформулировал 17 аксиом валентности. Определение (дефиниция) валентности представлена в общей языковой

аксиоме валентности I: Каждый языковой знак определяется своей валентностью, т.е. способностью отдельного знака вступать в связь с другими знаками для возникновения более или менее обширных цельностей/Лосев 1982, 125/.

Таким образом, общее число аксиом достигло 50. Они составили целостную аксиоматику теории лингвистического знака, которую сам А.Ф.Лосев считал предварительной, требующей дальнейшей научной разработки в двух аспектах - общесемиотическом и собственно языковом.

Показательно, что для изучения специфики лингвосемиотических систем А.Ф.Лосев привлекал категории, необычные для традиционного языковедческого описания. Это, в частности, категория бесконечности, с которой связана языковая валентность. А.Ф.Лосев подчеркивал, что употребление математического термина "бесконечность" по отношению к языку не предлагает количественного исчисления. Этот термин приобретает качественный характер. Специфика языка в том, что "наша бесконечная валентность, если она всерьез применяется к языку, является интерпретативно-смысловой бесконечностью" /Лосев 1982, 132/. Благодаря этому языковая система способна функционировать, обеспечивая передачу любой информации (=неисчислимого множества информации).

В качестве частных примеров интерпретативно-смысловой бесконечности А.Ф.Лосев приводил суперсегментные единицы, в частности интонацию, "безграничное количество интонационных оттенков". "Такую фразу, как *Вы удивительно умны*, можно произнести и очень сухо, и без всякого настроения, чисто объективно, и с похвалой, доходящей до восторга, и с порицанием, доходящим до иронии, и даже до совершенно обратного смысла. Разве все эти оттенки интонации и экспрессии не являются языком и притом именно человеческим языком?" /Лосев 1982, 131/.

А.Ф.Лосев полагал, что в теории специфически языковых знаков (лингвосемиотике) важное место занимают гносеологические принципы отражения и понимания, связывающие в одно неразрывное целое три типа бытия. В лосевской интерпретации это выглядит следующим образом:

"Во-первых, существует самая обыкновенная действительность, материальная в своей основе, нас окружающая и все из себя порождающая. Она состоит из вещей, существующих вне нас и независимо от нас, но могущих быть нами обозначенными в меру нашего познавательного горизонта. Эту объективную действительность, независимую от человеческого субъекта и только могущую быть названной и обозначенной, лингвисты так и называют денотатом, т.е. обозначенным ими, тем, что доступно нашему называнию и обозначению.

Во-вторых, существует та же самая действительность, но уже отраженная в нашем мышлении и сознании ... Это - не вещи, но логика

вещей, фактически без них не существующая, но в абстрактном смысле условно отделимая от них и в этом смысле условно самостоятельная и условно подчиненная своим собственным законам.

А в-третьих, существует еще бытие среднее, т.е. среднее между объективно-действительным и мыслительным бытием. Это бытие словесное, которое от мыслительного бытия отличается тем, что оно не есть воспроизведение действительности, но есть только определенного рода преломление этого мышления в целях понимания действительности, и отличается от самой действительности тем, что не есть просто результат ее механического и буквального воспроизведения, но тоже особого рода ее понимания. Это бытие семантическое. В отличие от денотата некоторые лингвисты называют это словесное бытие десигнатом. Этот десигнат тоже оригинален и тоже обладает своими закономерностями, ни в коей мере не сводимыми ни к логике бытия, ни к его денотатам" /Лосев 1984, 89/.

Нельзя не увидеть явную переключку этих рассуждений А.Ф.Лосева с известнейшим афоризмом В.фон Гумбольдта: "Язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека" /Гумбольдт 1982,304/.

А.Ф.Лосев стал продолжателем традиций гуманистической лингвистики В.фон Гумбольдта, усматривая именно в человеке то качественное отличие языкового знака, которое выделяет его из всех прочих семиотических систем с их чисто количественными ("слепыми и глухими", по словам А.Ф.Лосева) знаками.

По Лосеву, человек является внеструктуральной специфической стороной языкового знака, поскольку на земле лишь он обладает языком.

ГЛАВА VI. Ярусное строение языка и специфика отдельных языковых ярусов

Признание либо непризнание какой-либо подсистемы языка в качестве самостоятельного языкового яруса зависит от теоретических установок лингвиста, от более строгого либо более мягкого подхода к языковой стратификации. При строгом, жестком подходе к самостоятельному языковому уровню предъявляются, как известно, следующие требования: 1) наличие примарной (первичной), неразложимой с точки зрения данной системы единицы (элемента); 2) наличие правил, по которым элементы, сочетаясь друг с другом, образуют регулярно построенные тексты, соответственно - возможность разбиения готовых текстов на данные единицы без остатка; /см. об этом Общее языкознание 1972. Внутренняя структура языка. С. 93-98, 3) иерархия уровней: нижележащие уровни включаются в вышележащие.

Положение о ярусном строении языка разделяется практически всеми современными лингвистами. Однако следует отметить, что при таком подходе не все традиционные ярусы выдерживают подобное "тестирование", а лишь фонология, морфология, синтаксис. В связи с проблемой синтагматического и парадигматического вычленения слова даже лексикология, традиционно признаваемая наукой, описывающей самостоятельный языковой ярус, оказывается под угрозой растворения в морфологии (т.к. именно на морфемы разбиваются все слова без остатка) и в синтаксисе (т.к. реальное слово бытует в предложении, в условиях реализации синтаксических связей).

Поэтому закономерно, что на практике к выделению языковых ярусов применяется более гибкий и мягкий подход, что иногда формулируется как компромиссное решение: "... в науке о языке целесообразно выделять и такие разделы, которые не находят прямого соответствия в уровне членении языка. Подобным важным разделом лингвистики, который изучает особую подсистему языка, бытующую внутри глобальной системы, но не образующую вместе с тем отдельного уровня в ее строении, является словообразование" /Общее языкознание. Внутренняя структура языка 1972, 344/.

Представляется, что дискуссия об уровнях в данном случае переходит в терминологическую плоскость: идентичны ли термины "уровень" и "подсистема". На практике они фактически уравниваются, например, словообразование "легализуется" как самостоятельный языковой ярус (уровень, подсистема), о чем свидетельствует его описание в "Грамматике современного русского литературного языка" (М., 1970) и в "Русской грамматике" (т.1, М., 1980). В современных вузовских учебниках словообразование, как правило, также описывается отдельно от лексикологии и морфологии.

В то же время в ряде описаний число ярусов чрезмерно увеличивается за счет выделения "промежуточных" (морфологический, фразеологический) ярусов, а также семантического уровня, уровня текста.

Проблемным является также сам статус языкового яруса (уровня): либо это онтологически существующий "модуль" языковой системы, либо уровень наблюдения, классификации и описания разделов. С нашей точки зрения, в плане ярусного строения к языку применим метод антиномии В.фон Гумбольдта: язык представляет собой и глобальное устройство, системно-структурное образование, все единицы которого связаны сетью взаимных связей и отношений, и совокупность языковых ярусов, отличающихся своеобразием построения и функционирования, сохраняющих в глобальной структуре языка относительную самостоятельность.

Для всех языковых ярусов характерно "удвоение" единиц, существование единиц абстрактного ("эмического") уровня и уровня реализации: фонема и звук, морфема и морф, структурная схема предложения и предложение и т.д.

В общем виде ярусное строение языка можно представить в виде совокупностей следующих ярусов: фонологического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. Это членение по сути реализуется в большинстве описаний языков.

Такие подсистемы языков, как морфологическая, фразеологическая, представляют собой взаимодействие базовых ярусов (фонологического с морфологическим либо словообразовательным, лексического - с синтаксическим). Семантика представляет собой не особый ярус, а пронизывает все языковые ярусы (отдельно здесь рассматривается фонология), создавая содержательную сторону языка. Текст же является не отдельным языковым ярусом, а продуктом функционирования языка.

Не все ярусы представляют собой языковые универсалы, т.к. не все языки имеют развитое словоизменение и словообразование. Отдельный и очень сложный вопрос - взаимодействие ярусов.

В данном пособии рассматривается специфика традиционно выделяемых фонологического и морфологического ярусов и сравнительно "молодого" словообразовательного яруса.

6.1. ФONOЛOГИЯ

6.1.1. Фонология как объект лингвистической теории Специфика фонологического яруса

Возникновение теории фонологии связано с именем видного русско-польского лингвиста И.А. Бодуэна де Куртене (1845-1929). Это, конечно, не означает, что до него отсутствовали идеи о лингвистической природе

звуковой стороны языка. достаточно сослаться на работы его предшественников, начиная с лингвистов древних и средних веков, которые, еще не используя термины "фонология", "фонетика", "фонема" и другие и не определив этих понятий, говорили о важности исследования звукового аспекта языка в связи с потребностями коммуникации и усовершенствования алфавита для письменного языка. В период с XVIII и начала XIX веков появились научно-теоретические идеи, которые привели к резкому "скачку" в развитии изучения звуковых явлений в связи с другими аспектами исследования языка, прежде всего грамматическим (морфологическим и синтаксическим). Своим дальнейшим развитием фонология обязана И.А. Бодуэну де Куртене, который одним из первых заложил ее фундамент, предвидя, что в дальнейшем на его основании будет построено несколько фонологических "зданий". Хотя Бодуэн писал, что "... задача фонологии состоит в изучении не только звуков человеческой речи как акустических явлений, но, и это даже основное, также в изучении и описании физиологических функций, необходимых для произнесения этих звуков человеческой речи", в его работах подчеркивается необходимость всестороннего исследования функциональной стороны звуков речи как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Учение Бодуэна о фонеме опирается на построенную им общую теорию о звуковых чередованиях (альтернациях) и теорию морфологического членения речи. В весьма скрытом виде (с точки зрения первой теории) фонема определяется как психический эквивалент звука речи, тогда как вторая теория рассматривает фонему в качестве фонетически неделимого элемента части слова (или морфемы). Понятия "кинема", "акусема", "кинакема" и другие были употреблены Бодуэном де Куртене в связи с различными аспектами изучения звуков речи и языкового мышления. Отметим, что в лингвистической литературе имеются различные определения фонемы. Впервые понятие фонемы использовано Бодуэном, хотя в число "первооткрывателей" включают Н. Хрушевского, Ласси, Т. Суита, Ф. де Соссюра и Услара.

Автор двух - психологической и морфологической - теорий фонем, Бодуэн не остановился на этом, а искал новые пути фонологических изысканий, явно представив динамику развития фонологической системы языка. В этом отношении характерна его теория о дивергенции и конвергенции, которая была развита дальше его учеником Е.Д. Поливановым.

Дальнейшая история развития учения о фонеме связана с именем крупнейшего русского языковеда Л.В. Щербы (Щерба 1974, 110-190). Различные трактовки фонемы в его работах можно суммировать следующим образом:

- 1) кратчайший из возможных элементов языка;

- 2) элемент языка, выделяемый путем использования этимологического чутья на основе функции;
- 3) потенциальный носитель смысла;
- 4) элемент, способный дифференцировать слова и их формы;
- 5) элемент, реализуемый в оттенках (конкретных звуках);
- 6) элемент, который можно произнести изолированно,
- 7) совокупность отличительных признаков;
- 8) фонема - отдельный звук речи - звукотип.

Следует отметить, что во многих работах по фонологии до сих пор игнорируется материальная сторона фонемы. При этом на первый план выступают отношения между фонемами, исходя из этого фонема считается абстрактной единицей. Поэтому представляется справедливым замечание О.С.Ахмановой, которая предлагает выделить сначала предметы, то есть материальную сторону, а затем вторичные отношения /Ахманова 1966, 33/.

Рабочее определение фонемы (сегментной), отражающее ее реальную сущность в трех аспектах, диалектически неразрывно связанных между собой, мы находим в исследовании В.А. Васильева. Это следующие три аспекта фонемы:

- 1) материальность фонемы (и, следовательно, объективность и реальность ее существования);
- 2) ее абстрагированность от аллофонов и обобщенность;
- 3) ее функциональность, выражающаяся в выполнении ею трех функций, которые считаются изоморфно общими и для всех суперсегментных фонологических единиц. Если дескриптивная фонология использует преимущественно метод дистрибуции, то глоссемантическая фонология берет за основу последовательное членение текста на отрезки, Пражская фонологическая школа в качестве "инструмента" для метода фонологического анализа применяет свое знаменитое учение о классификации оппозиций.

Дихотомическая теория все чаще используется в современных фонетических исследованиях, причем иногда даже без выявления признаков звуков речи при помощи спектрографии, что исключает не только теоретическую ценность, но и практическую направленность этих работ.

Следует отметить тесную связь физической теории фонемы Л.В.Щербы с такой же теорией видного представителя Лондонской фонологической школы Д.Джоунза. Джоунз писал, что он узнал о понятии фонемы от Л.В.Щербы /Jones 1950,8/. Физическая теория фонемы Д.Джоунза применительно к английскому языку стала в дальнейшем одной из популярных в западно-европейской и американской лингвистике.

Менее разработанным остается описание фонологических систем в синтагматическом плане по сравнению с парадигматическим. Хотя написано много работ по синтагматической фонологии, особенно

представителями дистрибутивной и порождающей фонологии, однако нет единства взглядов по многим вопросам синтагматических особенностей фонологических единиц.

К настоящему времени наука о языке располагает следующими теориями фонологии:

- 1) психологическая теория Бодуэна де Куртенз;
- 2) физическая теория Л.В.Щербы;
- 3) физическая теория Д.Джоунза;
- 4) теория микро-макрофоном У.Туодла;
- 5) реляционно-физическая теория Н.С.Трубецкого;
- 6) теория дескриптивной фонологии;
- 7) теория глоссематической фонологии;
- 8) современные теории фонологии в русской лингвистике: теория Московской фонологической школы (МФШ); Ленинградской фонологической школы (ЛФШ) и теории фонологии С.Б.Бернштейна;
- 9) двухступенчатая теория фонологии;
- 10) теория порождающей фонологии;
- 11) дихотомическая теория фонологии.

Следует отметить, что внутри вышеуказанных теорий фонологии существуют также некоторые течения или направления. Например, различный подход, несколько отличающийся от теорий МФШ и ЛФШ, наблюдается в некоторых работах представителей указанных школ, особенно при рассмотрении проблем диахронической (исторической) фонологии. При анализе фонологической системы конкретного языка уже не предлагается новая фонологическая теория, а ставится вопрос о возможности применения существующих методов и процедур фонологического описания. Основной задачей общей фонологии является использование существующих теорий фонологии и для анализа конкретных языков, что позволяет доказать "силу" этих теорий и их адекватность при описании фонологических систем различных языков. Следовательно, общая фонология не дублирует типологию фонологических систем, а способствует поиску типологического "инструмента". Общая фонология не представляет собой совокупности существующих теорий фонологии. Она отбирает из имеющихся теорий фонологии только те методы и процедуры, которые являются приемлемыми для описания конкретных языков.

Фонологический уровень языка состоит из двух взаимно связанных сфер: сегментной и суперсегментной. Сегментная фонология занимается анализом фонем, реализуемых в звуках речи. Суперсегментная фонология, или просодика, описывает явления и средства, наличествующие в более крупных единицах языка, чем сегментные фонемы, то есть в слогах, словах, морфемах, фразах и предложениях. Сегментная и суперсегментная фонология, будучи тесно взаимосвязанными и взаимообусловленными, представляют единую теорию семиологической релевантности звуков.

слогов, ударения или тона. Согласно объекту исследования определяются термины и понятия "фонема", "силлабема", "просодема", "тонема" или «акцентема», "интонема", которые являются единицами описания фонологического уровня. Просодемы и интонемы непосредственно не проявляют фонологическую реальность, т.к. они являются смежными единицами, показывающими взаимосвязь морфонологического и синтаксического уровней языка. С фонетической точки зрения, фонемы, просодемы, интонемы состоят из определенной совокупности материальных средств. Например, для звуков речи характерны артикуляционные и акустические признаки; ударение включает такие средства, как интенсивность, частота основного тона, длительность; интонация представляет сложную комбинацию мелодии, фразового ударения, ритмики, темпа и тембра. Фонология выбирает из материально реализуемых средств: звуков, слогов, ударения или тона, а также интонации - только те, которые служат различительным целям в языке. Однако не следует игнорировать значение тех средств, которые не играют различительной роли, т.е. избыточны в фонологическом отношении, ибо они также важны, и то, что избыточно в одном языке, может быть фонологичным в другом языке. Согласно аспекту исследования звуков речи, используется соответствующая терминология. Артикуляционный аспект имеет свою терминологию, например, звук *передний, задний, открытый, закрытый, лабиализованный, нелабиализованный* и т.д. Акустический аспект пользуется своими терминами: *компактный, диффузный, низкотоновый, высокотоновый* и т.д. В дихотомической теории фонологии используются комбинированные термины: *бемальная тональность - простая тональность, резкий - нерезкий* и т.д. Мы отдаем предпочтение артикуляционной терминологии, т.к. она более понятна и удобна не только в практических целях, но и с теоретической точки зрения. В этом можно убедиться, ознакомившись с работой Н.С.Трубецкого, который почти всегда пользовался артикуляционными терминами, непосредственно вскрывающими сущность определенного объекта, о котором идет речь [Трубецкой 1960]. В современной лингвистике фонологические (да и не фонологические!) средства систематизированы в первую очередь в артикуляционном аспекте. Трудность возникает при рассмотрении вопросов переразложения и перераспределения звуковых признаков между сегментной и суперсегментной сферами языка. Но и в этом случае возможно использование артикуляционных терминов, вопросы акустического перехода остаются при этом на втором плане.

6.1.2. Основные понятия и категории сегментной фонологии

Конструктивной единицей сегментной фонологии является фонема, воплощенная в звуках языка. Фонема, определяемая по-разному в различных фонологических концепциях, рассматривается как единица

функциональная, способная служить в качестве различителя звуковых оболочек слов, морфем и предложений. По существу, у фонемы имеются:

1. Материально-образующая функция, т.е. она служит материалом для образования слогов, слов, фраз и предложений.

2. Различительная функция, связанная с дифференциацией более крупных единиц языка - слов (словоформ), морфем и предложений.

3. Огнозательная функция, позволяющая узнавать себя и другие элементы речи, а также понимать речь и, следовательно, опознавая элементы речи, произнести их в соответствии с произносительными нормами определенного языка.

Все три функции фонемы неразрывно связаны и позволяют считать ее минимальной функциональной единицей языка.

О.С.Ахманова считает, что основным понятием, основной категорией фонологии является категория семасиологической релевантности и называет фонологию учением о семиологической релевантности звуков речи. При этом категория семиологической релевантности предстает прежде всего как категория семиологически-релевантного противопоставления, т.е. такого различия между звуками, которое регулярно и эффективно использовалось бы для различения звуковых оболочек значимых единиц языка /Ахманова 1966,5/.

Любую единицу языка (фонему, морфему, слово, словосочетание, предложение) принято рассматривать на парадигматической и синтагматической осях языка. На парадигматической оси единицы языка объединяются в классы или группы, соответственно устанавливаются отношения между единицами в системе языка. Таковым, например, будет установление различных типов оппозиций в языке. На синтагматической оси исследуются линейные отношения, соединения между различными единицами в речи. При таком рассмотрении единицы языка выражают дихотомические (двойные) различия язык - речь, система - структура, синхрония - диахрония, статика - динамика.

Между уровнем абстрактным (фонология) и уровнем конкретным (фонетика) могут быть также промежуточные уровни и подуровни. Каждый из них имеет свои единицы. Единицами фонетики являются конкретные звуки речи, а единицами фонологии - фонемы как абстрактные, далее неделимые элементы языка, реализуемые в звуках речи /Степанов 1971, 47-49/. По мнению Н.С.Трубецкого, фонемы - это "звуки языка", определяемые путем абстракции. При этом фонологию можно определить как науку об абстракции звуков речи (несколько шире - включая ударение и интонацию). Учитывая тесную связь между фонетикой и фонологией, последнюю можно определить как более высокую, абстрактную ступень фонетики. Такое определение дается представителями Московской фонологической школы. Другое определение фонологии опирается на теорию моделирования. Так,

Т.П. Ломтев писал: «Фонология изучает звуки человеческой речи также на базе понятия фонемы, но опосредованно, с помощью построения моделей отдельных фонем и изучения отношений между этими моделями. Фонология в этом отношении подобна математике»/Ломтев 1972, 36/.

Хотя возможен различный подход к определению фонологии и ее объекта, все же последняя не может не учитывать материальную (сугубо фонетическую) сторону звуков речи. Поэтому некоторые фонетисты, *отграничивая материальную сторону звуков речи, т.е. артикуляционно-фонетические свойства звуков, от их функциональной стороны, то есть их способности выполнять различительную функцию, называют фонологию "функциональной фонетикой"*. В этом смысле считать объектом фонетики - речь, а фонологию - язык хотя и возможно, но не совсем точно. Речь, состоящая из определенных звуковых цепей, является ареной взаимодействия различных признаков фонологических элементов. Фонология, обычно занимаясь установлением оппозиций "звуков языка" (Трубецкой), различительных и интегральных признаков, а также правилами сочетаемости фонологических элементов, нередко забывает о вопросах их реализации в речи. В частности, как справедливо отметил И. Леков, "вопрос о фонологических оппозициях не вполне ясен" /Леков 1972, 159/. Следовательно, в фонологии необходимо различать сущность классификации оппозиций в системе данного языка в целом, а также их реализации в речи. При исследовании реализации фонологических оппозиций в речи наблюдаются случаи совмещения и замещения определенных признаков. Так, В.К. Журавлев показал, что, как в синхронном (например, при билингвизме), так и в диахронном планах отмечаются случаи "перераспределения дифференциальных признаков внутри сегмента, на стыке фонем. Примером этого может служить процесс монофтонгизации дифтонгов (сдвиг признака слоговости со слогового элемента на прежний неслоговой сонант vs→vz (а также процесс йотации согласных как признак двух соседних фонем)" /Журавлев 1969, 113-115/.

В настоящее время объект фонологии несколько расширяется, если учитывать вопросы перераспределения и перераспределения различных признаков фонем, а также вопросы количественной фонологии, в частности, фонологической статистики. Исследование взаимодействия и взаимосвязи различных признаков фонем считается объектом не только фонологии, а также и других смежных дисциплин, таких как физиологическая акустика, теория информации, занимающихся анализом и синтезом речи. В акустической теории речеобразования фонемы рассматриваются как некоторый код, однозначно связанный с артикуляторными движениями данного языка. Аллофоны (варианты) же данной фонемы представляют собой как бы акустические степени свободы в реализации кодового символа. Свобода в реализации зависит не только от самой фонемы, но также от ее положения. Даже и с этой точки зрения,

положение фонемы, то есть ее позиция, со всеми ее варьированиями играет решающую роль, как это принято в фонологии. Произносительные условия - позиции бывают двух типов: сильные позиции, где фонемы, максимально отличаясь друг от друга, выполняют различительную функцию; слабые позиции - это позиции, где фонемы воспринимаются и различаются в меньшей степени. В сильной позиции фонемы выступают в своем основном виде, а в слабой позиции фонемы выступают в качестве оттенка или вариации в зависимости от позиции /Реформатский 1967, 215/. Качественный оттенок фонемы называется ее вариантом или аллофоном (последний термин предложен американскими лингвистами). Количественный оттенок, т.е. оттенок фонемы по долготе и краткости, иногда называют аллохроном. Встречаемость фонем в различных позиционных условиях и окружениях называется их дистрибуцией. Дистрибуция фонем показывает их различные качественно-количественные оттенки, в линейной последовательности речи - в словах, словосочетаниях и т.д. Дистрибуция фонем, иначе - синтагматическая характеристика фонем, тогда как рассмотрение фонем в парадигматическом плане требует установления существующих оппозиций и корреляций фонем.

Говоря о функциях фонологических элементов, обычно имеют в виду функции их признаков. Первичной функцией всех фонологических элементов является их конститутивная функция (то, что они служат для складывания и образования других единиц - морфем, словоформ и предложений). Другие функции фонологических элементов, такие как различительные, интегральные (избыточные, второстепенные), включая "редундантные" (термин Р.О.Якобсона, употребленный применительно к совмещению и замещению определенных признаков в некоторых позициях), а также "рекогнитивные" (термин В.А.Васильева), непосредственно связаны с различением и опознанием значимых единиц языка. Следует отметить, что на уровне речи, особенно при восприятии речи, указанные функции не всегда выступают автономно, напротив, часто наблюдается их взаимодействие и взаимообусловленность. Все вышеперечисленные функции фонологических элементов не только "лингвистически релевантны", но также способствуют выполнению стилистической или "эстетической релевантности" /Колшанский 1974, 9/. Здесь отражаются отличия между разнообразными функциями языка (чисто лингвистической и экстралингвистической - стилистической) и функциями лингвистических единиц на основе определенных признаков. Иначе говоря, язык выполняет свою коммуникативную функцию через или с помощью функций его единиц. В зависимости от назначения функций различаются также объекты исследования собственно фонологии (сегментной и суперсегментной) и фоностилистики, хотя взаимосвязь между ними неизбежна. Новая же область исследования, так называемая

параллельными, поэтому как по существу языковые средства (жесты, мимику и т.д.), так и совокупность самих средств, участвующих в языковой (вербальной) коммуникации, становится смежной «сопровождающей» областью фонологии и фоностилистики.

Фонологический уровень языка состоит из двух взаимосвязанных подуровней: сегментного и суперсегментного, - и соответственно различаются сегментная и суперсегментная фонология (часто они называются "фонематикой" и "просодикой").

6.1.3. Принципы классификации фонологических оппозиций.

Корреляция

Основным стержнем фонологии является понятие противопоставления, или оппозиции. Звуковые противопоставления, которые могут различать два слова данного языка, называются фонологическими оппозициями. Те звуковые противопоставления, которые не обладают этой способностью, называются фонологически несущественными (нерелевантными) (Трубецкой 1960, 38). Например, противопоставление звуков /t/-/k/ в английском языке в таких минимальных парах как till- "до, до сих пор" и kill- "убить" представляется фонологическим, тогда как отношение неаспирированного звука /p/ к аспирированному /ph/ не может служить для различия двух слов в английском языке, оно просто фонологически несущественно. Звуки /p/ и /ph/ считаются аллофонами или вариантами фонем. Каждый член фонологической оппозиции является фонологической единицей. Понятие оппозиции, сначала примененное в отношении звуков, стало употребляться также для определения различительной функции ударения и интонации. Например, слова, различающиеся разным местом ударения, в русском языке "мука-мУка"; в узбекском языке "олма"- "яблоко", "Олма" - повелительное наклонение "не бери"; в английском present "присутствовать" и presEnt "подарок" образуют фонологическую оппозицию; в предложениях "я беру" и "я беру?" падающая и повышающаяся мелодики интонации образуют оппозицию.

Понятие оппозиции стало применяться вообще при исследовании функциональных свойств лингвистических элементов. В настоящее время оно широко используется в грамматике (морфологии и синтаксисе), лексике и даже стилистике. Но в каждом случае понятие оппозиции требует уточнения применительно к разным уровням или сферам языка, что исходит из разной лингвистической стратификации элементов языка. В фонологических оппозициях различительная функция звука определяется не автоматически. Различительная функция звука "прикреплена" к его определенному признаку или признакам. Из множества признаков звука только некоторые выполняют фонологическую функцию. Признаки (артикуляционные и акустические), служащие для различения фонем друг

от друга, называются **дифференциальными**, различительными или фонологическими признаками.

Каждая фонема характеризуется как релевантными, так и избыточными признаками. В отношении целой фонологической системы используются различия релевантных избыточных признаков. Когда же речь идет об отношениях единичных фонем, то используются понятия различительных и интегральных признаков. Релевантный признак считается различительным, если он служит для дифференциации данной фонемы от другой фонемы, в обратном случае признак выступает как интегральный. Избыточный признак может считаться фонологически существенным, когда в сильной позиции он образует комплекс с различительным признаком. Если избыточный признак комбинируется с интегральным, то он вытесняется за рамки фонологичности. Напряженность-ненапряженность русских согласных, будучи избыточной в сочетании с релевантным признаком глухость-звонкость, выступает как различительный признак. Но отдельно в фонеме /х/, где глухость интегральна, избыточный признак напряженности не может выступать фонологичным и поэтому считается избыточным несущественным признаком /Виноградов 1974, 46-47/. Данное разграничение релевантных и избыточных признаков, осуществленное на основе идей А.А.Реформатского, четко представляет характер признаков как в целой системе, так и в отдельной фонеме. Приведем схему из работы В.А.Виноградова.

Классификация различительных признаков			
релевантные		избыточные	
дифференциальные	интегральные	существенные	несущественные

Для фонемы основной функцией считается ее различительная функция, которая выполняется через фонологически существенные признаки. Поэтому фонема может быть определена как совокупность или пучок дифференциальных признаков, существенных для определенного звукового типа.

Помимо определения основных понятий фонологии, Н.С.Трубецким раскрыто фонологическое содержание каждой отдельной фонемы: «Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке» /Трубецкой 1960, 73/.

Каждая фонема характеризуется своим фонологическим содержанием в сложной сети фонологической системы языка, и ее место зависит от того, какие другие фонемы противопоставлены ей в структуре языка. Это согласуется с тем, что "под «элементами» мы будем подразумевать любые явления, процессы, а также свойства и отношения, находящиеся в какой-либо взаимной связи. Характер же, способ, закон этой связи мы будем

называть структурой". Любому элементу, в данном случае фонеме, свойственно единство устойчивости и изменчивости, следовательно, противоречивость. Противоречивость фонемы определяется ее включением в оппозиции, которые обнаруживают определенный порядок и структуру. Для классификации любой системы оппозиций Н.С.Трубецкой вводит ряд понятий. Противопоставление (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки считаются "основанием для сравнения". Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу.

При первичной классификации оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом различаются два типа оппозиции: одномерные и многомерные. В одномерных оппозициях основание для сравнения, то есть совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы. В противоположность этому в многомерных оппозициях совокупность общих признаков (основание для сравнения) не ограничивается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы. Различие между этими двумя типами оппозиции может быть иллюстрировано на примере латинского алфавита. Например, противопоставление написания букв *E* и *F* одномерно и не повторяется ни в одной другой букве. Напротив, противопоставление *P* и *R* является многомерным, т.к. совокупность черт, общих этим двум буквам, имеется еще в букве *B*. В английском и немецком языках оппозиция фонем /t-d/ одномерна, поскольку общая для них совокупность различительных признаков (переднеязычность-смычность) не присуща другим фонемам этих языков. К одномерным же, но с иной совокупностью общих признаков, относятся следующие оппозиции согласных фонем английского языка: p-b, k-g, b-m, g-ŋ, d-n, f-v, z-s, s-š, z-ž, t-ts, d-dž, r-l. В этих же языках оппозиция d-b многомерна, поскольку то общее, что обнаруживается у этих двух фонем (смычность+звонкость+ленность), повторяется и в другой фонеме, а именно в g. В любой системе оппозиций одномерных оппозиций бывает меньше, чем многомерных. В консонантной системе немецкого языка насчитывается 190 возможных оппозиций, из которых только 13 одномерны: /p-b/, /t-d/, /k-g/, /b-m/, /d-n/, /g-ŋ/, /pf-f/, /k-ch/, /tz-ss/, /f-w/, /ss-sʃ/, /ss-csh/, r-l, а все прочие (их 93%) многомерны. В английском языке также имеются 13 одномерных оппозиций. Хотя число одномерных оппозиций в консонантных системах английского и немецкого языков совпадают, но "основание для сравнения", то есть совокупность

различительных признаков, в этих системах резко отличается, несмотря на то, что эти языки из одной германской семьи. Если сравним систему одномерных оппозиций согласных фонем узбекского языка, т.е. одного из тюркских языков, то в ней обнаруживаем 14 одномерных оппозиций: /p-b/, /t-d/, /k-g/, /s-z/, /ʒ-ʒ/, /tʃ - dʒ/, /g-q/, /x-h/, /f-v/, /d-n/, /g-ŋ/, /k-q/, /x-h/, /r-l/. Здесь также наблюдаются большие различия по "качеству" различительных признаков, хотя по количеству одномерные оппозиции узбекского языка имеют некоторое сходство с таковыми системами английской и немецкой языков. Если в английском и немецком языках фонема /h/ вообще не участвует в одномерных оппозициях, то в узбекском языке /h/ участвует в них. Для типологии фонологических систем языков разных семей сравнение по типам оппозиций имеет большое значение, ибо это показывает сходства и различия в фонологических структурах языков.

Многомерные оппозиции разделяются Н.С. Трубецким на однородные (однородные) и гетерогенные (неоднородные). Члены однородных оппозиций могут быть представлены в качестве крайних точек "цепочек" из одномерных оппозиций. Например, оппозиция *и-е* в немецком языке многомерна: общим для членов этой оппозиции является лишь то, что они гласные; но этот признак не ограничивается только названными двумя фонемами, он присущ еще всем другим гласным фонемам немецкого языка. Однако члены оппозиции / *и-е* / можно представить как крайние точки цепочки *и-о, о-ö, ö-е*, которая состоит из одномерных оппозиций: в системе гласных фонем немецкого языка / *ш* и / *о*/ являются единственными лабиализованными гласными заднего ряда; / *ю-й*/ - единственными лабиализованными гласными среднего подъема; / *я*/ - единственными гласными переднего ряда среднего подъема. Следовательно, оппозиция / *и-е*/ является однородной.

Однородной является также многомерная оппозиция / *х-п*/ в системе согласных немецкого языка: ее можно вытянуть в цепочку одномерных оппозиций / *х-к, к-г, г-п*/ . В противоположность этому многомерная оппозиция / *р-л*/ является неоднородной, т.к. между / *р*/ и / *л*/ нельзя представить себе ни одного члена, который составлял бы с этими фонемами одномерную оппозицию. В работе Н.С. Трубецкого речь идет о классификации многомерных оппозиций на однородные и неоднородные. Однако, как видно из приведенных примеров, оба типа оппозиций фактически представлены не многомерными, а одномерными оппозициями. При / *и-е*/ оба члена считаются крайними точками цепочек из одномерных оппозиций. Что же касается оппозиции / *р-л*/, то она одномерна и ее нельзя вытянуть в цепочку одномерных оппозиций. По-видимому, из-за этой путаницы указанные оппозиции не выделяются в работах по анализу фонологической системы конкретного языка. Следовательно, выделяемые далее два типа однородных многомерных оппозиций (прямолинейные и непрямолинейные), в зависимости от того,

какую цепную связь можно установить между членами оппозиции: с помощью одной цепочки одномерных оппозиций или с помощью ряда цепочек - также не используются в современных исследованиях.

Наряду с различением одномерных и многомерных оппозиций не менее существенно и различие пропорциональных и непропорциональных оппозиций. Оппозиция называется пропорциональной, если отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции (или ряда других оппозиций в рамках той же фонологической системы). Так, например, оппозиция /p-b/ в русском, английском, немецком и узбекском языках пропорциональна, поскольку отношение между /p/ и /b/ является тождественным отношению /t/ и /d/, /k/ и /g/, а именно, оппозиция фонем во всех трех парах основана на одном и том же артикуляционном различии - (сильная) глухость / (слабая) звонкость. Наоборот, оппозиции /p-s/ в немецком языке и /t/-/l/ в русском, английском и узбекском языках представляются изолированными, поскольку в этих языках нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких отношениях.

Как одномерные, так и многомерные оппозиции могут быть пропорциональными и изолированными. Из указанных оппозиций /p/-/b/ одномерна и изолирована, /t/-/l/- одномерна и изолирована. Оппозиция многомерна и пропорциональна, оппозиция /p/-/s/ многомерна и изолирована.

Как показал Трубецкой, в одномерных оппозициях преобладают пропорциональные, а в многомерных - изолированные отношения. При этом особо подчеркивается важность одномерных оппозиций, которые имеются в каждом языке в ограниченном количестве, но несмотря на это играют значительную роль в фонологической структуре языка.

Оппозиции классифицируются также по отношению между членами оппозиции. По этому принципу выделяются следующие оппозиции: привативные, градуальные (ступенчатые) и эквивалентные (равнозначные).

Привативными называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой - отсутствием признака. Например, звонкий - глухой /p-b/, носовой - ротовой /m-b/, лабиализованный - нелабиализованный, как немецкое /y-j/ и т.д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется маркированным, а член оппозиции, у которого такой признак отсутствует, - немаркированным. Данный тип оппозиции, с точки зрения Н.С.Трубецкого, исключительно важен для фонологии.

Градуальными (ступенчатыми) называются оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью проявления одного и того же признака. Например, оппозиции между двумя английскими гласными с различной степенью открытости /и: -а:/, а также оппозиции между двумя

различными степенями раствора у немецких гласных /u-o, ü-ö, i-e/ или между различными степенями высоты тона.

Эквивалентными (равнозначными) называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, оппозиции /p-t/, /f-k/ в русском, немецком и английском языках. Эквивалентные оппозиции часто встречаются в любом языке.

Оппозиции могут классифицироваться и по объему их различительной силы или двойственности в различных позициях. По этому принципу оппозиции бывают **нейтрализуемыми** и **постоянными**.

Нейтрализуемыми являются такие оппозиции, один из членов которых обладает признаком, теряющим в определенных положениях свою различительную силу, как например, в русском языке в таких парах, как *род* и *рот*, *луг* и *лук*, которые в произношении друг от друга неотличимы. Положения, в которых возникает **нейтрализация**, называются **позициями нейтрализации**.

Постоянными называются **ненейтрализуемые** оппозиции, члены которых обладают признаками, никогда, ни в каких позициях не теряющими своей различительной силы. Например, в английском языке оппозиция /θ-s/ не нейтрализуется. Положения, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, называются **позициями релевантности**.

Как указывал Н.С.Трубецкой, **нейтрализоваться** могут не все виды фонологических оппозиций, а только лишь одномерные оппозиции. В **нейтрализуемых** одномерных оппозициях различительные признаки членов "стираются" или теряют свою фонологическую значимость. При этом в качестве релевантных остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции. Иными словами, оба члена таких оппозиций обладают одинаковыми различительными признаками. Совокупность различительных признаков, общих для двух фонем, называется **архифонемой**.

Две фонемы, которые являются членами логически привативной пропорциональной одномерной оппозиции, считаются **коррелятивными парами**. **Признак корреляции** (или **коррелятивный признак**) представляет собой фонологический признак, наличие или отсутствие которого характеризует ряд коррелятивных пар. Под **корреляцией** понимается совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком. Так, например, парные согласные по звонкости-глухости *геср. сильный-слабый* в английском, русском, немецком, узбекском и других языках, а также пары согласных по мягкости-твердости в русском языке являются корреляциями. Фонемы, участвующие в коррелятивных парах, объединяются в пучки корреляций, которые бывают двучленными, трехчленными, четырехчленными и т.д.

Фонологические оппозиции основаны на определенных различительных признаках. Как писал Н.С.Трубецкой, «в фонологических оппозициях противопоставлены не жесты или сигналы флажками, а определенные звуковые признаки» (Трубецкой 1960), которые служат различительным целям.

Звуковые признаки, образующие в разных языках фонологические оппозиции, подразделяются на три класса: **вокалические** (которые бывают локальными /тембровыми/ раствора /полнозвучности/ и резонансными), **консонантные** (которые бывают локальными, модальными /способ преодоления преграды/ и резонансными) и **просодические**. Далее каждый из указанных признаков подразделяется на несколько классов и групп.

В последнее время некоторые лингвисты стали выделять второстепенные иррелевантные оппозиции, сопровождающие фонологические оппозиции. Таковы, например, противопоставления английских фонем по признакам однофокусный-двухфокусный /f-s/, /s-ʒ, z-ʒ/, которые сопровождают фонологические оппозиции некоторых согласных фонем английского языка. Подобные иррелевантные оппозиции обычно характерны для части фонологической системы и во многих исследованиях не учитываются из-за избыточности признаков, характеризующих такие оппозиции. Подробное описание фонологической системы требует учета всех релевантных и иррелевантных признаков, установления всех оппозиций фонем.

6.1.4. Развитие теории нейтрализации фонологических оппозиций

Вопрос о нейтрализации фонологических оппозиций, в том виде, как он был определен и описан Н.С.Трубецким, подвергался в дальнейшем доработке и уточнению. В разное время об этом писали Б.Трика, А.Мартине, А.А.Реформатский и многие другие. Среди работ, посвященных проблеме нейтрализации фонологических оппозиций, особое место занимают исследования В.К.Журавлева, которому, с нашей точки зрения, принадлежит новая уточненная трактовка теории нейтрализации (Журавлев 1972, 96-143). Хотя предложенная В.К.Журавлевым классификация фонологических оппозиций нейтрализации еще мало применяется в исследованиях разных языков, но ее пригодность не подлежит сомнению. Поэтому нам следует подробно остановиться на этой теории.

С точки зрения Н.С.Трубецкого, нейтрализоваться могут только привативные оппозиции, характеризующиеся тем, что отношение членов такой оппозиции выражается наличием или отсутствием одного признака, то есть /a:b/ = /A_m:A/A/A- архифонема, A - член, имеющий /+/ признак. A - /-/ признак. Этой формулой В.К.Журавлев иллюстрирует, например, наличие-отсутствие признака звонкости нейтрализуемой оппозиции

русского языка. Как показал В.К.Журавлев, нейтрализоваться могут и эквиолентные оппозиции, то есть фонемы противопоставляющиеся по двум признакам одновременно, при этом наличие одного признака обуславливает отсутствие другого: /a:b/=A_m/A.V/ =A_m/AB:A B/. Например, нейтрализация /a:o/ в безударном положении в русском языке: /a:o/=A_m/AB-AB/ - нижний подъем /компактная, A/, нелабиализованная /B/, не нижний подъем /некомпактная, A/, лабиализованная /B/. В позиции нейтрализации выступает /AB/- некомпактная нелабиализованная.

В.К.Журавлев показал, что нейтрализоваться могут не только одномерные, но и многомерные оппозиции. В последнем случае требуется либо расширение понятия архифонемы, т.е. необходимо вывести ее за рамки привативных оппозиций Н.С.Трубецкого, либо *свести все оппозиции к одномерным привативным. Если архифонему при нейтрализации одномерных оппозиций можно указать по формуле /A_m/, A_{m1}≠A_{m2}, то у многомерных оппозиций совокупность общих признаков, характеризующих данную оппозицию /A_{m1}/, совпадает с архифонемой другой оппозиции: A_{m1}=A_{m2}. Например, в русском языке оппозиция /з-ш/ многомерна. Архифонема /A_m/ данной пары может характеризоваться как фрикативная, не задненебная, не губная, она будет совпадать с архифонемой других оппозиций: /с-с'/, /з'-с'/, /ж-ш/ и т.д. Оппозиция /з-ш/, как и /с-ш/, нейтрализуется в положении перед /ч/, когда представителем архифонемы выступает /ш/. Данное положение иллюстрируется также на материале других языков.

По характеру представителя архифонемы нейтрализации могут быть подразделены на несколько родов. Понятия "архифонема" и "представитель архифонемы", предлагается оставить, тогда термин "гиперфонема", предложенный видным представителем МФШ В.Н.Сидоровым, будет означать фонологическую единицу, член подсистемы единиц, функционирующих в позиции нейтрализации.

Основываясь на данных А.А.Реформатского, указываются три гиперфонемы, выступающие после твердых русских согласных в безударной позиции: и/э, а/о.

В.К.Журавлев предлагает несколько иное определение архифонемы. Архифонема означает то общее, что остается за вычетом признаков, которые различают данную пару фонем. Представитель архифонемы - нейтрализованный член /вариант, аллофон/, выступающий в позиции нейтрализации на месте двух нейтрализуемых фонем /a:v/→с. Представитель архифонемы может совпадать с одним из членов оппозиции: с=а, с=в. Если совпадение представителя архифонемы с одним из членов оппозиции более характерно для привативных и одномерных оппозиций, то несовпадение, как правило, характеризует эквиолентные и многомерные оппозиции. Исключение из этого правила легко объяснить воздействием позиции нейтрализации.

Отмечается два случая несовпадения архифонемы с членами оппозиции. В первом случае представитель архифонемы совпадает с какой-либо третьей фонемой, встречающейся и в других оппозициях /с=д/, где возможны фонологически существенные оппозиции с членами нейтрализуемой оппозиции /а:б→с, но с:а, с:б возможны/. Например, в португальском языке фонологически существенными оппозициями будут не только /s-z/, но и /s-ʒ/, первая из которых эквивалентна. В башкирском языке в ПОЗИЦИИ после глухих согласных многомерные оппозиции /л-н/, /д-н/, /д-л/ нейтрализуются, представителем архифонемы выступает /т/ во всех трех случаях:

$$P_1 + \begin{matrix} \text{л-н} \\ \text{д-л} \end{matrix} \rightarrow P_n / c / + \emptyset - m$$

Во втором случае представитель архифонемы не совпадает не только с членами нейтрализуемой оппозиции /с≠вб с≠а/, но и ни с одной из фонем данного языка, оставаясь аллофоном, свойственным лишь данной позиции. Например, в белуджском языке (по данным В.С.Соколовой) в абсолютном исходе противопоставление /i-e/, /u-ö/ не актуально: перед паузой фонемы /i, u/ сливаются с фонемами /é-ö/, при этом /e, ö/ сокращаются, а / i-u/ удлиняются. Это означает нейтрализацию двух эквивалентных оппозиций: верхний /А/, краткий /В/- неверхний /А/, долгий /В/, а в позиции нейтрализации выступает /АВ/- неверхний краткий аллофон (краткие /e/, /o/ выступают как самостоятельные фонемы). Здесь наблюдается тенденция к симметрии фонологических систем и заполнению "пустых клеток":

долгие		краткие		аллофоны кратких	
i	u	i	u	i	u
ë	ö	a		(a)	(o)
ä				a	

С точки зрения Н.С.Трубецкого, при нейтрализации привативных оппозиций в качестве представителя архифонемы обычно выступает немаркированный член оппозиции: с=A_m/A⁻/. Но последние достижения теории фонологии показывают, что при нейтрализации представителем архифонемы может выступать не только маркированный, но и немаркированный член оппозиции, или же они могут "чередоваться" в зависимости от позиции. Так, В.К.Журавлев указывает (на основании данных Б.М.Юнусалиева), что в киргизском языке оппозиция /п-б/ нейтрализуется, представителем архифонемы выступает немаркированный член оппозиции /п/, а в позиции начала слова - маркированный /б/:

$$P_1 = + \{ /п-б/ \\ \{ A/A: A/ \rightarrow P/\Phi/ + \{ \emptyset: п/б \\ \{ \emptyset: A_m / A^- / A/$$

В итоге В.К.Журавлев представляет классификацию фонологических нейтрализаций в следующем виде: по характеру нейтрализации в целом $P_n + a: b/ \rightarrow P_n + \emptyset : c$

А. 1. структурная	В. 1. коррелятивная
2. контекстная	2. оппозиционная
3. структурно-контекстная	3. коррелятивно-
оппозиционная

коррелятивная

По характеру нейтрализуемой оппозиции /a:v/

А. 1. привативная /a:v/=A _m /A:A ⁻ /	В. 1. одномерная: A _{m1} ≠A _{m2}
2. эквиполентная /a:v/=A _m /AB:AB/	2. многомерная A _m

A_{m2}

По характеру представителя архифонемы /с/

А. 1. с=а с=в с=а/в	В. 1. с= A _m /A/
2. с ≠ а с ≠ в с ≠ d	2. с= A _m /AB/
	С: 1. с= A _m + A
	2. с= A _m + AB
	3. с= A _m + CD

По характеру позиции нейтрализации /P_n/

А. 1. контактная /P _n /	В. 1. прогрессивная /P _n / →
2. дистантная /P _n /...	2. регрессивная /P _n / ←
	3. прогрессивно-регрессивная

/P_n/ ↔ /P_n/

С. 1. ассимилятивная	Д. 1. член данной оппозиции P _n /a/
2. диссимилятивная	2. член данной корреляции P _n /A/
3. ассимилятивно-диссимилятивная	3. член родственной оппозиции

P_n/a/

4. член родственной корреляции

P_n/A/

- Е. 1. односторонняя /P_n/A/, /P_n/A⁻/
2. двусторонняя /P_n/A, A⁻/

Вышеприведенная классификация фонологических нейтрализаций имеет то преимущество, что в ней учитывается реализация фонологических оппозиций в речи. Фонетические оппозиции, устанавливаемые в системе языка, как бы выражают состояние фонем в определенный период времени, тогда как их реализация в речи вскрывает их развитие, динамику функционирования и обусловленность другими фонетическими явлениями. Иногда различные комбинаторно-позиционные изменения звуков приравниваются к фонологической нейтрализации, что нежелательно и ошибочно, поскольку они относятся к разным уровням. Однако с диахронической точки зрения связь между комбинаторно-

позиционными изменениями и фонологическими нейтрализациями становится очевидной, поскольку любые звуковые изменения сначала происходят в речи и затем постепенно переносятся на язык, т.е. осуществляется переход от фонетического на фонологический уровень.

Нейтрализации, обусловленные различными комбинаторно-позиционными изменениями, обычно относят к так называемым синтагматическим нейтрализациям, тогда как за парадигматической нейтрализацией оставляют случаи нейтрализации, которые возникают в результате снятия противопоставления у двух фонем. Четкой границы между парадигматической и синтагматической нейтрализацией нет, поскольку парадигматические оппозиции характеризуются снятием оппозиции фонем в определенных позициях. Например, в русском и узбекском языках оппозиция по глухости-звонкости нейтрализуется в конечных позициях слов и представителем архифонемы выступает глухой (немаркированный) член оппозиции. Поэтому данное разграничение двух типов нейтрализации следует считать условным.

6.1.5. О понятиях "функциональная нагрузка" и "сила" фонологических оппозиций

Понятие "функциональная нагрузка" (далее ФН) использовано Н.С.Трубецким в связи с фонологической статистикой словарного состава языка. Считая недостаточным лишь одно статистическое обследование текстов, Н.С.Трубецкой предлагает «... составить себе представление об относительной употребительности различных фонологических элементов». При этом, с его точки зрения, «... в числах можно выразить и степень смысловозначительного использования (функциональной нагрузки) отдельных фонологических оппозиций и среднюю нагрузку фонем вообще» /Трубецкой 1960, 297/. В работе Н.С.Трубецкого данная мысль дальше не развивается, поскольку это требовало бы вычисления частотности использования фонологических оппозиций и средней нагрузки фонем, существующих во многих языках, что вызвало бы большую трудность из-за недостаточного их исследования на материале выбранных им языков. Понятие ФН распространяется также на другие уровни языка.

В "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой ФН имеет несколько толкований:

1. Степень (частота) использования данного языкового средства для разграничения высказываний.
2. Степень использования данного фонологического противопоставления для дифференциации слов и морфем. Противопоставление /p-b/ в английском языке несет большую функциональную нагрузку по сравнению с противопоставлением /θ-ð/, различающим всего лишь несколько слов.

данном перечне слов /Миханова 1900/.

Большинство определений ФН касается не всех элементов, а основано на подстановке одного элемента вместо другого, то есть на парадигматических отношениях. С этой точки зрения, ФН - это "степень использования оппозиций", "действие некоторых фонологических контрастов", "потеря энтропии в результате исчезновения контраста".

ФН обусловлена как парадигматической, так и синтагматической организацией фонологической системы языка. Обычное представление о ФН, восходящее к определению А.Мартине, согласно которому "...она означает число лексических пар, которые были бы полными омонимами, если бы не то обстоятельство, что одно слово содержит член А данного противопоставления там, где другое слово содержит другой его член В"/Мартине 1960.79/ вызывает возражение. Данное определение дается на базе фонологической оппозиции, но не учитывает других различительных возможностей, а именно, сколько морфем заданной длины она может различать, что требует установления общего числа фонем.

Известно, что дифференциальная функция приписывается обычно оппозициям фонем. А как же быть, когда отдельные единичные фонемы или множество единичных фонем обладают некоторым количеством дифференциальных функций? По определению Т.П. Ломтева, в таких случаях можно говорить об их дифференциальной мощности в некоторых позициях, т.к. количество дифференциальных функций фонем обуславливается количеством фонем, выступающих в данной позиции, причем одна из таких функций считается нулевой. Количество Дифференциальных признаков как отдельных единичных, так и множества единичных фонем устанавливается с помощью показательной функции /Ломтев 1968, 104-107/. Когда речь идет о коррелятивных парах фонем или же, по терминологии Т.П.Ломтева, о "поляризационных парах", то их общее количество называется "поляризационной мощностью" системы фонем.

Число членов фонологической оппозиции, а также число коррелятивных пар фонем является важным для объяснения "силы" фонологической оппозиции. Понятие ФН, число минимальных пар, частотность и т.д. могут лишь уточнить силу фонологических оппозиций, но не могут изменить ее основной характер. Понятие "силы" фонологической оппозиции относится к различительным признакам фонем в определенных позициях. По В.К.Журавлеву, "... сила оппозиции, степень самостоятельности фонем может быть измерена числом позиций нейтрализации и позиций различения". В зависимости от позиций в русском языке "сила оппозиции" твердости-мягкости больше, чем глухости-звонкости, а оппозиция носовой-неносовой в русском языке слабее, чем в польском /Журавлев 1971, 124/.

Существуют также другие принципы, основанные на статистических вычислениях в количественной типологии фонологических систем. Так, в работе И.Г.Меликашвили сравнивается частотность признаков глухости и звонкости в кавказских языках и утверждается, что звонкость в классе взрывных является функционально самым сильным дифференциальным признаком, а в классе щелевых и аффрикат глухие имеют большую функциональную силу /Меликашвили 1972, 13/. В данном случае речь идет только о частоте признака, что обуславливает "функциональную силу" фонем, а не оппозиций.

Следовательно, если "сила" оппозиции измеряется числом фонем, включаемых в данную оппозицию, то ФН относится не только к оппозиции, но и к серии фонем (класс глухих, класс смычных и т.д.), обладающих одинаковыми различительными признаками. В диахронической фонологии гораздо большее значение приобретает ФН различительных признаков, которая показывает динамику развития и укрепления структуры фонем, а также перестройку системы.

6.1.6. Объект суперсегментной фонологии

Суперсегментная фонология (или сверхсегментная фонология, просодика) изучает различительные средства нелинейных элементов. Просодическими различительными признаками в разных языках является ударение (словесное и фразовое), тон, долгота, пауза, темп, тембр, мелодия, средства реализации слога (усиление и примыкание слогов, вершина слога), а также определенные признаки сегментных фонем (гортанная смычка, аспирация, преаспирация, гармония гласных и т.д.). Эти суперсегментные различительные средства называются просодемами. Некоторые из указанных средств включаются в компоненты интонации следовательно, исследование интонации также относится к объекту просодики.

По определению американских лингвистов, фонемика делится на тембровую (или сегментную) и просодическую, последняя в свою очередь делится на разделы, исследующие слог, долготу, ударение, тон. Каждый значимый звуковой признак, совпадение которого с другими признаками по времени соотносено со слоговым контуром, должен быть назван просодемой и должен рассматриваться сам по себе так, чтобы это соответствовало его особой природе. К просодическим фонемам относят количественная краткость или количественная долгота, а также вариация по громкости, тону и количеству, которые образуют акцентуальные, и просодические фонемы, просодемы. Наряду с последними терминами американские лингвисты пользуются термином интонационная просодема когда речь идет о фонологических функциях интонации.

Н.С.Трубецкой считал, что просодические признаки служат не только для дифференциации значения слов, но и для различения значения цел

словосочетаний и фраз. Эту функцию выполняет слог не сам по себе, но и внутрислоговые признаки, а также особенности мелодики (фразовая интонация), изменения тона, тембра, фразового ударения, паузы. Н.С.Трубецкой разграничивал собственно просодемы в словах и фразоразличительные просодемы (интонацию с ее компонентами). Целесообразнее под просодемой понимать не слог (или мору), а те явления, которые его характеризуют. Между фонемой, различительным признаком и просодемой четкой границы нет, поскольку они могут переплетаться (наблюдаются случаи переразложения различительных признаков между фонемой и просодемой, а также случаи взаимного перехода признаков между фонемой и просодемой). Что же касается более крупных, чем слово единиц языка, то есть фраз, то в них дистриктивная функция осуществляется через комплексные физические параметры речи.

Просодическая характеристика любого высказывания требует выделения значимых единиц, установления их обусловленности дистрибуцией различных физических параметров, имеющих место в зависимости от семантико-синтаксических факторов.

В сущности, различаются два типа позиций: **конститутивные** и **комбинаторные**. Первые связаны с явлением встречаемости, а вторые - с явлением обусловленности. В соответствии с уровнями интеграции (от меньших до крупных единиц) различаются следующие позиции:

Уровень интеграции 1: Позиция в слоге (начальнослоговая, конечнослоговая, слоговершинная, преконсонантная, постконсонантная, правокалическая, поствокалическая).

Уровень интеграции 2: Позиция в слове (начальная, медиальная, конечная, интервокальная; в ударном слоге; на морфемной границе, внутри морфемы).

Уровень интеграции 3: позиция в ритмической группе (на словесной границе, внутри слова; в ударном слоге, в безударном слоге).

Уровень интеграции 4: позиция во фразе (начальнофразовая, конечнофразовая; на границе ритмической группы, внутри ритмической группы; в слоге с фразовым ударением).

Приведенные разновидности позиций в зависимости от интеграции элементов языка весьма необходимы не только при установлении фонематических признаков, без этого невозможно также провести просодический анализ.

Просодические явления относятся к слогу, слову, фразе (через фразу к предложению); в зависимости от рассмотрения дистриктивных функций указанных единиц высказывания употребляются термины "силлабема", "словоакцентема", "фразаакцентема", "тонема".

Существует также точка зрения, разграничивающая просодию речи на синтаксическую и супрасинтаксическую. При этом шумовые признаки в речи человека, служащие целям семиологической релевантности,

называются просодическими. Синтаксическая просодия изучает те явления речи, которые служат для выражения синтаксических отношений, имеет дело с синтаксическими (грамматическими) функциями интонации. Например, предложение *Yesterday I went to the cinema* - *Вчера я ходил в кино* может произноситься как *Yesterday I went to the cinema?* - *Вчера ходил в кино?*

Различная дистрибуцию просодических явлений в данной фразе, акцента служит для различения синтаксических типов фразы.

Супрасинтаксическая просодика, которая распадается на логическую и тембровую, имеет дело с метасемiotической функцией звуков речи - с различительными эмоциональными, экспрессивными средствами, которые находят свое выражение в стилистически отмеченных типах просодики. Обычно такие явления относятся к области фоностилистики. Что же касается тех средств, которые служат для выражения эмоций говорящих через различные вариации тембра, громкости, тембра, то они как вокальные эффекты, зависящие от различных конфигураций глотальных и супраглотальных органов считаются паралингвистическими признаками. Следовательно, следует отграничить собственно просодические признаки от несобственно просодических - фоностилистических и паралингвистических средств, которые функционируют только в экстралингвистическом аспекте. Относительно дистрибутивной функции различных физических параметров речи употребляется термин "просодема". Таким образом, если с фонетического аспекта изучается материальная сущность составляющих элементов или их артикуляционно-акустические корреляты, то с фонологическим аспектом исследуется различительная функция артикуляционно-акустических параметров речи на словах ("просодия слова") и фразах ("просодика фраз"). Объекты исследования сегментной суперсегментной фонологии хотя различны, но тесно взаимосвязаны, и оба имеют дело с различительными возможностями звуковых средств языка.

По вопросу типологии слога в фонетической литературе имеется два принципа выделения: физиологический и акустический, которые взаимно дополняют друг друга. Теории, изложенные Р.Стетсоном, Б. Халлом, Л.В.Щербой и Н.И.Жинкиным, считаются физиологическими, тогда как теория Б.Малмберга - акустической. Все теории слога исходят из утверждения, что "нет слога без выдоха". Теории слога Г.Сунта, В.Фиетса и А.Россеги известны под названием "экспираторная теория слога". Наиболее удачной теорией слога является теория Л.В.Щербой, в которой учитывается не только выдох, но и различного рода артикуляции (Щербой 1974). С точки зрения Л.В.Щербой, при слогоделении каждый согласный может иметь три формы: а) сильнооконечную, когда конец согласного сильнее его начала, ср. начальные согласные в *сон, ссора, к кому* (если 0

не произносится *x кому*), *разгадаться*, *рассориться* и т.п. Сильноконечные образуют начало слога; б) сильноначальная, когда конец согласного слабее его начала, ср. конечные согласные в *ус, ум, кит* и т.п. (и в русском и во французском при этом слегка сокращается длительность предшествующего гласного); сильноначальные образуют конец слога; в) двухвершинную, или удвоенную, когда и начало и конец согласного являются одинаково сильными. Например, в угро-финских языках согласный будет относиться как к первому, так и ко второму слогу. Имеется также значительная часть слов с гемнированными согласными. Для слогораздела определяющим является дистрибуция звучности-интенсивности, характеризующая различные классы звуков.

Таким образом, проблема слога является одной из запутанных и еще не окончательно решенных проблем в языкознании. По-видимому, этим объясняется тот факт, что некоторые лингвисты не всегда используют понятие слога в своих работах, а исходят из принципа сегментации речевого потока с дальнейшим вскрытием дистрибутивных отношений фонологических элементов в речевых отрезках.

Слог является чисто фонетическим понятием. Как и по отношению к другим фонетическим понятиям, изучение слога способствует глубокому пониманию фонологической системы. Факт наличия слогаобразующей функции звуков должен учитываться при фонологическом анализе. Слогаобразующие звуки ведут себя по-разному в различных языках.

Э.Пульграм определяет слог следующим образом: "Слог является чисто фонологической единицей, содержащей одну гласную как ядро и фонотактически определенные границы /Pulgram 1967, 112/. С точки зрения Э.Пульграма, фонетические границы слога выступают в качестве обязательного сигнала в конце фонологического слова, и этот сигнал может иметь одинаковое протяжение во времени с лексическим словом, в котором границы слова не определены, но ограничены фонемами паузы (звуковая цепь, например, так называемые паузальные группы во французском языке). Внутри же фонологического слова сигналы границы слога либо бывают, либо их нет.

Обычное утверждение о том, что комбинация согласных фонем с гласными или гласных с согласными образует минимальную произносительную единицу - слог, является поверхностным. По справедливому указанию Т.В.Булыгиной, "слог является особой единицей плана выражения, а не просто сочетанием фонем потому, что характеризуется специфической иерархической структурой (наличием центра и периферического элемента - гласного и маргинального элемента - консонантной группы), а также специальным признаком - способностью нести ударение, что делает его потенциальным минимумом единицы высшего порядка - фонологического слова /Булыгина 1965, 83/.

С фонологической точки зрения, определение слога как минимального отрезка речи будет неполным, т.к. оно не включает взаимосвязь между слогом и другими единицами языка (морфемой и словом), а сам слог теряет "качество структурности". Как справедливо замечает П.С.Кузнецов, "никто не оспаривает важности и для фонетики и для фонологии такой единицы, как слог, который ... имеет значение как поле, на котором осуществляются различные позиционные преобразования звучащей речи" /Кузнецов 1965, 93/.

Л.Ельмслев определяет слог как цепь выражения, включающую одно и только одно ударение. Данное определение включает взаимосвязь слога с просодикой, но зато исключает вопрос о слогообразовании и слогоделении, что имеет непосредственное прямое отношение к таким единицам, как морфема и слово. П.С.Кузнецов по этому поводу писал: "Слог существует и для фонологических единиц, определяемых как просодические. Но определять просодические единицы следует не по отношению к слогам и их последовательностям, а в отношении к некоторым значимым единицам (не менее слова) и их последовательностям" /Кузнецов 1965, 93/.

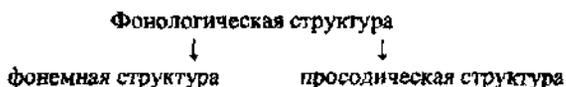
Следует отметить, что в различных языках не только гласные и сонанты могут быть слогообразующими, но и другие согласные также могут выступать в этой функции: так в русском языке в зависимости от ритмики словоформы в определенных позициях взрывные и фрикативные согласные могут также быть слогообразующими. Как справедливо указывает А.А.Реформатский (со ссылкой на Н.С.Трубецкого), "в русском языке слоговое свойство - это свойство гласных, и слоговые согласные в русской речи следует рассматривать как факты вокализма, временно получившие приют у соседних согласных" /Реформатский 1971, 268/. Действительно, слоговое свойство согласных обусловлено свойством гласных, ибо одни согласные сами по себе не могут выступать в роли слогообразующих (кроме сонантов). Сочетаемость гласных с согласными в определенных позициях слова, взаимосвязь их свойств создают благоприятные условия для образования слога.

В теории слога имеются правила, которые позволяют установить количество слогов в слове. Такие правила слогоделения варьируются от языка к языку. Для определения количества слогов достаточно сосчитать вершины слогов (центральные элементы), т.е. практически гласные и согласные, которые играют также решающую роль в делении слова на слоги. Е.Курилович сформулировал принципы слогоделения на основе разделения групп согласных на имплозивную часть (принадлежащую предшествующему слогу) и эксплозивную часть (принадлежащую последующему слогу). К этим принципам слогоделения относятся следующие:

ий простой или являющийся частью группы, стоящий перед
сится к последующему слогу;
озни относится максимальная часть группы, допустимая
в конце слова. К эксплозии относится максимальная часть
гмая одновременно в начале слова;
ы внутри слова, не допустимые в начале следующего слога,
предшествующему слогу;
элемент двучленной группы принадлежит не только
/, но также и предшествующему слогу, если в языке
ответствующая гемината.

6.1.7. Просодика слова

считается, что с фонологической точки зрения слово
собой определенную последовательность фонем. Фонемная
на является его самой важной стороной, от которой исходят
гические особенности слова. Однако слово не порождается
довательностью фонем. При комбинации фонем образуются
ых один из звуков имеет дугу громкости, а другие (соседние)
зему и, объединяясь в цепи, образуют слово. В односложных
) гласная фонема становится вершиной слога, а остальные
двигаются вокруг нее. Следовательно, слово порождается не
целенной последовательностью фонем. Внутри этой
ности имеются различные средства, способствующие
ветических элементов слова. Такие средства называются
ми. Из этих просодических средств одни служат для
их (фонологических) целей, а другие не имеют такой
т.е. они нефонологичны или избыточны. Конструктивным
содики является слог. Поэтому, когда говорят о просодике
акцентной структуре слова), в первую очередь обращают
характер слога и на признаки составляющих его элементов.
Слог имеет определенную степень ударения. В этом смысле
«безударный слог» считается условным, т.к. и «безударный»
яется сравнительно с другими ударными (главным и
им) слогами. В фонологической структуре слова некоторые
аясь, образуют слог. Элемент, на который падает ударение,
яется местом ударения. Можно считать, что фонологическая
ва состоит из двух важных компонентов: 1) фонемная
е. определенная последовательность фонем и 2)
(акцентная) структура, т.е. связующие средства внутри
словесных цепей.

Фонологическая структура слова определяется через описание и установление глубоких структурных связей внутри комбинаций фонем и признаков, сочетающих эти элементы. Фонемная и просодическая структуры считаются цементирующими слово как единицу звучания. Если же учитывать значение, приобретаемое с помощью звучания, то слово становится центральной узловой единицей языка, имеющей две стороны: означающее и означаемое. Оставляя в стороне другие содержательные стороны и компоненты слова, остановимся на его просодической характеристике.

Фонетическая структура слова включает четыре типа структур:

- а) фонемная структура;
- б) структура соединения фонем;
- в) силлабическая структура;
- г) акцентно-ритмическая структура.

При рассмотрении фонологической структуры мы различаем фонемную и просодическую структуры. Поскольку под структурой мы понимаем характер взаимосвязи и взаимозависимости различных элементов, фонемная структура включает также характер соединения фонем в слове, а просодическая структура зависит от характера слога и ударения. Следовательно, последние объединяются в два основных общих понятия - в фонемную и просодическую структуру. При такой интерпретации фонетическая и фонологическая структуры могут отличаться друг от друга как по компонентам структуры, так и по характеру их взаимосвязи. Анализ фонетической структуры слова опирается на материальную сторону составляющих слово звуковых средств, а фонологическая структура слова имеет дело с функциональными - различительными и неразличительными - признаками фонем и ударения. Хотя рассмотрение структуры слова в фонетическом и фонологическом аспектах различается, они зависимы друг от друга. Фонема может соответствовать в речевой цепи отрезкам разной протяженности - кратчайшему звуку речи, "сложным" звукам речи - дифтонгам или аффрикатам, наконец, слогу (иногда один звук соответствует одному слогу).

На зависимость понятия фонемы от структуры слога указывают многие лингвисты. Когда слог совпадает со словом, фонемная структура слова может рассматриваться как фонемная модель слова. Но слог считается не единственной конструктивной фонологической единицей, в рамках которой изучаются фонемы. Различительная функция фонемы проявляется не только в слоге, когда слог и слово совпадают. Прежде всего

различительная функция фонемы проявляется в слове как носитель смыслового содержания, характеризующемся выделяемостью, изолируемостью и, подобно слогу, имеющем просодические признаки.

Функциональная и опознавательная функции фонемы проявляются в слове, ибо они позволяют дифференцировать слова друг от друга и при этом опознавать фонологический облик определенного слова. Исходя из этого, вводится понятие **фонологического содержания слова**, которое в конечном счете сводится к фонемам, связанным между собой в рамках слога или слогов в слове в целом. Фонологическому содержанию слога соответствуют формальные фонологические особенности слова, т.е. просодические признаки. Такой подход близок к нашей формулировке фонологической структуры слова, состоящей из фонемной и просодической структуры.

Как показал А.И.Смирницкий, в одних языках "слова выделяются более или менее четкими фонетическими признаками (ударение, сингармонизм, законы конца слова и др., а в других - фонетические признаки слова совпадают с тем, что мы находим у других образований. Например, у морфем или, напротив, у целых словосочетаний). Все многообразие особенностей отдельных языков, однако, нисколько не препятствует определению "слова вообще", поскольку в этом многообразии выделяются и общие черты, выступающие как наиболее существенные признаки слова, при всех отклонениях от типичных случаев" (Смирницкий 1952, 483). Однако во многих исследованиях при определении слова первоначально важной считается его содержательная сторона, другие же средства, служащие для его оформления, в частности, фонологическая структура слова, часто игнорируются. Действительно, для общего, "универсального" определения ограничиваться только фонологической (фонемной и просодической) структурой слова недостаточно. Чтобы дать хотя бы простое определение слова, необходимо учитывать его фонологическую, лексическую и грамматическую (морфологическую) стороны, которые являются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Дело в том, что "определяя слово фонологически, мы исходим из какого-либо одного фонологического признака или из сочетания отличительных признаков, служащих особыми указателями" (Гринберг 1963, 88). Следовательно, отказываясь дать общее определение слова, мы рассматриваем только одну сторону вопроса, а именно, его фонологическую структуру, которая связана с другими сторонами слова.

Минимальной единицей для говорящего является слово, которое имеет цементирующие средства - признаки и место ударения, а также правила и способы сочетаемости фонем, образующих слово. Поэтому в психолингвистическом плане слово рассматривается в разных аспектах:

- а) фонетическое слово;

- б) фонемное слово;
- в) сонемное слово;
- г) просодическое (акцентное) слово;
- д) слово как последовательность просодических слогов;
- е) морфемное слово.

Из них функциональным статусом обладают только фонетические и просодические слова. Остальные же стороны объединяются в этих двух аспектах и выводятся из них. Данные восприятия речи также согласуются с вышеизложенными психолингвистическими сторонами слова, ибо записанная в оперативной памяти последовательность фонетических элементов должна содержать в явном (выделенном) виде как фонемную, так и просодическую информацию. Следовательно, как для говорящего, так и для слушающего слово с функциональной точки зрения представляется в качестве фонемного просодического целого, которое в дальнейшем преобразуется из речевого сигнала в смысловое сообщение, что происходит в результате весьма сложных процессов. Переход речевого сигнала к смыслу сообщения возможен после того, как первое преобразуется в последовательность дискретных элементов, и в данном случае удобно пользоваться понятием *слово*. После определения слова как последовательности фонем, устанавливается его начало и конец, а также его "входные признаки" - места фонем, указывающие на грамматические и лексические характеристики.

Хотя фонемная структура слова рассматривается как последовательность линейных дискретных сегментных единиц, соответствующих фонемам, репрезентируемым в звуках речи, они имеют сложную структуру и свои правила сочетаемости и не всегда соответствуют делению на дискретные элементы. Просодическая структура слова построена на сверхсегментной "этажерке", и ее средства не просто накладывают свои правила и закономерности, согласно которым они оформляют слово и цементируют его как целую реальную единицу для говорящего и слушающего. Фонемная и просодическая структуры в каждом языке имеют свои специфические черты и зависят от морфологического и фонологического строя данного языка.

С фонетической точки зрения, просодические средства выражаются в изменениях тона, интенсивности и длительности. Их место, позиции распределения и сочетания в словах и фразах определяют их синтагматические, дистрибутивные характеристики. Парадигматика и синтагматика просодических средств тесно взаимосвязаны и при этом, видимо, синтагматике принадлежит решающая роль, т.к. суперсегментные средства по своей природе синтагматичны и, не учитывая их распределения в словах и фразах, нельзя установить их фонологические смыслоразличительные признаки. В сущности всякие противопоставления имеют место в определенных позициях, а в других позициях они либо не

возникают, либо нейтрализуются, как это было показано на примере фонологических оппозиций. Отсюда становится очевидным, что единицами фонологического уровня могут быть не только сегментные фонемы, а также и суперсегментные единицы - просодема и интомема (а иногда силлабема для моросчитающих языков).

6.1.8. О просодике фразы

Просодика фразы относится к числу наиболее сложных проблем в современной лингвистике. Под просодикой фразы имеют в виду интонационные, акцентно-ритмические и вообще фонологические свойства именно фразы, а не предложения или словосочетания - единиц синтаксического уровня. Хотя интонация и синтаксис взаимосвязаны, они относятся к различным уровням: интонация - к фонетическому (фонологическому), а предложение и словосочетание - к синтаксическому уровню языка. Взаимосвязь и взаимообусловленность интонации и синтаксиса осуществляется через «промежуточную речевую единицу» - фразу. Обычно фразу определяют как «фонетико-синтаксическое (просодическое) единство, в состав которого включены внутренние паузы (диэремы) как единицы линейного членения речи». По отношению к другим фонетико-фонологическим единицам - фонемам, слогам, фонетическому слову, фраза выступает как «самая крупная фонетическая единица, законченное по смыслу высказывание, объединенное особой интонацией и отдаленное паузой от других таких же единиц»/Розенталь 1976, 514/. Поскольку фраза является для нас прежде всего фонетической единицей, необходимо, чтобы она совпала с предложением. В последнем случае допускается смешение терминов "фраза" и "предложение" и, следовательно, фонетического и синтаксического уровней языка. Для американских дескриптивистов термин "фраза" может использоваться одновременно как для обозначения высказываний, так и для обозначения подобных частей высказывания /Хэмп 1964, 249/. В этом определении понятия "фраза" и "высказывание" как бы выравниваются, даже их определения почти совпадают. Вслед за С.Карцевским А.А.Реформатский указывает: "Необходимо строго различать план предложения (грамматический) и план фразы (фонетический). Само предложение как грамматическая единица не имеет и не может иметь интонации. Оно актуализируется в коммуникативное явление - высказывание через фразу, которую организует в целое интонация" /Реформатский 1976, 514/. Этой точки зрения придерживаемся и мы. Однако существует противоположное мнение о том, что просодика и синтаксис являются "комплементарными аспектами структуры предложения" и они вместе представляют грамматику предложения. Здесь наблюдается явное преувеличение грамматической функции интонации. Главной функцией интонации считается ее фонетическая и, следовательно,

фонологическая функция, которая служит для различения смысла высказывания. Она делает интонацию необходимым важным компонентом речевой коммуникации. Поскольку интонация является фонетическим оформителем фразы, то, говоря о просодике фразы, мы имеем в виду прежде всего интонацию. В отличие от других фонологических единиц, интонация выступает как высшая суперсегментная единица, состоящая из единства различных компонентов, таких как мелодия, фразовое ударение, темп, тембр и ритм речи, которые служат для выражения смысла высказывания и определенных типов модальности. Интонация обладает своими различительными признаками, которые накладываются на сегменты. Интонация создается при сложном взаимодействии просодических средств. Различные средства интонации обычно называются ее компонентами, или акустическими параметрами. Поэтому определение интонации как повышения или понижения тона голоса в речи или же как единства мелодии и фразового ударения является неполным, т.к. не учитывает других ее компонентов. Причем определение интонации как сочетания изменений высоты тона и фразового ударения очень распространено в лингвистической литературе. Некоторые лингвисты в число компонентов интонации включают паузу и мимику, но последняя должна рассматриваться в паралингвистическом аспекте. Количество компонентов интонации в общей сложности доходит до семи: изменение высоты тона, пауза и мимика, фразовое ударение, темп речи, тембр голоса, ритм речи. Однако каждый лингвист делает определенный выбор из этих компонентов, и нет единства в определении интонации, методике ее анализа, а фонологическая функция интонации остается еще не разработанной. С нашей точки зрения, мелодия, фразовое ударение, тембр, ритм речи, темп являются основными компонентами интонации.

Суперсегментные средства характерны для слова и фразы, и отсюда следует разграничение словесного и фразового ударений. А.А.Реформатский четко указывает: "Суперсегментные явления сопровождающие слово (ударение, ритмика), входят в область акцентуации; суперсегментные явления, сопровождающие фразу, входят в область интонации (здесь главную роль играет мелодика, даже в т. называемых тональных языках, где надо отличать движения тона как факт акцентуации слова и движение тона как факт интонации фразы" /Реформатский 1976/.

Интонации свойственны следующие функции:

- 1) конститутивная функция;
- 2) дистриктивная, или фонологическая функция, которая является главной служащей для различения фраз;
- 3) рекогнитивная или опознавательная функция которая служит для узнавания фразы, оформленной согласно орфоэпической норме, для понимания фразы. Все три функции интонации, которые характерны и д.

других фонологических единиц, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Дистинктивная и рекогнитивная функции возможны только на основе конститутивной функции, а дистинктивная функция может проявляться только через рекогнитивную. Указанные функции интонации в единстве выполняют денотативную (что-то обозначать), конститутивную (семантическую модификацию значения) и эмоциональную (выражение чувства и воли) функции. Все они выражают содержательную сторону интонации, что иногда называется "семантикой интонации". для которой релевантными различиями считаются зависящие от изменения высоты тона другие просодические и паралингвистические явления, грамматика и лексика, стиль произношения, индивидуальные признаки, особенно качество голоса, кинетические признаки и другие релевантные ситуативные признаки.

С фонологической точки зрения все компоненты интонации принято называть интонационной структурой или интонационной группой.

В языках, в которых изменения по высоте тона служат различительными признаками фраз, наблюдается синонимия и омонимия средств интонации. Когда две интонации выражают одинаковые значения, а их эмоциональная функция разная, то такое явление называется синонимией интонации. Когда одна интонация выражает различные значения, мы имеем омонимию интонации.

В последнее время фонетисты стали говорить об экономии интонационного выражения, под которой понимают возможность нейтрализации интонации и совпадения интонационных признаков при различии выражаемых значений. Такое совпадение обуславливается иерархией грамматических значений, взаимодействие которых во фразе приводит к интонационной нейтрализации. Причем интонационную нейтрализацию, а также омонимию и синонимию интонационного выражения можно отнести к отдельным видам экономии интонационного выражения. При такой экономии разные интонации совпадают, но основную различительную функцию приобретают лексико-грамматические и стилистические (эмоциональные) средства.

Обычно разграничивают немфатическую и эмфатическую интонацию, последняя выражает эмоциональную функцию интонации. Проведенный эксперимент показал, что наиболее эмоциональными были признаны фразы, относящиеся к типам "восклицание", "приказание", "импликация". Меньшей степенью эмоциональности обладают фразы, относящиеся к типам "общий и специальный вопрос", а слабая степень эмоциональности свойственна простым утверждениям и фразам, содержащим парантезы. Наряду с грамматическими и лексическими средствами в эмоциональности фраз участвует также интонация. Их значимость во фразе осуществляется в результате компенсации одних средств другими. Такая же компенсация наблюдается в исследовании отдельных компонентов интонации, т.к.

каждый компонент интонации существует в своих вариантах и через них представлен в конкретных реализациях. Иначе говоря, интонация может быть одна, но она реализуется в различных интонационных структурах. Интонационные структуры устанавливаются путем экспериментального анализа. Результаты экспериментально-фонетического анализа должны быть подвергнуты дальнейшей фонологической интерпретации. В настоящее время имеется мало исследований по фонологическому анализу интонации. Что же касается эмоциональной функции интонации, то пока еще только несколько групп фраз исследованы в этом плане. Когда фраза эмоционально насыщена, наличие эмоции сигнализируется мелодикой речи. Если эмоция сильная, то другие элементы просодики, такие как тембр, темп и громкость, добавляются в речь. В эмоциональной речи мелодика распространяется по всей фразе. Если же особо выделяется какая-то часть фразы или слово во фразе, то ставится логическое или эмфатическое ударение. Различие между "нормальным" фразовым ударением (1) и "переносным" эмфатическим ударением (2) может быть проиллюстрировано следующими английскими фразами:

(1) Wine tasted ↓ better //

(2) ↓ Wi'ne tasted better //

(1) ↓ Give it to him //

(2) ↓ Give it to ↑ him // (знак // означает эмфатическое ударение).

Кроме изучения интонации отдельных фраз, ценным представляется исследование интонации фраз во всем контексте, последнее может показать движение различных различительных и избыточных признаков интонации в зависимости от контекста и ситуации. В контексте более ясно проявляется фонологическая функция интонации, т.к. значение фразы лучше устанавливается в ситуации. Причем фонологическую функцию интонации выполняют не только мелодика, фразовое ударение и пауза, а определенных контекстах фонологически существенными оказываются и другие компоненты.

Как отмечает В.А.Васильев, мелодика служит основным средством выражения говорящим, а следовательно, различения между собой и опознавания слушающим (дистинктивная и рекогнитивная функции) многочисленных так называемых синтактико-коммуникативных типов, видов и подвидов фраз, выделяемых в зависимости от цели или назначения высказывания, его коммуникативного задания. В.А.Васильев подчеркивает, что в образовании интонационной группы участвуют все компоненты интонации (Васильев 1973, 123-129). Интонацию нельзя считать только средством устной речи, т.е. звучания, ибо она неразрывно связана с определенным значением, последнее ярко проявляется в ее фонологической функции. Следовательно, интонация является двусторонней единицей речи, которая имеет свою форму (звучание) и содержание (значение). Другими словами, с фонологической точки зрения,

в отличие от других единиц (фонема, силлабема, акцентема) интонация (некоторые предпочитают использовать термин "интонема") представляет двустороннюю единицу, имеющую не только план выражения, но и план содержания.

Однако в обоих планах проявляются своего рода градации и противопоставления: в плане выражения (в артикуляционно-акустическом аспекте) наблюдаются контрасты внутри компонентов интонации (нисходяще-восходящий тоны, степень ударения и т.д.), а в плане содержания дифференциация значения интонации (фонологическая или дистинктивная функция) осуществляется через компоненты – признаки интонации. Таким образом, фонетическая и фонологическая стороны интонации, взаимодействие всех функций интонации (конституативная, дистинктивная, рекогнитивная) должны исследоваться в неразрывном единстве, но при этом предпочтение должно отдаваться функциональной стороне просодики фразы.

6.2. МОРФОЛОГИЯ

6.2.1. Основные понятия «традиционной» морфологии

Морфология – составная часть грамматики (другим разделом грамматики является синтаксис). Термин «морфология», как и термин «словообразование», двузначен: он означает и часть грамматического строя языка, и соответствующий раздел языкознания. «Языки отличаются друг от друга не только тем, какие значения они выбирают в качестве грамматических..., но и тем, как они предпочитают их выражать. Вместе с тем можно заметить, что при всем разнообразии «грамматических способов», характерном для языков различных типов (а часто, впрочем, и для одного и того же языка), в них обнаруживается принципиальное сходство, связанное с самой природой грамматических значений» (Общее языкознание. Внутренняя структура языка. 1972, с. 210).

Минимальной единицей морфологии считается морф – минимальная единица плана содержания, которую можно соотнести с планом выражения. Однако следует учитывать, что в пределах отдельных ярусов языковые единицы «раздваиваются» на абстрактные единицы (единицы «эмического» плана) и единицы реализации – конкретные единицы (единицы «этического» плана). Поэтому минимальными единицами морфологии являются морф и морфема, причем морфы представляют собой единицы реализации морфем.

Морф и морфема являются также минимальными единицами словообразовательного уровня, таким образом реализуется связь морфологического и словообразовательного уровней. Как известно, в морфологии изучаются прежде всего словоизменятельные морфемы – флексии, а в словообразовании – словообразующие морфемы, представляющие собой основу формантных средств языка. Традиционно морфология распадается на три части: 1) учение о частях речи; 2) учение о грамматических категориях; 3) описание словоизменения.

Несмотря на то, что части речи – давний и даже древний предмет изучения, сама их суть, их содержательная сторона и функциональный потенциал изучены и описаны в лингвистике далеко не с соответствующей объекту полнотой и глубиной. Об этом свидетельствует тот факт, что в последние десятилетия ЧР вновь активно изучаются в самых разных аспектах, в том числе и в когнитивном. По словам Е.С.Кубряковой, «роль частей речи в любом языке связана не только с тем, что каждая из соотносимых к ним категорий обладает собственным диапазоном выражаемого ею содержания и известным набором осуществляемых ею функций».

Она связана в меньшей степени и с тем, как категоризируется все это содержание, по каким рубрикам распределяется и какие принципы положены в основу этого распределения» /Кубрякова 2004, с. 170/.

Предельной максимальной единицей морфологии является грамматическая категория – система обобщенных, абстрактных грамматических значений, выраженных любыми формальными средствами флексии, аналитические конструкции, словоизменительные суффиксы и т.д.).

В морфологии изучаются слова с их грамматическими изменениями и грамматическими характеристиками. Слово в морфологии рассматривается в отвлечении от лексической, «вещественной» семантики.

Основные понятия и термины морфологии: лексема и словоформа, грамматическая форма, грамматический способ, грамматические парадигмы.

Лексема в морфологии – это совокупность словоформ одного слова *дам, дама, дому, (вижу) дам, дамом, (о) доме, дома, домов, домам, (вижу) юма, (о) домах*.

Словоформа – это одно из грамматических видоизменений данной лексемы, представитель лексемы в связной речи. Например, в русском языке предложение *Мальчик читает книгу* состоит из трех словоформ: существительного в форме единственного числа именительного падежа, глагола в форме изъявительного наклонения настоящего времени 3 лица единственного числа и существительного в форме единственного числа именительного падежа.

В изменяемых словах одна из словоформ принимается за исходную форму слова. У существительных это именительный падеж единственного числа (*дом, книга, село*), у прилагательных – форма мужского рода единственного числа именительного падежа (*белый, крутой, синий*), у глаголов – неопределенная форма (*читать, нести, печь*).

Словоформы изменяемых частей речи объединяются в парадигмы (системы форм). В составе парадигм словоформы по-разному соотносятся друг с другом. Примеры парадигм разных частей речи:

<i>стол</i> — <i>стола</i>	<i>горд</i>	<i>читаю</i> — <i>читаем</i>
<i>стола</i> — <i>столов</i>	<i>горда</i> — <i>горды</i>	<i>читаешь</i> — <i>читаете</i>
<i>столу</i> — <i>столам</i>	<i>гордо</i>	<i>читает</i> — <i>читают</i>
<i>стол</i> — <i>стола</i>		
<i>столом</i> — <i>столами</i>		
<i>(о) столе</i> — <i>столах</i>		

Грамматическая форма – понятие более абстрактное, чем словоформа. Это то общее, что объединяет ряд конкретных словоформ (например, *столу, дому, столам, домам, книгам* – формы дательного падежа). За каждой грамматической формой стоит грамматическое значение.

Представление о грамматической форме могут дать следующие предложения: 1) *Мальчик, читает книгу.* 2) *Брат читает книги.* Словоформы *брат* и *мальчик* здесь представляют разные лексемы в одной грамматической форме (муж. род, ед. ч., им. падеж), а словоформы *книгу* и *книги* – одну лексему в разных грамматической формах (ед. ч. и мн. ч.).

Грамматическое значение (ГЗ) – обобщенное языковое значение, отвлеченное от лексического значения (ЛЗ). Например, словоформы *столы, дома, книга, дни, озёра, мальчики* независимо от лексического значения характеризуются ГЗ множественного числа. Словоформы *решать, одеваться, раздаривать*, в отвлечении от ЛЗ, объединены ГЗ несовершенного вида. Словоформы *грустнее, умнее, завиднее* имеют обобщенное ГЗ сравнительной степени.

Итак, ГЗ – это обобщенное, абстрактное значение слова или словоформы. Для ГЗ характерны также регулярность выражения, охват огромного количества лексем или словоформ, а также обязательность. Обязательность ГЗ заключается в том, что оно навязывается каждому человеку, свободно говорящему на данном языке. Так, любое существительное ед. числа в русском языке должно принять форму мужского, женского или среднего рода (*дом – окно – стена*), каждое существительное множественного числа в винительном падеже должно различаться по одушевленности / неодушевленности (ср. *вижу столы – ижу волков*).

Наборы грамматических значений в разных языках не совпадают. Например, в русском языке существительные характеризуются ГЗ рода, числа, падежа, одушевленности / неодушевленности, а в узбекском языке начение рода и одушевленности не находит морфологического выражения.

Те значения, которые не передаются грамматически, находят повообразовательное или лексическое выражение в данном языке. Таким образом, ГЗ характеризуется избирательностью по отношению к разным языкам.

ГЗ, в отличие от ЛЗ, формально выражено, т.е. передается либо флексией, либо служебным словом. Внешнее, формальное средство передачи ГЗ называется грамматическим способом.

Итак, грамматическое значение – это абстрактное, обобщенное значение, регулярно выражаемое тем или иным грамматическим способом, обязательное для данного языка.

На базе грамматических значений формируются грамматические категории – системы грамматических форм с однородными значениями. Лексемы объединяются в части речи – грамматические классы слов.

Итак, предметом морфологии являются части речи, принадлежащие им грамматические категории и системы форм (парадигмы), в которых эти категории выявляются.

значений, отражают особенности морфологической структуры языка. Русский язык является синтетическим, флективным языком, включающим ряд аналитических элементов. Это проявляется в действующих в русском языке грамматических способах.

Способы выражения грамматических значений (иначе — способы формообразования или словоизменения) подразделяются на синтетический и аналитический.

Синтетический способ предусматривает использование «внутренних» ресурсов слова, при этом образуется синтетическая словоформа. В русском языке действуют следующие разновидности синтетического способа выражения ГЗ:

1. Способ окончания (флексии). При помощи флексий выражается большая часть грамматических значений русского языка, например, род, число, падеж существительных (*мальчик-а — мальчик-ов — мальчик-ами*), наклонение, лицо, число глаголов (*нес-у — нес-ёшь — нес-ти*).

2. Суффиксальный способ. Ряд суффиксов русского языка относится к формообразующим. Это суффикс прошедшего времени (*ходи-л, носи-л-а*), суффиксы сравнительной и превосходной степени прилагательных (*тепл-ее, крепч-е, нов-ейш-ий, крепч-айш-ий*), суффиксы причастий и деепричастий (*носи-вш-ий, принос-им-ый, откры-т-ый, прочита-ни-ый, нес-ущ-ий; прочита-в, крич-а*), суффиксы несовершенного вида (*реш-а-ть, оде-ва-ть, отвинч-ива-ть*).

3. Префиксальный способ. В русском языке префиксация как грамматический способ используется при образовании глаголов совершенного вида от несовершенного, например: *читать — про-читать, печь — ис-печь, варить — с-варить*.

4. Постфиксальный способ. В грамматической системе русского языка используются два постфикса: *-ся* и *-те*. Постфикс *-ся* употребляется при образовании страдательного залога: *Мальр красит крышу. — Крыша красит-ся мальром*. При помощи постфикса *-те* образуется форма множественного числа повелительного наклонения глаголов: *принести — принеси-те, отдай — отдай-те*.

5. Свообразным синтетическим способом является супплетивизм — образование форм одного слова путём соединения разнокоренных слов. Например, существительное *ребёнок* во множественном числе имеет форму *дети*, сравнительная степень к прилагательному *хороший* — *лучше*, видовую пару с глаголом *брать* составляет глагол *взять*.

Сущность аналитического способа состоит в использовании для образования словоформы служебных слов. В этом случае образуется аналитическая словоформа, например, при выражении будущего времени несовершенного вида: *буду говорить, будешь писать*. В аналитической словоформе служебное слово выражает основное грамматическое

значение: *буду* – изъявительное наклонение, будущее время, 1 лицо, единственное число; глагол *говорить* выражает основное лексическое значение. Таким образом, своеобразие аналитической словоформы заключается в отдельной подаче ЛЗ и ГЗ.

Аналитическим способом образуются в русском языке также сослагательное наклонение (*работал бы, пришёл бы, возвратилась бы*), одна из форм повелительного наклонения (*пусть читают, пускай принесут*), аналитические формы степеней сравнения (*более новый, самый смелый*).

При образовании форм падежа существительных, помимо окончаний, широко используются предлоги (*к маме, от окна, кроме школы, вместо отца*). Предложно-падежная форма имени существительного рассматривается как смешанный способ выражения ГЗ, так как в этом случае в выражении значения падежа принимает участие и флексия (синтетическое средство), и предлог (аналитическое средство).

Итак, в русском языке действуют синтетический способ, представленный пятью разновидностями, аналитический и смешанный способы. Ведущим способом выражения ГЗ в русском языке является способ окончания (флексия). Словоформы существительных, прилагательных, глаголов, числительных, местоимений образуются чаще всего при помощи окончаний.

Морфология (наряду с фонологией) является одним из самых изученных языковых уровней. Изучение морфологии началось с древнеиндийского языкознания, было продолжено в античном языкознании; большой вклад в изучение морфологии внесли представители сравнительно-исторического языкознания, особенно младограмматики.

Новым этапом изучения морфологии стало применение к классификации её единиц системы оппозиций, разработанной по отношению к фонологии Н.С.Трубецким /см. труды Т.Н.Бульгиной и А.В.Бондарко/. Через систему оппозиций могут быть вскрыты закономерности, отражающие изоморфизм ГК, относящихся к разным частям речи, например, именной категории числа и глагольной категории вида.

	Категория числа	Категория вида
Граммемы	ед. число/мн. число	несов. вид/сов. вид
Тип оппозиции		а) бинарная б) привативная
Маркированный член	мн. число	сов. вид

«Новое открытие морфологии» относится к концу XX века; оно связано с усилением внимания к семантике и функциональному потенциалу грамматических категорий.

6.2.2. Функциональные аспекты морфологии

Функциональный аспект связывает систему языка и речи, парадигматику и синтагматику, статику и динамику. Этот принцип единства структурного и функционального, парадигматического и синтагматического аспектов Грамматики определяет специфику функциональной грамматики в различных её разновидностях.

Центральным понятием функциональной грамматики является понятие функции. Термин «функция» отражает любое назначение элемента языка. Функция может быть как семантической, если данный языковой элемент используется для обозначения предметов, связей, отношений объективной действительности, так и асемантической, если языковой элемент выполняет только структурную функцию. Любая единица языка создается для определённой цели, для выражения определённого значения. Выражение этого первичного значения и составляет первичную функцию. Но в контексте, в процессе функционирования назначение языковой единицы может меняться. В таком случае говорят о вторичной, переносной функции языкового элемента. Иными словами, функция, независимая от контекста, называется первичной; функция, зависимая от контекста, является вторичной. У грамматических единиц первичная функция семантическая и проявляется в оппозиции. Она отвечает на вопрос, с какой целью, для чего в языке существует данный элемент. Например, у форм числа первичной функцией является различие единичности / множественности, что проявляется в оппозиции *стол – столы, сосна – сосны*. А в случае *В нашем лесу не растёт сосна* словоформа *сосна* употреблена во вторичной функции, так как здесь в форме единственного числа выражено значение множественного.

Различают три вторичных функции: нейтрализацию, транспозицию и десемантизацию (В.Г.Гак).

При нейтрализации языковой элемент употребляется с обобщенным значением, значения противочленов нейтрализуются. Например, показатели числа выступают в функции нейтрализации в таких высказываниях-обобщениях, как *Собака – лучший друг человека*. В этом случае можно было бы употребить и множественное число (*Собаки – лучшие друзья людей*) без изменения значения высказывания.

При транспозиции языковой элемент употребляется в функции (значении) своего противочлена. Транспозиция имеет место, например, при употреблении формы настоящего времени в плане прошедшего (так называемое настоящее историческое): *Когда начался пожар, я побежал*

скорей домой, подхожу – смотрю – дом наш цел и невредим, и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье... Я хватаю их, бежу, и всё думаю об одном: что им придётся ещё терпеть на этом свете! (Чехов).

И, наконец, при десемантизации форма утрачивает свою семантику и выступает лишь как структурный элемент. Например, категория рода выступает в первичной семантической функции у существительных одушевлённых, где она различает в оппозициях форм пол одушевлённого существа. Она выступает в функции нейтрализации при обобщении (например, *Товарищ Петрова – врач-терапевт*). Но та же категория рода выступает в асемантической функции у существительных неодушевлённых, служа или для оформления означаемого данного имени, или для отличия его от другого (*день – тень, книга, окно, стол*).

Не всякий языковой элемент обладает перечисленными четырьмя общими функциями (первичной семантической в оппозиции, функциями вторичными – нейтрализацией, транспозицией и десемантизацией), но в целом в языке эти функции выявляются достаточно чётко.

Морфология, основанная на принципе «от формы к значению», «от средств к функциям», может быть названа функционально-семасиологической. Такая грамматика должна систематически изучать функции каждой грамматической формы, отмечая всякий раз переход формы от одной функции к другой и семантические особенности формы в контексте.

При описании грамматических единиц, классов и категорий, основанном на принципе «от значения к форме», «от функций к средствам», рассматривается использование языковых средств для выражения определенных значений. Такое описание называется ономасиологическим (в противоположность семасиологическому). Ономасиологическое описание в своём наиболее полном виде учитывает средства всех уровней. В этом случае оно становится межуровневым и не делится на привычные нам разделы (лексикологию, словообразование, морфологию и синтаксис).

В грамматической традиции хорошо известны опыты лингвистического анализа в направлении от значения к формам его выражения. В частности, Л.В.Щерба, опираясь на этот принцип «от значения к форме», выдвинул идею «активной грамматики», т.е. грамматики, исходящей из семантической стороны того или иного конкретного языка, ставящей вопрос о том, «как выражается та или иная мысль» (Л.В.Щерба).

В современной лингвистике ономасиологический подход шире применяется в описаниях русского языка как иностранного, как неродного. Типичными являются исследования разноуровневых средств выраже-

русском языке или в сопоставляемых языках.

Для более полного представления о функционировании языка необходимо сочетание функциональных подходов «от средств к функционированию» и «от функций к средствам». Закономерно поэтому появление теории функциональной грамматики, основанной на синтезе семасиологических и ономазиологических подходов.

Можно построить ономазиологическую функциональную морфологию, т.е. морфологию, основанную на принципе «от значения к форме», «от функций к средствам», ограничивающуюся фактами лишь морфологического уровня.

В основе такого описания могут быть положены следующие номинативные грамматические значения (включая и частеречные), которые выражаются с помощью традиционно рассматриваемых грамматических способов: 1) предметность, 2) качество, свойство чего-либо, 3) действие кого/чего-либо, 4) обстоятельства действия, 5) состояние, 6) пол существа, 7) количество лиц, предметов, явлений, 8) субъектно-объектные отношения к действию, 9) отношение действия к действительности, 10) время действия, 11) результативность действия, 12) кратность действия.

Если же принимать во внимание средства всех уровней, то в этом случае морфология перестаёт быть морфологией в обычном смысле этого слова, поскольку выражать указанные значения способны также и лексические, и словообразовательные, и синтаксические средства. Ономазиологическое описание становится межуровневым, а указанные морфологические значения включаются в соответствующие функционально-семантические (семантические) поля, представляющие собой систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), объединённых на основе общности и взаимодействия их функций. Функционально-семантическое поле (ФСП) имеет ядро и периферию. Например, ядром ФСП аспектуальности является морфологическая категория времени, объективной модальности – морфологическая категория наклонения, компаративности – морфологическая категория степеней сравнения.

Грамматическим ядром ФСП не обязательно должна быть морфологическая категория. Например, ФСП разного рода обстоятельственных отношений (причины, цели, условия, уступки, следствия, места) не имеют в русском языке центрального морфологического стержня.

В формировании ФСП могут участвовать: лексические (1) средства, морфологическая форма слова (2), словообразовательная форма (3), лексическая форма слова (4), словосочетание (5) предложение (6),

придаточная часть сложного предложения (7), сложносочинённое /сложноподчинённое предложение (8), контекст (9), словопорядок в предложении (10), интонация (11).

Разноуровневые языковые средства, каждое в отдельности или в комбинациях, служат для выражения определённых значений, формирующих следующие ФСП:

- 1) качество, свойство;
- 2) количество;
- 3) действие кого/ чего-либо;
- 4) возможность осуществления действия, возникновение состояния, проявления качества;
- 5) необходимость осуществления действия, возникновение состояния, проявления качества;
- 6) аспектуальные характеристики действия, состояния, качества (длительность, повторяемость, результативность);
- 7) состояние, положение кого/ чего-либо;
- 8) отношение говорящего к чему-либо (желание, опасение, уверенность, сомнение, разрешение, побуждение, просьба, совет, приказ и т.п.);
- 9) оценка говорящим чего-либо;
- 10) определённость / неопределённость чего-либо;
- 11) отрицание;
- 12) совместность;
- 13) орудие;
- 14) образ действия;
- 15) сравнение;
- 16) пространственные отношения;
- 17) временные отношения;
- 18) причина;
- 19) цель;
- 20) условие;
- 21) уступка;
- 22) присоединение, сопоставление, противопоставление.

6.3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Термин "словообразование", как и термин "морфология", является двойственным: он обозначает и онтологический процесс образования слов (иначе - словопроизводство, словообразовательная деривация) и лингвистическую дисциплину.

В кругу родственных дисциплин, разделов курса "Современный русский язык" (лексикологии, морфологии, фонологии, синтаксиса), словообразование является самым "молодым". Это не означает, что проблемы словообразовательной деривации остались вне поля зрения языковедов XIX-XX веков, однако словообразование благодаря теснейшим связям с лексикологией и морфологией не осознавалось как отдельный языковой уровень (ярус) и соответственно включалось либо в состав лексикологии (в большинстве славянских грамматик), либо в состав морфологии (в русистике) /см. Виноградов 1986/.

Вторая половина XX века характеризуется повышением интереса к словообразованию и бурным развитием самых разных его направлений (проблематика словообразовательного значения, словообразовательного типа, гнезда, словообразовательной морфонологии, специфики и функций производных слов и т.д.). Одновременно ведется дискуссия о статусе словообразования как самостоятельного языкового яруса; эта дискуссия в принципе не снята с повестки дня и к настоящему моменту.

На практике к описанию словообразовательной подсистемы любого языка могут быть применены самые различные подходы: описание чисто синхронное, историческое, либо смешанное синхронно-диахроническое (частично осуществленное в учебнике Н.М.Шанского и А.Н.Тихонова) /Шанский 1981/. Преобладают, однако, синхронные описания с вкраплениями, касающимися этимологического анализа, исторических процессов, изменяющих структуру слова, становления способов словообразования и отдельных словообразовательных типов (СТ).

Словообразование может описываться в рамках аналитической либо синтетической моделей (от формы к значению либо от значения к форме), причем абсолютно преобладают аналитические описания: "с иных позиций словообразовательная система русского языка (равно как и какого-либо другого языка) пока полностью описана не была; так, не существует, например, описаний словообразовательной системы, выполненных на основе теории генеративной или функциональной грамматики: имеются лишь теоретические работы предварительного характера по генеративному словообразованию" /Улуханов 1996,3/.

Аналитический подход предопределил преимущественное внимание к словообразовательному типу как классификационной единице словообразования, в ущерб словообразовательной категории (СК), которая

по логике вещей должна занять в дериватологии то же место, что и грамматическая категория (ГК) в морфологии.

Однако при любом подходе в рамках курса "Словообразование" изучаются производные слова, их возможные классификации, способы синхронного словообразования, словообразовательные типы и модели, морфонологические явления при словообразовательных процессах, типы словообразовательной мотивации, специфика и типы словообразовательных значений (СЗ), соотношение членности и производности, комплексные единицы словообразования.

Как уже говорилось выше, примарной, неразложимой далее единицы на словообразовательном уровне не существует. На такую роль могла бы претендовать морфема - минимальная значимая единица языка, иначе - минимальная единица плана выражения, которую можно соотносить с планом содержания. Однако эта единица является общей единицей словообразовательного и морфологического уровней (вследствие чего некоторые исследователи выделяют морфемику как самостоятельный языковой уровень) (Лопатин 1977).

Все остальные единицы словообразования представляют собой результат комбинаторики других единиц (морфем, основ и формантов). Это, кстати говоря, сближает словообразование с синтаксисом, все единицы которого - результат комбинаторики единиц нижележащих уровней (лексики и морфологии), однако на более высоком уровне комбинация единиц приобретает новое качество, благодаря чему единицы синтаксиса рассматриваются как безусловно самостоятельные.

В этом кроется одно из доказательств самостоятельности словообразовательного яруса, так как традиционно наряду с синтаксисом внешним (синтаксисом словосочетания и предложения) выделяется внутренний синтаксис (синтагматики морфем, основ и формантов).

В настоящее время основной единицей словообразования закономерно признается словообразовательный тип - "схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или другие словообразовательные средства)" (Русская грамматика 1980, 135/).

К одному словообразовательному типу относятся, например, слова *учитель, преподаватель, создатель, собиратель, мучитель, искатель* и мн. др. Общность этих лексем проявляется в единой отлагольной мотивации, едином форманте - суффиксе *-тель*, носителе агентивной семантики.

Однако наряду с СТ важнейшей единицей словообразования в собственно семантическом плане является словообразовательная категория - система словообразовательных значений, выраженных тем или иными формантами. Так, для отлагольных агентивных

существительных на *-тель* в семантико-функциональном отношении существенно вхождение в СК "производитель действия", к которой, кроме указанных существительных, относятся лексемы *погрузчик, метчик, подборщик, мойщик, бегун, несущика, дирижер, каменотес, домостроитель* и мн.др.

Важно осознать, что и СТ, и СК - абстрактные единицы языковой системы, существующие в отвлечении от конкретных лексических значений, оппозиции *лицо/нелицо* и т.д., а СК оталекается также от конкретного вида форманта.

Реализацией же определенных СК и СТ являются конкретные лексемы, но лексемы определенной типа - производные, т.е. двояко мотивированные, обусловленные значением и звучанием других слов, иначе - находящиеся в отношениях формальной и семантической мотивации.

Непризнание словообразования в качестве самостоятельного яруса языковой системы связано и с тем, что далеко не все языки мира обладают особым словообразовательным "модулем". Однако для большинства разноструктурных языков мира словообразование все же характерно (ср. русский - флективный, узбекский - агглютинативный, английский - аналитический языки).

Более того, для языков типа русского - синтетического, флективного, фузионного - наличие развитой системы продуктивного словообразования со множеством способов, формантов, типов "неизбежно".

Русская словообразовательная система является разновидностью славянских словообразовательных систем, преимущественно флективного типа, что отражает активное участие флексии в словообразовательных актах.

В то же время исследователи отмечают нарастание аналитических и агглютинативных тенденций в русском словообразовании, тем не менее в структурном отношении словообразовательный ярус всех славянских языков, в том числе и русского, сохраняет ряд существенных общих черт, начиная от способов словообразования и кончая набором основного арсенала формантов.

Существенными чертами русского словообразования, отличающими его, в частности, от морфологической системы, являются:

1) **Однонаправленность связей** - от производящего слова к производному.

2) **Промежуточность** словообразовательных оппозиций по продуктивности между лексическими (минимальными) и грамматическими (максимальными) (Степанов 1975. 156/.

Пример лексической оппозиции: *мать- отец, брат- сестра, дочь-сын, дядя-тетя* ... (Оппозиция по семе "поЯ").

Пример грамматической оппозиции: *стол - кресло-парта, дуб-береза - дерево, нож - пила-сверло, дельфин - рыба-млекопитающее, мальчик-девочка-дита, разрыв - нежность-признание ...* (Оппозиция по грамматическому роду).

Пример словообразовательной оппозиции: *ученик - ученица, турок - турчанка, сват - сватья, учитель- учительница, нахал - нахалка, племянник- племянница ...* (Оппозиция по СЗ "женскость").

Трактовка количественного наполнения различных оппозиций (минимальных, максимальных и промежуточных) условна и имеет смысл лишь в противопоставлении лексических, грамматических и словообразовательных рядов. В самом деле, очевидно, что деление существительных на три грамматических рода универсально: противопоставление непр производных существительных по семе "пол" касается лишь одушевленных существительных и проводится не до конца последовательно (ср. названия животных *филин, сова, мышь, сурок* и под.).

Словообразовательные оппозиции более регулярны и продуктивны, чем лексические, но, безусловно должны уступать по этим признакам грамматическим. От лексических они отличаются более строгой формальной организацией, более «грамматичны» за счет формантов, большая часть которых оформляется флективно.

Однако "промежуточность" словообразовательных оппозиций не означает, на наш взгляд, "промежуточности" словообразования и словообразовательного значения между лексикой и грамматикой, лексическим и грамматическим значениями.

3) Потенциальность словообразования.

Существует давняя дискуссия о предмете словообразования: либо это структура уже существующих слов ("Как сделаны слова"), либо описание возможностей, потенциалов словообразования ("Как делаются слова"). При всей важности первой задачи более актуальной представляется вторая, так как словообразование из всех языковых ярусов наиболее наглядно реализует творческие возможности языка, оно как бы ориентировано на будущее, ведь это - основной ресурс обновления и пополнения словарного состава.

В то же время по отношению к современному русскому словообразованию необходимо подчеркнуть сосуществование в нем продуктивных и непродуктивных явлений, между которыми не всегда можно провести четкую границу, наличие множества реликтовых явлений в виде непродуктивных нерегулярных корреляций, множества степеней членности и т.д.

Основной функцией словообразования, безусловно, является **номинативная**: словообразование путем сочетания уже существующих в языке основ и формантов призвано именовать новые реалии, признаки, процессы. (Напомним, что другими способами именования и

соответственно пополнения лексики являются заимствование, семантическая деривация, калькирование).

Однако в последние годы развивается положение о полифункциональности словообразования: наряду с номинативной ему присущи экспрессивная, прагматическая, компрессивная, связующая функции.

Установку на экспрессию, выразительность и оценку наименования демонстрируют вторичные номинации уже поименованных предметов: *дубинку* можно назвать *демократизатором, машину*, стоящую зимой вне гаража - *подснежником, автомат* - *укокошником* и т.д.

Ряд производных *племянничек, защитничек, противничек, родственничек, работничек* и т.д. содержит "деминутивный (уменьшительный) суффикс, который не выражает реальной уменьшительности (ср. *стол - столик*), ни экспрессии ласки (ср. *нос - носик, ноги - ножки* при реальном соответствии денотата усредненной норме). Эти производные как бы прагматически «заряжены» на отрицательную оценку денотата и стремление довести ее до собеседника (читателя) и даже навязать ее, возможно - стимулировать определенные действия или отказ от них.

Компрессивная функция (функция сжатия, сокращения) оправдывает наличие способов сложения и особенно аббревиации (ср. три семантически однородных наименования: *Центральный банк - Центробанк - ЦБ*).

Целые классы производных слов - имена действия и имена качества - выполняют преимущественно функцию связи фрагментов текста, например: *Работать и думать вместе Аифиса не умела. Думание всегда давалось ей с трудом.*

Частные функции словообразования не вступают в противоречие с основной, номинативной функцией, так как номинация в любом случае осуществляется, они лишь дополняют и детализируют тип наименования. Не исключено совмещение в одном акте деривации двух или нескольких функций (например, номинативной, экспрессивной, связующей).

Признание полифункциональности словообразования существенно расширяет представление о "сферах влияния" словообразовательной подсистемы и ее связи с другими языковыми подсистемами.

Итак, словообразование представляет собой самостоятельный ярус языковой системы; оно может быть описано с чисто синхронных позиций в рамках как аналитической, так и синтетической моделей; проблематика словообразования охватывает широкий круг вопросов, связанных с производным словом; основными единицами словообразования являются словообразовательный тип и словообразовательная категория, для русской словообразовательной системы характерны флективность и гетерогенность (разнородность); общими свойствами всех словообразовательных систем являются однонаправленность связей и "промежуточность" оппозиций по

количеству реализаций; словообразование русского языка полифункционально.

Согласно широко распространенному определению, системой языка является совокупность реализованных и потенциальных единиц и закономерностей их организации, определяющих возможность или невозможность их реализации и сочетание в тексте.

Выделение языковых ярусов, находящихся в иерархических отношениях, предполагает модель языка как системы систем, где каждая система выступает как своеобразный модуль, органически встроенный в общую систему и в то же время относительно автономный.

Словообразование выполняет особую роль в организации общей системы русского языка вследствие того, что большая часть полнозначной лексики русского языка - производные слова: по данным "Словообразовательного словаря русского языка" А.Н. Тихонова, из 145 тысяч зафиксированных слов около 127 тысяч - производные (остальные являются либо непроезводными словами, возглавляющими словообразовательные гнезда *дом, вода, работать, река, греть, толстый, пять, тихий* и т.д.), либо это так называемые одиночные слова *авгур, бура, дека, вилла*) (Тихонов 1985, 4-7).

Системность лексики обеспечивается статусом слова как ячейки смысловой сети, к которой сходятся парадигматические отношения типа синонимии, антонимии, родо-видовых отношений, вхождения в семантические поля. Безусловно, все слова любого языка на синхронном срезе связаны между собой, одни более тесно и непосредственно, другие - через стадии семантических переходов (доказано, что их не более 7). Однако и на этом фоне роль производного слова (ПС) в установлении системы лексики бесспорна: ведь производное слово, помимо всех связей, характерных для непроезводных слов, входит в определенное гнездо (связи по линии корня), словообразовательный тип и словообразовательную категорию (связи по линии форманта и словообразовательного значения). Словообразовательные типы выступают как аффиксальные общности ... Иной тип объединения производных слов представляют собой корневые общности - словообразовательные гнезда (СГ). Противопоставление аффиксов (СТ) корневым элементам лежит в основе системной организации, ... играет системообразующую роль (Тихонов 1985, 4).

Сам принцип объединения большей части русской лексики в СГ выявляет одно важное свойство русского языка - высокую степень мотивированности, т.е. возможности объяснения одних слов через другие.

Весьма существенна роль словообразовательных процессов в становлении, дифференциации и пополнении частей речи в русском языке. Представляется, что развитие частей речи и словообразования был

единым процессом, и именно словообразовательные форманты и модели наряду с грамматическими средствами являются маркерами частей речи.

В принципе набор формантов, т.е. словообразовательных средств каждой части речи, участвующей в словообразовательных процессах (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), "представляет собой непересекающиеся совокупности", для них характерна "различная типология словообразовательных значений, определяемая категориальными свойствами частей речи, разная степень спаянности словообразовательных значений с морфологическими и др." /Лопатин 1977, 14/.

В.В.Лопатин обнаружил только один суффикс, общий для прилагательных и существительных: в парах *свежий - свеженький* и *подруга - подруженька* с ласкательным значением /Лопатин 1977, 14/. Но даже и здесь тождество суффиксов может быть оспорено, так как формант - это формально-семантическая единица, система флексий входит в состав суффиксального форманта, а система флексий у суффиксов - онък- (орф-еньк-) в приведенных примерах разная.

Совершенно иную форму и тем более значение имеют суффиксы имен и глаголов, ср. *созда-тель, молоти-лк-а, волч-онок, учитель-ск-ий, дуллист-ый, улыб-чив-ый, склад-н-ой, бел-и-ть, вольн-ича-ть, сед-е-ть, камен-е-ть*.

Таким образом, словообразование является важнейшим фактором системности лексики и морфологии, однако оно имеет и свою, внутреннюю системную организацию.

Системные связи словообразования с другими языковыми ярусами, определяются прежде всего центральным положением не просто слова, а именно производного слова в системе и всех видах функционирования русского языка, причем с каждым годом углубляется представление об этих связях, изоморфизме и специфике языковых уровней.

Связь словообразования с фонетикой и фонологией прямая и непосредственная. Каждая фонема - это различитель звуковых оболочек, а через них - и значений морфем и слов. Кроме различительной, фонема выполняет и конструктивную функцию: формирует звуковые оболочки значимых единиц языка - морфем и лексем.

Связь словообразования с фонологией проявляется и в том, что по фонологическим нормам русского языка на морфемном шве допустимы не все сочетания звуков, что вызывает множество морфонологических преобразований (подробнее см. в разделе 6.4).

Тесные связи словообразования и лексики определяются прежде всего тем, что словообразование является основным каналом пополнения словарного состава.

Связь этих уровней детерминирована и типами взаимодействия лексических и словообразовательных значений в семантической структуре

производного слова. Очень важно, что ПС образуются на базе конкретных лексических значений производящих, прямых или переносных, примером могут послужить ПС *кривизна, криворукый*, образованные на базе прямого значения прилагательных *кривой*, и *кривда* ("неправда") образованное на базе переносного значения этого прилагательного (ныне устаревшего) - "несправедливый, ложный".

Лексикологию, словообразование и морфологию связывают отношения синонимии, антонимии, омонимии, своеобразно проявляющиеся на каждом уровне.

Связь словообразования с лексикой как языковым уровнем определяется также ролью словообразовательных типов и категорий в формировании лексико-грамматических группировок лексики, семантических полей и т.д. (существительных со значением места, лица, глаголов поведения, занятия и под.).

Связь **словообразования с фразеологией** проявляется в том, что большая часть производных слов обладает признаком семантической идиоматичности (фразеологичности). Значение ПС, как правило, не является механической суммой составляющих его компонентов (производящей базы и форманта). Так, ПС *дневник, утренник, вечерник, ючник* принадлежат к одному СТ

(мотивированы прилагательными, имеют один формант, одно СЗ), а также к одной семантической серии по мотивирующему слову (обозначение разных отрезков суток). Однако в плане семантического результата эти ПС неоднородны, они соответственно обозначают: 1) конкретный предмет; 2) абстрактное понятие (утренний праздник либо утренний заморозок); 3) лицо по признаку "форма обучения"; 4) конкретный предмет (причем совершенно иного типа и назначения, чем в первом случае). Таким образом, в данном случае (что довольно распространено) происходит переключение семантических полей в процессе словообразовательной деривации, причем явных признаков, индексов такого переключения нет, так как суффикс *-ник-* является выразителем обобщенного значения предметности.

Семантическое приращение не выраженного формально элемента семантики и составляет сущность идиоматичности семантики ПС (ср. ФЕ *собака съест, голова садовая* и под.) Это свойство семантики ПС описывается формулой $1+1=2+X$, где X - приращенный, формально не выраженный элемент семантики.

Кстати, именно это свойство производных слов объясняет, каким образом комбинаторика уже существующих в языке единиц способствует пополнению словарного состава, обогащению его новыми не только в формальном, но и в семантическом отношении дериватами. Именно это отличает словообразовательную деривацию от словоизменения, так как в последнем случае реализуется установка на воспроизведение семантически

однородных единиц в пределах определенных границ формально-семантического варьирования.

Теснейшее взаимодействие, многосторонние связи, определенный формально-функциональный изоморфизм словообразования и морфологии предопределены флективным фузионным характером русского языка, при этом наличие определенных "размытых зон", где как бы перекрещиваются словообразование и словоизменение, неизбежно. К таким зонам в русском языке относятся: 1) категория числа имен существительных; 2) степени сравнения имен прилагательных; 3) вид и залог глагола; 4) неспрягаемые глагольные формы, т.е. инфинитив, причастия, деепричастия. Каждая из названных категорий и форм - сложный узел проблем, решаемых исходя из теоретических установок авторов грамматических описаний, однако преобладающее отнесение перечисленных зон к морфологии говорит все же в пользу возможности дифференцировать словообразование и словоизменение не по форме выражения (синтаксическая/несинтаксическая форма, как в рамках Московской формальной школы), а по семантическому результату (установки на "нечто семантически новое" либо модифицируемое данное", соответственно характерной для словообразования и словоизменения). В то же время следует подчеркнуть многообразие типов производных слов, реализующих разные функции словообразования, а также наличие специфической шкалы идиоматичности.

Выше уже отмечалась роль словообразовательных процессов для становления частей речи; роль этих процессов огромна также в формировании и развитии лексико-грамматических разрядов, многие из которых на 90% оформлены словообразовательно, например, собирательные существительные (*листва, зверье, крестьянство, студенчество, агентура, мошкара, синонимика* и др.), а также сингулятивы (обозначения единичных понятий), относительные прилагательные, способы глагольного действия. Взаимосвязь словообразования и морфологии проявляется также во взаимодействии морфологических и словообразовательных категорий (например, рода и женскости, степеней сравнения и субъективной оценки, вида и начинательности).

Закономерно, что морфонологические преобразования основ (чередование, усечение, наращение и т.д.) в принципе одни и те же в словообразовании и словоизменении, с определенными расхождениями, объясняемыми историческим развитием языка.

Связи словообразования и синтаксиса многообразны и лежат в самых разных плоскостях /Шатуновский 1988, 32-33/.

Наиболее рано выявленные и изученные связи этих уровней лежат в плоскости изучения синтаксических связей производящих и производных

(ср. *верить в успех - вера в успех, увлечься музыкой - увлечение музыкой; но открывать страну - открытие страны* и под.)

Впоследствии подробно изучались следующие аспекты связи и корреляции словообразования и синтаксиса: степень изоморфизма словообразовательных и синтаксических единиц; словообразование на синтаксической основе, универбация; синтаксические свойства производных и производящих; лексическая и синтаксическая деривация и др.

Таким образом, словообразование теснейшим образом связано не только с лексикой и морфологией, но и с другими языковыми подсистемами, что по сути характерно для всех языковых уровней и само по себе не является свидетельством несамостоятельности какого-либо уровня.

Аналитический подход к русскому словообразованию predetermined преимущественное внимание к словообразовательному типу (СТ) как центральной единице словообразования. Такой подход, безусловно, имеет полное право на существование и в данный момент принес заметные результаты: в "Русской грамматике" (т.1) детально описаны все СТ узуального русского словообразования /Русская грамматика 1980, 141-410/. Однако при этом осталась в стороне словообразовательная категория (СК) - основная семантико-функциональная единица системы словообразования. Кроме того, описание "от СТ" получается, на наш взгляд, чрезмерно громоздким и недостаточно системным. Описание словообразования "от СК" позволит существенно уточнить представление о системности словообразования, его функциональном потенциале, связях с морфологией и лексикой.

Словообразовательная категория обычно определяется как совокупность СТ с однородным словообразовательным значением, т.е. опять-таки "от СТ". Однако возможно определение СК как совокупности СЗ, выраженных теми или иными формантными средствами, т.е. "от СЗ". В таком случае преодолевается и формантный, и частеречный порог описания: в одну СК могут быть сведены типы префиксальные, суффиксальные, сложно-суффиксальные; есть СК, "привязанные" к одной части речи, другие же могут объединять разные части речи. Кроме того, для типологического изучения словообразовательных систем разноструктурных языков СК как единица операционного описания подходит гораздо больше, чем СТ. Например, СК "субъективная оценка" охватывает три части речи и может выражаться как суффиксальными, так и префиксальными типами (*ножка, столик, деревце, тоненький, зияющий, презлой, тихонечко, премило* и т.д.).

Тип словообразования каждого языка тесно связан с его детерминантой. Г.П.Мельников детерминантой флективных языков считает "принцип экономного выражения комбинаций служебных

значений". "При корневой монеме может использоваться одна служебная монема комплексного значения; каждая часто встречающаяся комбинация служебных значений может иметь в этом случае специальную деривационную монему"/Мельников 1969, 57/. Отмечается обилие служебных монем и наличие нескольких значений в большинстве из них. "Обилие связанной грамматической информации снижает требования к фиксации порядка слов в сообщении, а распространенность фузионных явлений на стыках монем приводит к усложнению морфонологических закономерностей в языке. Требование обязательного выражения реляции воздействует на формализацию способов согласования слов в предложении и развитию согласованных классов... Связанность деривационных значений с реляционными приводит к определенному месту в будущих предложениях, в результате чего словарь достаточно четко разбивается на классы слов с определенной деривационной семантикой /Мельников 1969, 57-58/.

Детерминанта языков агглютинативного типа - "принцип экономии аффиксов". "Экономия в использовании служебных монем требует строгого порядка слов в предложении, возможности широкого безаффиксального использования корневых монем, моносемности служебных монем, так как только в этом случае можно исключить те из них, значения которых становятся неясными в случае расширения контекста. Потребность в легком вычленинии аффиксов требует предотвращения фузионных явлений на стыках морфем, но тогда функция склеивания монем прекладывается на гласные, в связи с чем развивается гармония гласных (сингармонизм). Корневая монема должна быть максимально опознаваема. Это значит, что гармония гласных основывается на уподоблении гласных аффиксов гласным корня. Чтобы варибельность гласных аффиксов не осложнялась влиянием соседних гласных, в аффиксах широко используются сонорные, а корни отличаются отсутствием сонорных перед неизменяемыми гласными"/Мельников 1969, 55/.

Язык типа узбекского Г.П. Мельников называет языками с формальными коллекционными единицами стратификации. От изолирующих они отличаются прежде всего тем, что имеют специальные служебные монемы, которые расходуются очень экономно. Сообщение формально выражено, внешне оформлено, появляются формальные главные и второстепенные члены предложения /Мельников 1969, 63/.

По отношению к морфемной структуре слова Мельников обобщил то, что разрозненно подчеркивалось в характеристиках узбекского и русского слова: узбекские слова как бы собираются каждый раз из стабильных как в семантическом, так и в формальном отношении, корневой морфемы и преимущественно посткорневых аффиксов; морфонологические явления для узбекского словообразования и словоизменения не характерны, хотя и наблюдаются случаи приспособления аффиксов к корням-основам.

Русское слово изменяется как монолит, в нем синтезированы лексические и грамматические значения; фузия проявляется не только в обилии морфонологических явлений, затемняющих структуру слова, "оплавающих" морфемные швы, но и в синтезе разных типов значений (вещественных, словообразовательных, грамматических).

Само понятие флективного языка предполагает наличие флексии и ее противопоставление деривационным морфемам. Это противопоставление проводится по следующим линиям:

1. Флексии многозначны, т.е., подобно фонемам, заключают в себе пучок дифференциальных (но только семантических) признаков, например: *доска - доску - досками*. Здесь противопоставление флективных форм выражает род, число, падеж.

В агглютинативных языках падежные показатели семантически отделены от других служебных аффиксов, однако они стабильны и однозначны. Например, узбекское слово *болаларимизга* имеет в своем составе три аффикса: -лар- показатель множественного числа, -имиз- показатель притяжательности, -га - показатель того падежа, который по традиции называют дательным, но он может быть назван и направительным.

2. Флексии синтаксичны, т.е. они, по школьному определению, служат для связи слов в предложении, осуществляя согласование по роду, числу и падежу основных частей речи: существительных, прилагательных и глаголов (формы рода релевантны для глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения).

3. Флексии вызывают многочисленные морфонологические явления на морфемном шве (чередование, усечение, наращение) и любые их комбинации.

4. Флексии, сопровождая "конечные" суффиксы основы, как определенные, обычно строго избираемые комплексы, фактически участвуют в процессах словообразования. Именно поэтому во флективных языках выделяются нулевые суффиксы (наряду с нулевыми окончаниями) Термин "нулевой суффикс" - это одна из моделей описания роли флексии в словообразовании флективных языков. А.А. Реформатский прямо указывает, что для "многих индоевропейских, и в частности, для славянских, языков характерно ... то явление, что флективные постфиксы ... одновременно выполняют роль словообразовательных формативов.. Такие функциональные аффиксы можно назвать суффикс-флексиями" /Реформатский 1987, 54/.

5. Для флексий индоевропейских языков характерны многозначные отношения, т.е. одна флексия может выражать разные значения, и напротив, одно и то же значение может быть выражено разными флексиями, например: *дом отца - вижу отца - вижу сестру*.

вижу сестер- нет сестер и т.д. Это ведет к широко развитой синонимии, вариантности, омонимии флексий.

Для узбекского языка с его строгой, логичной, одно-однозначной системой между планом содержания и планом выражения грамматических явлений такие отношения в целом не характерны.

Узбекские, как и вообще тюркские падежные показатели, характеризуются следующими свойствами: 1) однозначностью выражаемого общего смысла; 2) способностью присоединяться ко всем субстантивным именам; 3) способностью реализовываться только в алломорфах нейтрального и лично-посессивного типа.

В плане морфемной структуры очень важна распространенность в русском языке не только посткорневых (постфиксальных в широком смысле), но и префиксальных морфем (приставок). Это представляет собой важную типологическую черту. В узбекском языке префиксов (приставок) как продуктивного класса морфем нет.

Организация СК в языках с развитой словообразовательной системой осуществляется под "контролем" морфологических категорий. Морфологические системы русского и узбекского языков существенно различаются, однако основная часть "семантического пространства", отражаемая морфологическими категориями в русском и узбекском языках, совпадает. Это указание на количество предметов, на субъективно-объективные отношения и их связь с коммуникацией, на отношение действия к действительности, на временную отнесенность действия, что воплощается в каждом языке в категориях числа, падежа, степеней сравнения, лица, залога, наклонения, времени.

Несоотносительными, неизоморфными (в семантическом плане) являются категории рода, одушевленности/неодушевленности, полноты/краткости в русском языке, принадлежности, лица/нелица - в узбекском языке.

Дискуссионным является вопрос о наличии или отсутствии в узбекском языке категории вида. "Имеется ряд исследований узбекского языка, в которых в той или степени затронуты вопросы, связанные с выражением способов глагольного действия в узбекском языке, с проблемой наличия или отсутствия категории вида в узбекском языке. Имеются также работы сопоставительного плана, например, исследования способов передачи русских глаголов в узбекском языке /Кожаяева 1991, 121/.

Поскольку в данной работе рассматриваются СК как единство словообразовательных значений и форматных средств их выражения, то и выделяются СК обобщенного характера. СЗ начинательности включается в СК "временная ограниченность действия" (*занеть, попеть, пропеть, пролежать, отговорить*).

В русском и узбекском языках в содержательном отношении совпадает ряд СК:

- 1) СК "отвлеченный процессуальный признак" (*хождение, разгон – тириллаш, синов*).
- 2) СК "производитель действия" (*указатель, метчик – эшитувчи, сотувчи*).
- 3) СК "орудие действия" (*молотилка, напильник – чопқи, ўроқ*).
- 4) СК "результат действия" (*отпечаток, выкормыш – ерик, ямоқ*).
- 5) СК "отвлеченный процессуальный признак" (*свежесть, изящество – тезлик, биринчилик*).
- 6) СК "вместилище" (*мыльница, псарня – отхона, сувдон*).
- 7) СК "принадлежность живому существу" (*мамин, птичий – отамники, акамники*).
- 8) СК "подобие предмету" (*крючковатый, шаровидный, газообразный – газсимон, одамсимон*).
- 9) СК "отрицание признака" (*алогичный, ирреальный – кучсиз, сувсиз*).
- 10) СК "степень признака" (*архинелелый, наилучший, – оқиш, кўкроқ*).
- 11) СК "становление признака" (*деревенеть, крепчать – қизармоқ, қуюкламоқ*).
- 12) СК "наделение признаком" (*грязнить, осиротить – янгиламоқ, яхишламоқ*).

Как видно из приведенных примеров, СК русского и узбекского языков противопоставлены менее контрастно, чем морфологические системы данных языков по ряду признаков.

В целом ряде случаев СК русского языка выражаются большим числом формантов, чем СК узбекского языка, причем иногда наблюдается алломорфия. Отдельные СК узбекского языка выражаются совершенно единообразно ("отвлеченный непроецессуальный признак", "принадлежность живому существу"). В других случаях наблюдается разнообразное выражение СК несколькими постфиксальными аффиксами, только в исключительных случаях (в заимствованиях) используются приставки.

На словообразовательном уровне нейтрализуется противопоставление между русским и узбекским языками по наличию/отсутствию категории одушевленности: СК "производитель действия" в русском языке, а также СК "результат действия" не разграничивают одушевленных и неодушевленных существительных (ср. *резчик- разметчик, слепок - выкормыш*).

Реализуются не грамматические признаки одушевленных-неодушевленных в русском языке (которые могут и не совпадать с понятием живой/неживой) а собственно семантические в изоморфной СК "принадлежность живому существу".

Если словообразование имен в русском и узбекском языке резко контрастирует по обилию морфологических преобразований в русском

языке (ср. *зубрить-зубрежка, разогнать-разгон, колоть-колун, удалой-удаль*), то глагольное словообразование русского и узбекского языков на некоторых участках менее контрастно. Так, продуктивным формантом образования глаголов становления является суффикс *-е* (*темнеть, бледнеть, славеть, зеленеть, умиеть, глупеть*). Образования с алломорфом *-а*- немногочисленны (*крепчать, мельчать*).

Техника присоединения глагольных суффиксов к основам приближена к агглютинативной; *темн-е-ть, бел-е-ть, черн-е-ть, грязн-и-ть, бел-и-ть*. Глагольные суффиксы легче выделяются, чем большинство именных суффиксов. Однако о полной агглютинативности таких суффиксов говорить нельзя, так как они выражают не только деривационное, но и видовое значение.

В русском языке к периферии СК становления относятся глаголы *сохнуть, киснуть, мокнуть, крейнуть, чахнуть* и под. Семантика этих глаголов ориентирована на передачу медленных постепенных изменений признака вне идеи становления: *глохнуть - терять чувство слуха; вянуть - увядать, лишаться свежести*.

В узбекском языке СК становления организуются более однородными в семантическом плане рядами производных глаголов, среди которых не выделяется ядерный тип. Глаголы становления в узбекском языке представлены рядом СТ: П+ар (Р) (*кизил—«красный», кизармоқ - «краснеть», эски - «старый», эскирмоқ, - «стареть, ветшать»*), П+ай(й) (*сарик - «желтый», саргаймоқ - «желтеть», кенг — «широкий», кенгаймоқ — «расширяться»*).

Используются также суффиксы *-лаш-, -лан-, -и-*, так что наблюдается и разнообразие аффиксальных средств выражения, и алломорфия, и преобразование основ (например, *кизармоқ*).

Вследствие отсутствия в узбекском языке грамматической категории рода отсутствует и СК женскости (ср. в русском языке: *киргизка, учительница, ученица, супруга, принцесса, машинка* и под.). С другой стороны, идиоматичной для русских является СК узбекского языка, не находящая корреляции в русском: *ёзмоқлик - «возможность писать», келмоқлик — «возможность прихода»*.

Очень специфичной является категория "субъективная оценка" в русском языке, объединяющая три части речи (существительные, прилагательные и наречия) и организованная по принципу градуальной шкалы: *сталик, домиқ, домище, кусина, ключик, собачица, собачка, собачонка, собачоночка, тоненький, тонюсенький, толстущий, злющий, тихонько, тихонечко, предобрый*. В то же время А.Н.Кононов указывает на тюркские аффиксы *-п-, -g -/к-/ , -g-п-/ -к-п-, -л-, лаg-лак-, с/ -š-,z,* которые, совпадая материально, постоянно перекрещиваются по содержанию, обозначая в одних случаях уменьшительность-ласкательность и наряду с этим вежливость-почтительность, а в других -

собираемость-множественность и наряду с этим также вежливость-почтительность. (Для узбекского языка это иллюстрируется диалектным материалом). Отмечается также, что аффикс -лар-, "имея своей основной функцией выражение членимой множественности, служит в тюркских языках и для передачи почтительности ... *Рустам акамлар гаширмадиларми?* /Айбек/ *"Мой старший братец разве еще не говорили?"*/см. Коянов 60, 79/.

Интересно, что в перевод приведенного предложения с узбекского включено русское уменьшительное "братец", выступающее в подобном значении как устарелое (Обычным является ироническое: *Ну и братец у меня!*). Значит семантически данный способ выражения почтительности пересекается с СК субъективной оценки, но только на одном участке. (Устаревшим или просторечным для русского языка является обращение типа *Молодцы!* к одному лицу).

Кроме того, в узбекском языке распространены образования от имен собственных типа *Каримахон, Салимахон*, которые преобладанием оттенка почтительности, уважительности существенно отличаются от русских образований *Женечка, Витюша* и под., так как русские *деминутивы* от имен собственных, наряду с экспрессией ласки обычно содержат оттенок фамильярной близости.

Многочисленные СК глаголов в русском языке связаны семантически прежде всего с категорией вида, а также залога, а формально - с приставочным, префиксально-суффиксальным и постфиксальным способами выражения (например, *приехать, влететь, развести, бежаться, биться, обанкротиться*). Поэтому они не находят соответствия в узбекском языке.

В то же время все не выраженные на словообразовательном уровне значения выражаются лексическими или синтаксическими средствами.

Например, "узбекский язык передает начало действия при помощи аналитических бивербальных конструкций, основной из которых является сочетание "деепричастие на /и/б или -а/й+бошла". В этой конструкции бошла/- это самостоятельная лексическая единица со значением "начать". Такое значение А.А.Юлдашевым определяется как обозначение исчерпанности начального этапа действия, выраженного первым его компонентом /Жожаева 1991, 122/.

В русском языке так же не все комбинации значений могут быть выражены словообразовательными средствами в синтетической словоформе. Деривационный аналитизм - историческая закономерность в развитии номинативной системы. Полностью отвечая тенденции к специализации, деривационный аналитизм вместе с тем является обязательным и естественным компонентом системности языка /Никитевич 1985, 49-53/.

Примерами, иллюстрирующими аналитическую деривацию, могут служить следующие: *становиться темно-бурым, работать каменщиком, быть музыкантом* и под.

Э.М.Ахунзянов, сопоставляя суффиксальный способ словообразования в русском и тюркских языках, пишет: "Наличие в татарском языке словообразовательных аффиксов, выполняющих функцию русских суффиксов, создает некоторую общность в словообразовательной структуре обоих языков. Однако сопоставительный анализ показывает, что между русскими суффиксами и словообразовательными аффиксами татарского языка есть существенная количественная и качественная разница /Ахунзянов 1987, 48/.

В русском языке выделяется более 160 суффиксов только имен существительных. А.Н. Кононов в грамматике узбекского языка установил 44 аффикса, образующих существительные /Кононов 1960, 105-160/. На наш взгляд, их целесообразно называть постфиксами.

"Обилие и разнообразие суффиксов в системе русского словообразования является одной из отличительных контрастных особенностей русского языка, свидетельствующей о богатстве его словарного состава" /Ахунзянов 1987, 49/. Дело, однако, не в богатстве словарного состава, так как в языке любого типа необходимая номинация осуществляется тем или иным способом, а в самой организации лексики и грамматики.

Э.М.Ахунзянов указывает на большую специализированность и дифференцированность русских аффиксов, на их позиционное распределение как в семантическом, так и в формальном плане. "Различие в способах аффиксации является одним из существенных контрастных различий в системе словообразования в русском и татарском языках" /Ахунзянов 1987, 51/.

Это положение можно распространить и на узбекский язык, однако еще более существенно, на наш взгляд, общее определение статуса посткорневой словообразующей морфемы тюркских языков. Суффикс во флективных языках, в частности, в русском, является двусторонне связанной морфемой, занимая позицию между корнем и флексией или другим суффиксом (исключение составляют наречия). Эта позиция «обязывает» суффиксы сопрягаться с системой флексий и участвовать в выражении грамматических категорий. Поэтому суффиксы имен и глаголов имеют разное строение: именные суффиксы либо состоят из согласного, либо имеют исход на гласный (-к(а), -ни-, -оват-, -ск-, -тель-). Глагольные суффиксы либо состоят из гласного, либо имеют исход на гласный (-е-, -а-, -нича-, -ствова-, -ну-), естественно, по отношению к основе инфинитива. Суффиксы разных частей речи - разные совокупности, т.е. выделяются суффиксы существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

В узбекском языке такой строго позиционной закреплённости аффиксов нет, хотя в косвенных падежах словообразующие аффиксы предшествуют показателям падежа либо показателям притяжательности.

В плане вокалическо-консонантной организации словообразующие аффиксы (постфиксы) узбекского языка четко не ориентированы на имена или глаголы.

Возможно, нецелесообразно переносить термин "суффикс", ориентированный на индоевропейские языки, на тюркские языки и следует применять составной термин "словообразующий аффикс" либо термин «постфикс».

Следует также упомянуть о том, что один и тот же аффикс может употребляться в разных частях речи с разным значением. Это особенно свойственно аффиксу -лик, который, кроме выражения имен качества, может образовывать существительные разной семантики: *доцентлик* - положение доцента, доцентура; *докторлик* - профессия акушерки; занятие или профессия повивальной бабки; *дудуклик* - заикание, косноязычие; *заргарлик* - профессия или ремесло ювелира; *таткилотчилик* — исследовательские работы.

В индоевропейских языках, в том числе и в русском, сама флексия может выполнять словообразующую функцию, например: *супруг-супруга*, *кум - кума*, *маркиз- маркиза*, *носить- ноша*.

Это явление терминологически описывается по-разному: как безаффиксальное словообразование, бессуффиксный способ, нулевая суффиксация. В последнее время в вузовских грамматиках утвердился последний термин, но в школьном преподавании этот термин не утвердился и там бытует термин "бессуффиксный способ".

Нулевым суффиксом, как и нулевой флексией, называется значимое отсутствие звука, выявляемое в однородных парадигмах, например, *синий - синева*, *смышка*, *син'ОЮ*.

Способ нулевой суффиксации широко используется при образовании имен, например: *взлетать - взлет*, *уходить - уход*, *сухой - суша*, *удалой - удаль*, *бить - бой*, *пускать - пуск*. У существительных он может сочетаться со сложением: *мореход*, *водовоз*, *каменотес*, *сухогруз*, *зверолов*, *книголюб*, *домосед*, *скалолаз*, *плотогон*, *сороход* и мн.др. У прилагательных этот способ может сочетаться с префиксацией: ср. *бездомный - безголовый*, *безбилетный - безрукый*, *безоговорочный - безглазый*.

В узбекском языке в силу четкого, строгого морфемного строения и закрепления за определенными аффиксами тех или иных значений не может быть ни нулевых грамматических, ни нулевых словообразовательных показателей.

Большой проблемой в плане определения производности в русском словообразовании были слова типа *калина*, *малина*, *смородина*, *пастух*, *ячмень*, *мухор*, *буженина*, *брусника*, *птица*, *эгоист*, *белесый*, *радуга*.

урносый, почтаит, стекларус. В этих словах либо выделяются ряды по аффиксоподобному отрезку (*калина, малина, смородина, брусника*) держат так называемый "ягодный" суффикс, на самом же деле это один из показателей СК "вещественность"), но отсутствует производящее слово, ибо производящее слово имеется, но формант представляет собой уникальное образование с неясным значением (*ячмень, почтаит, стекларус, курносый*).

По поводу производности этих слов состоялась дискуссия между двумя крупными лингвистами Г.О.Винокуром и А.И.Смирницким (см. об этом: Реформатский 1987. 62-65).

Аналогичная проблема существует и в других языках индоевропейского типа и касается узких непродуктивных классов типа "годных".

С точки зрения А.И.Смирницкого, важна повторяемость аффикса как служебной морфемы, а наличие производящего не так существенно. Более поздние исследователи обратили внимание на то, что в совокупности эти типы как бы дополняют друг друга и вместе дают членимость слов типа *т-чик, стекл'-анн-ый, баян-ист*, т.е. слов, имеющих производящее и добавляющих регулярный аффикс с четким СЗ. Таким образом, было продвинуто понятие, более широкое, чем производность - членимость слов.

Обычные производные составляют первую степень членимости, а все остальные распределяются по степеням членимости. Выделяют от трех до пятнадцати степеней членимости, в зависимости от осознаваемости аффиксных отрезков (например, весьма низкую оценку получает членимоег таких слов, как *ячмень, воробей, соловей*). Однако в принципе степеней членимости три:

1) членимость обычных производных слов; 2) членимость слов с уникальным аффиксом, но вполне ясным значением; 3) членимоег слов с уникальным аффиксом, т.е. связанным и уникальным значением.

Распределение многих слов первой степени членимости по СК часто бывает затруднительным, например, для слова *почтаит* "главное почтовое учреждение города" вообще не находится соответствующей категории.

В узбекском языке не существует проблемы соотношения производности и членимости слова, все производные, как правило, являются четко членимыми и распределяемыми по СК. В узбекском языке благодаря самостоятельности корня не существует также проблемы связанных корней, которых в русском языке немало, например: *об-у-т, из-у-ть, эго-ист, эго-изм, при-н'-ать, от-н'-ать, изол'-атор, изол'-ация*.

Особенностью русского языка является гнездовой способ организации лексики, причем большую часть знаменательных слов составляют производные слова. Словообразовательные гнезда могут включать несколько сотен слов, особенно многочисленными являются

отглагольные гнезда (см.СГ *бить, делить, читать, работать* в "Словообразовательном словаре русского языка" А.Н.Тихонова).

Одной из единиц построения гнезда является **словообразовательная цепь**, причем цепь может представлять собой многочисленное образование, например: *бить - бой - боевой- боевик - боевичка, работать - разработать - разрабатывать - разрабатывание*. Сочетание слов в цепи означает сочетание СК в производном слове, например, обычно сочетаются СК "производитель действия" - "женскость" (но только для одушевленных): *учитель- учительница, сборщик- сборщица*, и под., либо СК "производитель действия"- "субъективная оценка" (*писарь - писаршица, счетовод - счетоводишка*). Разумеется, есть и семантические ограничения на такую сочетаемость.

Гнезда русского языка включают как продуктивные, так и непродуктивные явления, многие из них очень идиоматичны, "лексичны". В принципе строение гнезда непредсказуемо и часто регулируется экстралингвистическими факторами, хотя и существуют определенные закономерности строения отыменных, отглагольных и т.д. гнезд.

Словообразовательные гнезда узбекского языка более компактные. Они грамматичны, предсказуемы, хотя многие из них и включают идиоматичные образования, например: *иш*— работа, *ишбай*- сдельщина, *ишибилармон*- знаток своего дела, умелец; *ишибилармонлик* - знание дела, ирон. "знание" дела, *ишибоп* - годный для работы, *ишибоши* - глава, руководитель, *ишибошилик*- руководство, *ишибошкаручи* - управделами.

Применимость понятия "словообразовательная цепь" к узбекскому производному слову нуждается в дополнительном изучении вследствие коллекционного, "сборного" характера как словоформы, так и производного слова.

На наш взгляд, значительные совпадения контенсивной (содержательной) стороны словообразовательных систем разноструктурных языков и резкие, контрастные расхождения между ними в плане выражения, а также несводимость этих отношений к морфологическим или лексическим служит весомым доказательством самостоятельности словообразования как самостоятельного языкового яруса (уровня).

6.4. МОРФОНОЛОГИЯ

МОРФОНОЛОГИЯ - раздел языковедения, изучающий закономерности строения, фонемного состава и варьирования морфем того или иного языка, не выводимые полностью из особенностей его фонологии, а также совокупность явлений морфонологической природы, присущих данному языку.

В современной лингвистике существуют следующие научные направления морфонологического исследования языков:

1. Теория альтернатив И.А.Бодуэна де Куртене и Н.Крушевского;
2. Морфонологическая теория Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона;
3. Теория морфонемики в американской дескриптивной лингвистике (Л.Блумфилд);
4. Теория морфонемики Э.Станкевича;
5. Теория циклического характера морфонологических правил М.Халле и Т.М.Лайтнера;
6. Морфонологические направления русских лингвистов (В.А.Редькин, А.Н.Тихонов, В.Г.Чурганова);
7. Морфонологическая концепция В.Б.Касевича;
8. Теория морфонологического описания языков русских германистов Э.А.Макаева, Е.С.Кубряковой, Ю.Г.Панкрац;
9. Морфонологические концепции в исследовании тюркских и других языков (Н.А.Баскаков и другие);
10. Морфонологическая концепция А.И.Смирницкого и О.С.Ахмановой;
11. Морфонологическая теория американских структуралистов и порождающей лингвистики.

Существование морфонологии как особого уровня языковой системы, отличного от фонологии, определяется тем фактом, что некоторые явления, касающиеся употребления и изменения звуков языка могут быть описаны без обращения к сведениям о морфемном составе слов. Разграничение явлений фонологии и морфонологии было представлено у древнеиндийских грамматистов, позднее, с возникновением сравнительно-исторического языковедения, - в трудах многих индоевропейцев 19 в., а также представителей Казанской лингвистической школы - И.А.Бодуэна де Куртене, Н.В.Крушевского и др.

Создателем морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины по праву считается выдающийся русский лингвист Николай Сергеевич Трубецкой, в чьих работах конца 1920-х - начала 1930-х годов была убедительно обоснована независимость морфонологии, сформулированы ее цели и задачи и предложены описания морфонологических систем полабского и русского языков. Н.С.Трубецкому принадлежит и сам термин «морфонология» (из «морфо-фонология»).

Предложенная Н.С.Трубецким морфонологическая теория включает три аспекта: 1) теорию фонологической структуры морфем; 2) теорию комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теорию звуковых чередований, выполняющих морфонологическую функцию.

Несмотря на многочисленные возражения лингвистов относительно вышеуказанных разделов морфонологии, впоследствии всё то, что отметил Н.С.Трубецкой, осталось в силе. Так об этом пишут Э.А.Макаев и Е.С.Кубрякова: «Заслуга Н.С.Трубецкого и заключается, прежде всего, в том, что из целого комплекса смежных проблем он отобразил лишь наиболее тесно связанные и показал их внутреннее единство. Он правильно подчеркнул, что морфонология является лишь частью фонологии слова... нет никаких оснований отказываться от этого главного тезиса морфонологии и впредь» /Макаев, Кубрякова 1969, 95/.

Действительно, морфонологическая теория Н.С.Трубецкого часто используется при изучении различных языков, о чем свидетельствует опыт изучения и морфонологии узбекского языка /Абдуазизов А.А. 2010/.

Следует отметить, что по своим основным положениям морфонологические теории Н.С.Трубецкого и Л.Блумфилда достаточно близки, т.к. вышеуказанные разделы морфонологии встречаются в работах Л.Блумфилда /Блумфилд 1968, 170/. В многочисленных исследованиях американских и некоторых европейских лингвистов часто используется морфонологическая теория Л.Блумфилда. Однако морфонологическая теория, предложенная В.Б.Касевич /Касевич 1986/, выходит за рамки прежней морфонологии как промежуточного уровня между фонологией и морфологией и включает даже синтаксическую морфонологию и просодическую морфонологию.

Важный вклад в разработку морфонологической теории и описание морфонологии конкретных языков внесли друг и коллега Н.С.Трубецкого Р.О.Якобсон, а также С.Б.Бернштейн, Т.В.Бульгина, Н.А.Еськова, А.А.Зализняк, В.Б.Касевич, А.К.Поливанова, С.М.Толстая, В.Г.Чурганова, Р.Лясковский, Б.Крея, А.В.Исаченко, В.Дресслер, Х.Андерсен, Д.С.Ворт, Б.Дарден, Т.М.Лайтнер, Э.Станкевич, М.Халле, И.-Ш.Морен, В.Вурцель и др. Наиболее плодотворным в этом отношении стал период 1960-х – первой половины 1970-х годов. Представляется уместным даже говорить о пришедшем на эти годы «морфонологическом буме».

Отличительной чертой морфонологии как науки, обусловленной, с одной стороны, ее относительной «молодостью», а с другой – неизбежной зависимостью трактовки морфонологических явлений представителями различных лингвистических школ от принятых в этих школах концепций морфологии и фонологии, является почти полное отсутствие общепринятых теоретических положений и разногласия даже по таким ключевым вопросам, как предмет морфонологии, ее границы, наличие у

морфологии собственных единиц описания и их природа, существование особого морфологического уровня представления словоформ.

К ведению морфологии несомненно относится, во-первых, изучение структуры морфем различных классов, а во-вторых, описание системы морфологических чередований, имеющихся в языке.

Основной задачей морфологии должно быть признано описание систем морфологических чередований. Точное установление круга явлений, соответствующих в том или ином языке понятию «морфологическое чередование», представляет собой далеко не тривиальную задачу и во многом зависит от принятого способа описания: один и тот же феномен может трактоваться как морфологическое или как фонологическое (автоматическое) чередование, как чередование или как синонимия морфем и т.д.

Описание системы морфологических чередований может строиться на различных основаниях, однако исследовательская практика показывает, что наиболее плодотворным из всех имеющихся следует признать «динамический» (или «синтезирующий») подход, разработанный Д.С.Вортом, Т.В.Булыгиной и В.Г.Чургановой. Важнейшие принципы «динамического» описания могут быть сформулированы следующим образом.

1) Каждая морфема за исключением супплетивных (типа кот – кош(ка)) и вариантных (типа галош(а) ~ калош(а)) имеет ровно одно основное (исходное) морфологическое представление, которое строится путем «снятия» наблюдаемых в данной морфеме чередований.

2) Единицей морфологического описания является морфема (термин предложил ученик И.А.Бодуэна де Куртэне Г.Улашин), понимаемая как единица морфологического, или глубинного уровня представления словоформ, принципиально отличного от фонологическо-фонетического, или поверхностного уровня, основной единицей которого является фонема.

3) Все морфологические правила чередований действуют раньше всех фонологическо-фонетических; смешение двух этих групп правил недопустимо.

В 1970–1980-е годы широкое распространение получила выдвинутая В.Г.Чургановой и И.А.Мельчуком идея описания морфологии не в терминах морфем, а в терминах субморфем – цепочек морфем, формально совпадающих с морфемами, но не обязательно несущих значение (ср. субморф *-ен* в *лар-ен*, где он является суффиксом, и в *челен*, где он входит в корень). Обоснованием такого решения служит, во-первых, то обстоятельство, что морфология имеет дело с означаемыми морфем, но не с их означаемыми, а во-вторых, возможность формулировать правила чередований в более простом и общем виде (например, переход и

в ч в слове *ларчик*, *чепчик* может быть описан как свойство субморфа *-еи*, но не суффикса *-еи*).

Морфонологическая структура русского слова имеет свои специфические особенности, связанные со словообразовательными и словоизменительными сторонами и с флективным строением языка. Наблюдения показывают, что морфонологическая структура русского слова резко отличается от таковой в польском, чешском, хорватском и других славянских языках, которые считаются самыми богатыми по наличию морфонологических альтернатив среди индоевропейских языков.

Морфонологические альтернативы обычно возникают при прибавлении аффиксов или в связи с изменениями гласного или согласного в корне слова. Ареной возникновения морфонологических альтернатив в русском слове является либо корень, либо аффикс, либо граница между ними, следовательно, корневая или аффиксальная морфемы, или их граница, морфемные швы.

Правила морфонологических чередований во многих случаях оказываются близки правилам фонетических изменений, имевших место в истории языка и впоследствии утративших фонологическую обусловленность (так, чередования $k \sim ч$, $z \sim ж$, $x \sim ш$ наблюдаются в русском языке в основном перед передними гласными; исторически именно в этой позиции и происходил переход заднеязычных в шипящие).

Круг задач морфонологии не ограничивается созданием общей морфонологической теории и построением полных морфонологических описаний отдельных языков; не менее важной представляется разработка таких направлений, как морфонологическая типология и диахроническая морфонология, в настоящее время делающих лишь первые шаги.

ГЛАВА VII. История лингвистических учений

Начало языкознания как отдельной науки, отдельной от других отраслей знания по объекту исследования, целям и задачам, методам исследования и терминологическому аппарату, датируется началом XIX в. и связано с зарождением сравнительно-исторического языкознания. Однако конкретные исследования разных этнических языков и ЯЗЫКА, попытки выявления универсальных свойств языка и создания искусственных языков, стремление проникнуть в механизмы языка и речи, в сущность природы именования и т.д. осуществлялись фактически на протяжении всей письменной истории человечества и реализовывались в разных школах, которые вполне правомерно назвать лингвистическими. По справедливому замечанию В.А.Звегинцева, "сравнительно-историческое языкознание не есть результат единой линии развития; его истоки образуют три научные традиции: древнеиндийская, классическая и арабская, каждая из которых внесла соответствующий вклад в развитие науки о языке" /Звегинцев 1960, 5/.

Своему формированию как особой науки языкознание обязано филологии (от греч. *filos* - "люблю" и *logos* - "слово"), в недрах которой оно возникло. Сама же филология зародилась одновременно на Западе и на Востоке с целью изучения языка, стиля и других особенностей памятников письменности. Языкознание классического периода характеризовалось логико-философским осмыслением фактов языка. То, что на развитие языкознания большое внимание оказала филология древней Индии и древней Греции, еще раз подтверждает тезис об одновременности возникновения филологии на Западе и Востоке.

В развитии языкознания обычно выделяют четыре периода:

- 1) языкознание классической древности; 10
- 2) языкознание средних веков и эпохи Возрождения; 2
- 3) языкознание XVI I-XVIII вв.; 16
- 4) языкознание XIX-XX вв. и начала XXI века 10

Более детально периодизация мирового языкознания может быть представлена следующим образом:

1. Языкознание древней Индии (возникновение его предположительно датируется 1500 лет до н.э.).
2. Античное языкознание - V в. до н.э. - IV в. н.э. (последние работы римских авторов были написаны в VI в. н.э. в Константинополе).
3. Языкознание средневековой Европы - 476 г. (от разрушения Рима) - 1492 г. (до открытия Колумбом Америки).
4. Арабское (восточное) языкознание - VII - XVIII вв.
5. Языкознание эпохи Возрождения - XV-XVIII вв.

6. Сравнительно-историческое языкознание - начало XIX в.; представляет собой активно развивающееся направление лингвистики и в наши дни. Ответвлением его можно считать младограмматизм, который активно развивался в 70-х - 90-х гг. XIX в.

7. Лингвистика XIX-XX вв., которая характеризуется появлением множества оригинальных школ: лингвистика Ф. де Соссюра, структурализм, Московская формальная школа, Казанская лингвистическая школа и т.д.

Определение языкознания до XIX в. как донаучного по существу неверно. Уже в древней Индии была создана оригинальная и теоретически высокоразвитая лингвистическая школа, т.к. в VI в. до н.э. древнейшие священные книги стали трудно восприниматься из-за грамматических и стилистических сложностей.

7.1. Языкознание древней Индии

Точной датировки возникновения древнеиндийского языкознания нет, хотя бы с точностью до века, однако все исследователи этого направления указывают, что уже за 1000 лет до н.э. появляются словари, в которых пояснялись непонятные слова, встретившиеся в Ведах. Веда - это древнеиндийские священные гимны, появление которых датируют 1500 лет до н.э. Они были написаны на классическом языке древнеиндийской письменности - санскрите.

Древнеиндийское языкознание возникло из духовно-практических потребностей древних индийцев, из потребностей сохранить в точности язык Вед (примечательно, что в средние века из тех же потребностей возникло арабское языкознание).

"Именно стремление к сохранению точности воспроизведения священных гимнов и вызвало появление языкознания у древних индийцев. Санскрит как литературный язык с особыми нормами нуждался в особом изучении. С этой целью начали составляться описательно-нормативные грамматики, которые не только содержали правила произношения, но и указывали, как следует употреблять санскритские слова.

Когда начались грамматические исследования индийцев, сказать трудно, однако уже в самих памятниках ведической письменности (ведангах) трактуются некоторые вопросы языкознания. Одна из веданг касается вопросов фонетики и орфографии, другая посвящена стихосложению, третья (Вьякарана) содержит материала грамматики, четвертая - лексики. Фонетика, грамматика и лексика, следовательно, подвергались тщательному изучению" /Коидрашов 1979/.

Грамматика Панини отличается своеобразием строения и членения лингвистического материала. "Его сочинение состоит из 3996 стихотворных правил (сутр), хотя и разделенных на главы, но лишенных той систематичности, которая наличествует в европейских грамматических

руководствах. Отдельные главы излагают разные явления языка в том виде, в каком они выступают в разных формах речи, почему явления морфологии, фонетики и синтаксиса свободно чередуются друг с другом" /Звегинцев 1960, 6/.

На наш взгляд, это первая (эмпирическая) модель описания синтетической грамматики, ориентированной на взаимодействие ярусов.

Судя по имеющейся литературе по данному вопросу, языковая ситуация в Индии уже времен Панини была следующей: литературный язык - санскрит - уже значительно отличался от ведического языка; кроме того, существовали диалектные разновидности, или разговорные языки - пракриты, которые существенно отличались от литературного языка. Значит, описание касалось по крайней мере трех разновидностей одного этнического языка. Правы те языковеды, которые считают, что в древней Индии были использованы элементы сравнительного метода (без историзма).

Высокое развитие фонетики объяснялось тем значением, которое придавалось безукоризненно точному воспроизведению звуковой стороны священных ведических гимнов. Индийские фонетисты, опираясь на физиологический принцип описания, создали не только тонкое и детальное описание артикуляции отдельных звуков, но и выработали основные принципы их классификации. "Задолго до греков древнеиндийские фонетисты различали гласные и согласные звуки, смычные и фрикативные согласные, полугласные звуки, долготу и краткость звуков, слоги, слияние звуков (сандхи), уделяли большое внимание взаимовлиянию звуков при произношении в потоке речи. При описании артикуляции они различали и место артикуляции и артикулирующий орган, ... в качестве артикулирующих органов выделялись корень языка, его средняя часть и кончик языка" /Кондрашов 1979, 9/.

Любопытно, что по степени разработанности отдельных языковых ярусов древнеиндийская школа коррелирует с компаративистикой: это преимущественное внимание к фонетике и морфологии (в широком смысле) и недостаточное внимание к синтаксису. В теоретическом плане очень важно, что "древнеиндийские фонетисты приблизились к понятию фонемы, обозначая термином "sphota" звук, функционирующий в качестве знака, и отличая его от звука речи, что соответствует современному различию фонемы и звука" /Кондрашов 1979, 9/. Они фактически выработали понятия нулевой морфемы и внутренней флексии. Ими разработана теория ударения; заложены основы современной морфемки и морфонологии (в некоторых современных концепциях морфонологии употребляются древнеиндийские термины, например, внутреннее и внешнее сандхи).

Чрезвычайно существенно, что основной единицей языка признавалось не слово, а предложение; реальное, функционирующее слово

существует только в составе предложения. Это вполне согласуется с концепциями XIX -XX вв. (Московская формальная школа, теория динамического синтаксиса Л.Тенъера).

Древними индийцами были заложены и основы словообразования: деление корней на первичные и производные, а также выделение среди глагольных суффиксов каузативных, многократных, деноминативных и дезиративных. "Сведения по древнеиндийскому словообразованию содержатся с большей или меньшей степенью полноты в многочисленных санскритских грамматиках и монографиях по санскриту. В древнеиндийском языкознании интересны "Нирукты - труды, посвященные вопросам этимологии (nirukta - букв. "название имени (бога)", и "Ниханту"- составленные по определенным принципам ряды ведийских слов (nighantu - букв. "называние, связывание"). Элементы словообразовательного подхода содержат древнеиндийские описательные грамматики" /Кочергина 1990,6/.

Автором наиболее раннего и сохранившегося труда "Нирукта" является Яска (V в.до н.э.). Это одна из первых известных науке систематизация лексики по семантико-этимологическому принципу.

Здесь уместно упомянуть о том, что сам санскрит (открытый В.Джонсом в конце XVIII в., хотя сведения о нем имелись у европейцев с XVI в.) сыграл огромную роль в становлении не только сравнительного языкознания, но и теоретического языкознания вообще. "Изучение санскрита за пределами Индии вступило в третье столетие. Оно до сих пор продолжает оставаться лабораторией компаративистики, т.к. закладывает основы для овладения методикой сравнительно-исторических исследований. Сравнительно-историческое изучение индийских языков дополняется в современном языкознании их типологическим изучением ...Начиная с классического труда Ф.Боппа, языковеды-компаративисты не могут рассматривать вопросы системно-структурного строения индоевропейских языков ...без учета фактов, предоставляемых древнеиндийскими языками.

В настоящее время роль привлечения данных санскрита особенно очевидна в исследованиях по фонологии и морфологии древних индоевропейских языков, в работах по этимологии и семантике отдельных языков индоевропейской семьи" /Кочергина 1990,3-6/.

Больших успехов достигли древние индийцы в членении словоформ: выделяется основа и окончание, слово членится на корневую и формальную (форматную) части. Они различали четыре части речи: имя, глагол, предлог, частица - выделяли семь падежей, которые п| нумеровались (первый, второй и т.д.), но по сути это именительный, орудийный, дательный, отложительный, родительный местный падежи.

Древние индийцы занимались и выявлением различий диалектов, правда, без теоретических выводов. Несмотря на то, что древнеиндийские грамматики носили практический, описательный и эмпирический характер, в них по сути заложены основы многих направлений современного языкознания. "Высота, которой достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев" /Томпсен 1938, 10/.

Очень важен тот факт, что индийцы дали не только образцы описаний языка, но и заложили основы методики исследований: обобщение и разложение, выявление сходств и различий, элементы формализации. Так, формула $a\acute{o}heh$ у Панини означает: "В плюративе после a личное окончание 2л.ед.ч. отпадает".

7.2. Античное языкознание

Языковедение, как и другие отрасли знания, в древней Греции и Риме были частью философии. "Если самой характерной чертой древнеиндийского языкознания был эмпирический подход к изучению явлений языка, то в древней Греции проблемы языка рассматривались в первую очередь в философском аспекте, в соответствии с чем вопросы языкознания первоначально входили в общий комплекс философских вопросов" /Звегинцев 1960, 9/. Итак, первый период древнегреческого языкознания – философский; второй, связанный с александрийской школой, обычно именуется "грамматическим".

Главная проблема, которой занимались древнегреческие философы по отношению к языку, – это проблема именования, т.е. соотношения между словами, вещами и их именами (о "природном" или условном характере имен). Спор сторонников именования "по природе" вещей (фюзей) или по условному соглашению (тезей) восходит к взглядам Гераклита и Демокрита. "Гераклит Эфесский (540-480 гг. до н.э.) считал, что каждое имя связано с той вещью, названием которой оно служит, что в именах раскрывается сущность вещей, что имя – отражение обозначаемой вещи, подобно теням предметов, отражению деревьев в реке, нашему собственному отражению в зеркале. Демокрит из Абдеры (460-370 гг. до н.э.), в противоположность Гераклиту, учил, что вещи обозначаются не подобно природе самих вещей, а согласно обычаю, по установлению людей" /Кондрашов 1979, 11-12/.

В доказательство этому Демокрит приводил следующие доводы: 1) многие слова имеют по нескольку значений, т.е. обозначают разные вещи; 2) многие вещи имеют по нескольку названий; 3) с течением времени одно название вещи может заменяться другим; 4) многие понятия не имеют словесных обозначений. Интересно, что, обобщая важнейшие свойства языка, служащие источниками языкового развития (несовпадение

понятия и значения, возможность переименования, многозначность, синонимия), Демокрит делает вывод о несовершенстве языка, что и обосновывает условную природу именованя.

Рассматриваемая проблема отражена в знаменитом диалоге Платона (428-348 гг. до н.э.) "Кратил". Участниками диалога являются Кратил и Гермоген, а в качестве арбитра выступает Сократ. Кратил является сторонником "правильного имени, врожденного от природы", Гермоген - сторонником условного именованя. Платон, в лице Сократа, пытается решить этот вопрос диалектически: вначале между звуками и обозначаемыми вещами существовала внутренняя связь (символика звуков), но от этих первоначальных слов было образовано множество новых, так что эта связь была утрачена. Связь слова с предметом закрепляется общественной традицией.

Сторонниками природного наименования были представители философской школы стоиков, главой которой был Христипп (280-206 гг. до н.э.). По их мнению, слова "изначально истинны", отражают истинную сущность обозначаемых вещей, поэтому, исследуя слова, можно вскрыть их истинную природу - этимологию ("истина"). Этот подход привел к созданию особой науки - этимологии. Однако следует указать, что древние греки, а также римляне, не зная звуковых законов и не сопоставляя родственные языки между собой, давали происхождению слов произвольное толкование и на многие века дискредитировали этимологию.

Из языковых друсов древние греки исследовали главным образом грамматику (преимущественно морфологию) и частично фонетику, однако различия между буквами и звуками не проводили.

Платон, классифицируя слова на логической основе, выделил две категории: имя и глагол. В школе стоиков выделяются уже пять частей речи: глагол, союз-связка, член (артиклъ и местоимение), имя собственное и имя нарицательное.

Совершенно своеобразными оказываются истоки александрийского языкознания. "Грамматисты этой эпохи, находившиеся вдали от Греции и не заставшие славное время ее культурного расцвета, стремились оградить старую греческую литературу и ее язык от посторонних влияний. Разбор языка древних памятников, анализ реалий и критика текста способствовали развитию филологической науки, в недрах которой стала позднее вычлняться уже и собственно грамматика. Александрийские ученые стремились поддерживать нормы общегреческого литературного языка, так называемого койнэ, установили полный текст поэм Гомера, трудились над лексическими и грамматическими комментариями к произведениям Эсхила, Софокла и т.д." /Ковдраинов 1979, 15-16/.

Важную роль в их жизни играла Александрийская библиотека, которая насчитывала около 800 тыс. свитков и просуществовала до 642 г. н.э., т.е. до взятия Александрии арабами.

Из общетеоретических проблем языка александрийцы много занимались проблемами аналогии, в которой они видели причину истемности языка, и аномалии, т.е. исключений из правил. На основе этой теории строились систематические грамматики, например, грамматика ченика главы данной школы Аристарха (215 - 143 гг. до н.э.) и Дионисия Фракийского (170- 90 гг. до н.э.). Наиболее известный греческий грамматист Апполоний Дискол, развивая взгляды Дионисия Фракийского, написал сочинение о синтаксисе греческого языка.

Большое внимание александрийские языковеды уделяли фонетике, причем при классификации звуков они преимущественно опирались на кустический принцип, отождествляя буквы и звуки. Звуки-буквы делились на гласные и согласные, гласные - на долгие, краткие и двухмерные", т.е. способные быть то краткими, то долгими. Слово определялось как "наименьшая часть связной речи", а предложение (речь) - как соединение слов, выражающее законченную мысль.

Аристарх выделил восемь частей речи: имя, глагол, причастие, ритель, местоимение, предлог, наречие, союз. Древние римляне, в чьем языке не было артикля, прибавили к этому списку междометие. Грамматика александрийцев "была перенесена к древним римлянам, грамматикой которых жило в значительной степени языкознание всего позднейшего времени, вплоть до XIX в."/Томпсен 1938, 36/.

Относительно языкознания древних римлян исследователи данного периода согласны в том, что вклад их в языкознание значителен. Наиболее известными учеными были Варрон (1 в.до н.э.) - автор сочинения "О латинской грамматике", Квинтилиан (I в.до н.э.) - автор "Учебника оратории", где трактовались и грамматические вопросы, Донат (IV в.н.э.) - автор обширной и сокращенной грамматики, Присциан (VI в.н.э.) - автор "Грамматического учения", самой подробной грамматики латинского языка. Однако для средневековой Европы роль исследований и учебников римлян огромна: "Грамматики Доната и Присциана стали образцом изложения грамматического строя латинского языка на целых тысячу лет, на весь период средневековья" /Кондрашов 1979,18/.

Совершенно исключительную роль для развития последующего языкознания (как и логики, философии и т.д.) играют труды Аристотеля (384 - 322 гг. до н.э.). В одной из частей своего глобального труда, в "Поэтике", Аристотель выделял во всяком словесном изложении следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение. Несмотря на разноразмерность выделенных единиц, следует признать глубокое проникновение Аристотеля в структуру языка.

Самое прямое отношение к позднейшей классификации частей речи, грамматических категорий и типов предложений имеет учение Аристотеля о категориях. Оно изложено в соответствующем разделе "Категории" логики Аристотеля ("Органон"), а также в других разделах его учения.

Наиболее подробно и творчески это учение проанализировано по отношению к языкознанию Ю.С.Степановым /Степанов 1981,121-134/.
Список категорий следующий:

1. Сущность (субстанция).
2. Количество.
3. Качество.
4. Отношение (соотнесенное).
5. Где (место).
6. Когда (время).
7. Положение.
8. Обладание (состояние).
9. Действие.
10. Претерпевание.

"По Аристотелю, эти категории представляют собой высшие сущности объективного бытия. Однако очень важен и гносеологический подход - как установивлены эти сущности? Исследователи уже давно указывали, что категории Аристотеля тесно связаны с языком...В виде категорий у Аристотеля перечислены, причем в определенном порядке, все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка... Список категорий действительно представляет собой перечень предикатов-сказуемых, но уже извлеченных из предложения-высказывания и, следовательно, уже тем самым абстрагированных и обобщенных" /Степанов 1981.121, 133/.

Подробно рассмотрев и сущность, и именованье категорий в греческом и латинском языках, Ю.С.Степанов приходит к выводу, что "десять категорий Аристотеля - это прежде всего достаточно общий список "частей речи". Правда, античные грамматики (не исключая и самого Аристотеля, когда он выступал как грамматист) выделяли части речи иначе, в меньшем количестве и не столь удачно. Но это обстоятельство имеет теперь уже только исторический интерес. Важно то, что когда части речи индоевропейских языков были - в течение столетий - наконец детально обследованы, то оказалось, что их список почти полностью совпадает со списком категорий Аристотеля". Более того, "десять категорий Аристотеля мы рассматриваем как универсальные предикаты, могущие служить основанием для описания пропозициональных функций или структурных схем предложений конкретных языков и Языка вообще" /Степанов 1981, 134/.

Учение Аристотеля о категориях не только всесторонне изучалось в исторический период, но и подвергалось критике, в частности, со стороны ученого XIX в. Дж.С.Милля, который писал: "Этот перечень соответствует просто тем грубым различиям, которые устанавливает между вещами повседневная речь; в нем нет (или почти нет) попытки проникну

философским анализом в рациональное основание даже и этих различий" /Мишль 1914, 40/.

Несмотря на длительную историю изучения, сущность и роль категорий Аристотеля до конца еще не выявлена, изучение их в свете новых данных семиологии может оказаться весьма плодотворным.

Роль античного языкознания для европейской культуры огромна: во-первых, для средневекового латинский язык был фактически единственным научно исследуемым языком, "воротами учености"; во-вторых, и теория, и терминология последующих грамматических описаний до сих пор ориентирована на античную традицию. Велика роль античных теорий языка и в развитии стилистики, логики, литературоведения.

Методика исследований языка в античный период была неотделима от методики логического анализа; элементы сравнения хотя бы древнегреческого и латинского языков не использовались.

7.3. Из истории восточного и узбекского языкознания

Формирование и развитие узбекского языкознания охватывает три периода:

- 1) древний период;
- 2) средний период;
- 3) новый период (XIX - начало XXI вв.).

Следует отметить, что данная периодизация узбекского языкознания относится также и к тюркскому языкознанию Средней Азии, т.к. почти все лингвисты древнего и среднего периодов писали груды по тюркским языкам на арабском языке, который был священным языком, языком науки и религии. Поскольку во многих учебниках, учебных пособиях и монографиях развитие восточного, в частности, узбекского языкознания недостаточно освещено, мы посвящаем специальный раздел данной проблеме.

В развитии узбекского языкознания большая заслуга принадлежит виднейшим ученым - Фараби, Беруни, Авиценне, Замахшарий, Махмуду Кашгарскому, Алишеру Навои и др.

Абу Наср Фарабий (873-930 гг.) в своей работе "О классификации наук" выделил две части языкознания: первая часть посвящена словам, которые до сих пор считаются основными единицами языка, и их значениям; вторая часть посвящена закономерностям сочетания этих слов. Фарабий дал классификацию имен собственных и имен нарицательных, категорий имен существительных и глаголов.

Для Фарабий языкознание как наука состоит из шести разделов: 1) простое слово; 2) словосочетание; 3) правила о простых словах; 4) правила о словосочетаниях; 5) правила о написании и о правильном произношении; 6) правила по стихосложению. Приведенные правила основываются на

фонетических, морфологических, лексических, стилистических и синтаксических закономерностей языка, которые подробно обоснованы Фарабией. Его лингвистические взгляды весьма близки к идеям арабских и греческих грамматистов. Фарабий, будучи великим философом, устанавливал связи между грамматикой и логикой, рассматривал некоторые вопросы языкознания на основе категорий диалектики.

Другой великий энциклопедист-философ Востока Абу Райхан Беруний (973- 1048 гг.) написал многие выдающиеся труды. Его энциклопедический словарь "Сайдана" наряду с геологией, минералогией, растениеводством и другими науками содержит их названия во многих языках, терминологию фармацевтики и медицины. Фарабий высоко оценивает арабский язык и его письменность, замечая некоторые недостатки в последней.

Его словарь состоит из 29 глав и 1116 статей. В нем даются толкования 4500 фармацевтических терминов из греческого, персидского, арабского, тюркского и других языков. Конечно, при передаче некоторых слов с одного языка на другой возникали трудности, обусловленные различиями в алфавите. Так, например, при передаче индийских слов на арабский, чтобы предотвратить трудности, Беруний добавил четыре буквы, которые он заимствовал из персидского языка.

Лингвистические взгляды Беруний отразились в его идеях о различиях в алфавитах разных языков, о грамматических и морфологических, этимологических и лексических особенностях языков, а также о принципах составления словарей (лексикография).

Великий энциклопедист, врач Авиценна (Абу Али Ибн Сино) писал также труды по лингвистике. Его знаменитый фонетический трактат, написанный в 1024г. в Тегеране на арабском языке, "Асбаби худут ал хуруф" содержит подробную классификацию гласных и согласных звуков, детальное описание органов речи. Как врач, отлично знающий анатомию и физиологию механизмов речи, Авиценна указывал следующие места образования согласных арабского языка:

- 1) глоттальные - h
- 2) фарингальные - h
- 3) увулярные - q
- 4) велярные - g, ʔ, k
- 5) палатальные - ǧ, s, j
- 6) препалатальные - d, t, ʔ, d, p
- 7) альвеолярные - r, l, z
- 8) дентальные ʃ, d, s, ʒ, z
- 9) лабиальные - b, w, m, f

Авиценна указывал также способы артикуляции звуков. Ему принадлежит установление принципа фонологической корреляции. Он отмечал, что согласный *dāl* так относится к *tā*, как *zāj* к *sin* /Ахиледиани

1966/), что означает в современной интерпретации t-d, s-z и т.д. (парные по глухости-звонкости образуют корреляцию).

В работе Авиценны, а также в других сочинениях арабских и персидских языковедов встречаются различные объяснения артикуляционной, акустической, перцептивной и функциональной характеристик звуков речи. Так, в частности, место образования согласных с восемью, девяти доходит до шестнадцати. Низкий и высокий тон звуков был отмечен в работах Фараби и Авиценны. Гласным звукам отводится меньше внимания, т.к. в арабском языке гласные по своей артикуляции подчинены согласным. В арабском языке отмечаются три гласные а, и, u с их краткими и долгими вариантами. Интересно, что эти гласные отражают традиционный треугольник, в котором а, ʾ представляют широкий гласный полного образования, u, ʾ - огубленный, и, ʾ - высокого подъема.

Первая грамматика арабского языка была написана Сибавайхи (Амир ибн Усман ибн Камбар Сибавайхи, умер в 794 г.). В своем трактате "Al-Kitab" Сибавайхи изложил научное толкование многих вопросов фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса арабского языка. В этой научной грамматике арабского языка Сибавайхи использовал идеи своих предшественников и современников. Так, например, он пользовался положениями основоположника арабского стихосложения Халиля ибн Ахмада ал Фарахида (или Фархули, умер в 791 г.), который был также крупным лексикографом, автором известного толкового словаря арабского языка «Kitab al-'ayn» ("Книга айна").

Появились также комментарии и критический анализ грамматических трактатов. Такой характер носили работы Ас-Сарафи (умер в 979 г.). Подробный анализ сочинения Аз-Замахшарий (1075-1143 гг.) «Al-Mufassal» содержится в комментариях ибн Яа'иша (умер в 1245 г.), который издавался несколько раз как в Европе, так и на Востоке.

Арабские грамматисты термином nahw обозначали: 1) грамматику со всеми ее разделами и 2) синтаксис.

Сибавайхи ясно определил объект морфологии: 1) части речи; 2) структура корня; 3) имена и их классификация; 4) глаголы и их формы; 5) двухпадежные и трехпадежные имена; 6) образование категорий числа и рода; 7) композиты; 8) различные изменения формы слов и др.

Замахшарий выделяет пять признаков имени: 1) сочетание со сказуемым, 2) артикль al, 3) наличие родительного падежа (garr), 4) нунация, 5) статус конструктус /Zamaḥṣarī 1879,6/. Имена делятся на определенные и неопределенные, собственные и нарицательные (а последние бывают конкретными и абстрактными).

Интересные и даже весьма близкие к современным теориям идеи высказывались восточными лингвистами в отношении лексикологии и лексикографии. Слова делятся ими на общеупотребительные и неупотребительные. Было установлено, что существуют правила

совместимости и несовместимости определенных согласных в одном корне. Трехсогласные корни встречаются в арабском языке чаще, чем четырех- и пятисогласные. Кроме исконно арабских слов, выделялись также заимствованные слова. Что касается значения слов, то одни ученые считали их знаками мысленных образов, а другие устанавливали связь значения слов с внешними предметами /Ахвледиани 1981,89/. С точки зрения восточных лингвистов средневековья, слова могут быть однозначными и многозначными, а также иметь прямое и переносное значение. Они могут иметь синонимы, антонимы, омонимы.

Восточными учеными были составлены толковые и предметные словари, словари синонимов, редких слов, заимствований, а также и переводные двух-, трех- и многоязычные словари. Это свидетельствует о высоком развитии лексикографии того периода. Как по своей структуре, так и по содержанию лучшим словарем считается "Lisan al-arāb" Манзури (умер в 1311 г.), который был составлен по методу рифм и содержал 80 тысяч слов. Другим известным словарем является "Al-Qamus al-muhit", составленный Ферузабади (1326 - 1414 гг.) и переведенный на персидский и турецкий языки.

Анализируя словари своего периода, Замахшарий внес отдельные исправления, снабдил слова определенными пометами. Он выделил слова с основным значением и метафорическим, расположил слова по наличию трех корневых согласных.

В развитии восточной лексикологии и лексикографии большая заслуга принадлежит арабским ученым. Однако не менее важное значение имеют древнеперсидское и среднеазиатское языкознание. Так, например, появление священного текста Авесты и, следовательно, возникновение авестийского письма наряду с другими письменами этого периода, в частности, появлением грузинского, армянского, агванского (албанского) алфавитов и их значительное сходство свидетельствует о разработке определенного метода при составлении алфавитов того времени. Авестийско-пехлевийский словарь «Frahang-i oim- ēvak» как один из лучших памятников содержит толкование слов и оборотов на двух мертвых языках: 1000 авестийских и 2250 пехлевийских слов, а также 833 других арамейских слова. Этот знаменитый словарь, автор и дата составления которого неизвестны, издавался трижды, имеет 6 рукописных вариантов. Последнее издание словаря осуществлено в 1900 - 1901 гг. австрийским ученым Х. Рейхельтом /Reichelt 1900/.

Взгляды восточных языковедов на вопросы синтаксиса весьма близки к современным теориям семантического синтаксиса. Для них предложение - это выражение словесное с законченным смыслом, составленное по установлению /Ахвледиани 1981, 68-69/. Они считали; что предложение состоит по крайней мере из двух слов, двух имен или имени и глагола, между которыми устанавливаются субъектно-предикативные отношения.

о ему составу предложения бывают большими и малыми (последние
ят из двух слов: подлежащего и сказуемого). По структуре
ожения могут быть именными, глагольными и обстоятельственными.
ые члены предложения называются по-разному: подлежащее
ого предложения (mubtada u fi'l). С точки зрения Замахшарий,
жашее именного предложения может быть определенным и
еделенным, сказуемое может быть отдельным словом или
ожением, имя-сказуемое может быть снабжено местоименной
цей и т.д.

ледует отметить, что Замахшарий обычно относится к числу
ких ученых, тогда как он, хотя писал труды на арабском языке,
т в число узбекских языковедов. То же можно сказать и об Авиценне.
ому мы рассматриваем их теории в разделе восточного языкознания.
шарий составил интересный словарь "Мукаддамату-л-адаб", который
гал арабские, персидско-таджикские, тюркские и монгольские слова.
словарь показывает формы аффиксов, грамматические категории
существительных и глаголов, их образование и значения. Анализ
ря показал, что большинство глагольных основ и различные
атические аффиксы, образующие грамматические формы, как
нты тюркских глаголов в основном активно употреблялись в
етюркских текстах. Они частично сохранились и в современном
ком языке /Исломов 1993, 26/.

нтересно отметить, что некоторые лингвистические проблемы, о
ых писал Фарабий, в частности, части речи, частицы, аффиксы,
ия и т.д. были заново исследованы в научных трудах и в его словаре.
ингвистические труды восточных ученых имели большое значение
звития науки.

ликий лингвист-тюрколог Махмуд Кашгарский (Махмуд ибн ал-
in ибн Мухаммед, род.около 1029-1038 гг.) составил свой
нитый "Словарь тюркских языков" ("Дивану-лутат-ат-турк") в 1072-
т.

ловарь Махмуда Кашгарского продолжал традиции арабских и
ких лексикографических изысканий. В словаре были представлены:

лексика с указанием ее племенной принадлежности,

сведения о расселении тюркских племен,

классификация тюркских языков,

) сведения по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору
в,

) сведения по исторической фонетике и грамматике тюркских
в,

) самая старая тюркская картина мира /Кононов 1981, 130-142/.

о признаку чистоты тюркские языки разделены были на чистые и
инные. Каждая из этих групп разделяется также на подгруппы. К

чистым тюркским языкам относились башкирд, булгар, уйгур, кыпчак, огуз и др., которые не смешивались с иранскими языками. К смешанным тюркским языкам относился язык согдийцев и др. Махмуд Кашгарский указал также на особые двуязычные племена, к которым принадлежали тюркско-китайские, тюркско-монгольские билингвы. Махмуд Кашгарский представил свою классификацию тюркских языков по фонетико-морфологическим признакам. Им детально описан ряд фонетических соответствий в различных позициях слов, а также морфонологические варианты аффиксов в тюркских языках. Махмуд Кашгарский впервые определял сингармонизм по наличию корней с заднеязычными (твердыми) и переднеязычными (мягкими) звуками. В его работе указываются способы именного и глагольного словообразования, которые бывают продуктивными и непродуктивными. Им даны также отдельные разъяснения по вопросам формообразования, словоизменения и некоторые семантические и этимологические заметки.

Великий узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель Алишер Навои (1441-1501гг.) много писал о языке, речи, слове. Он является автором трактата "Мухакамат ал-лугатайн" ("Суждение о двух языках", "Тяжба двух языков"), который считается классическим образцом сравнительного языкознания. В своем трактате Алишер Навои убедительно показал художественное совершенство тюркского (вернее чагатайско-узбекского) языка, который не уступал персидскому языку по своим образительным возможностям. Этим Навои старался укрепить социальный статус тюркского языка. Как известно, в тот период существовали негативные мнения некоторых поэтов, считавших невозможным художественное использование тюркского языка в поэтической технике.

В XV веке в Хорасане и в его окрестностях народ говорил на трех языках: по-персидски, по-тюркски и на хинди. Арабский язык использовался в области науки и религии.

Трактат Навои является не только великим образцом сравнительного языкознания, но и одним из первых исследований по социолингвистике, т.к. в нем убедительно доказывается высокий социальный статус тюркского языка, многоязычие в Хорасане, в особенности, тюркско-иранское двуязычие (Насилов 1981, 143-154). В своем труде Навои сопоставляет более ста глаголов в персидско-таджикском и тюркском языках, выделяет их синонимы, антонимы и омонимы, дает их грамматическую характеристику. Благодаря большим заслугам в языкознании своего времени Алишер Навои заслуженно считается основоположником узбекского литературного языка.

Некоторые идеи Навои были развиты его последователями, поэтами и учеными. Так, Захриддин Мухаммад Бабур - великий поэт и государственный деятель - в своем знаменитом труде «Бабурнамэ»

объяснил этимологию ряда слов, прозвищ и псевдонимов, топонимов и антропонимов, названий растений, птиц и зверей и т.д.

Наследие великого узбекского поэта Алишера Навои стало источником исследований многих ученых средневековья. Были составлены тюркско-персидские словари на основе произведений Навои, в частности, Толи Имоний составил "Бадойи ал-лугат", появились словари "Санглох", "Лугати атракийи", "Хулоса-йи Аббоси" (краткий вариант словаря "Санглох"), "Мунтахаб ал-лугат" Мухаммеда Ризо Хансара, староузбекско-тюркский словарь "Абушка". Некоторые из этих словарей были переизданы европейскими учеными. Английский тюрколог-востоковед Клаусон переиздал "Санглох" со своими комментариями /Sanglax 1994, 16/, венгерский ученый-путешественник Г.Вамбери в 1862 году переиздал "Абушка", русский лингвист-узбековед А.К.Боровков переиздал "Бадойиах лугат", В.В.Велиминов-Зернов переиздал "Абушка" в 1869 году. Эти и другие словари средневековья были составлены на основе надежных научных методов, не уступающих современным теориям лексикографии. В названных словарях выделялись основная статья словника, фонетические, орфографические и морфологические особенности лексемы, этимология и семантика слова, словообразовательные и словоизменительные формы и т.д.

В VIII-XV вв. арабская культура и – соответственно - арабский язык - стали проникать в Европу: сначала в Испанию, Италию, а затем в другие страны. Причиной этого служил перевод произведений ученых Востока с арабского на испанский и другие европейские языки. Было создано переводческое общество в г.Толедо, где объединились переводчики из Испании, Германии, Франции, Англии и других стран. С арабского на латинский, а затем на испанский языки были переведены произведения Фараби, Хорезми, Беруни, Фергани, Авиценны, Омара Хаяма и других /Sartori 1992/. Перевод не мыслим без сравнения языков, что и отразилось в языкознании того периода. Восток и Запад стали устанавливать тесные связи в области науки и техники, языковых контактов и образования.

Арабские филологи проявляли большой интерес к тюркскому языку еще со времен раннего средневековья, что объясняется тем большим значением, которое он приобрел в арабских странах. Эти арабо-тюркские лингвистические отношения отразились в словаре "Китаб булгат ал-муштакфи лугат ат-турк ва-л-кифджак" ("Книга, достаточная для желающих (изучить) язык тюрков и кипчаков"), уникальная рукопись которого хранится в Парижской национальной библиотеке /Зайончковский 1961, 36-44/.

Следует особо отметить, что многие выдающиеся произведения узбекских ученых были написаны во время правления Амира Темура, когда его империя была известна во всем мире, а ее наука и культура бурно развивались.

В XVI-XVIII веках в некоторых работах ученых Кокандского и Хивинского ханств отразились языковедческие идеи. Так, хивинский хан Абулгосий Баходирхан (1603-1664) в своих книгах "Шажараи тарокима" ("Об истории туркмен") и "Шажараи турк" ("Об истории тюрков") объяснили этимологию некоторых тюркских слов.

Глубоко изучая произведения Абулгосий Баходирхана и других ученых, татарский историк Хасан Ато Абуший в 1909 году в г.Уфа, опубликовал свою книгу "История тюркского родства", которая содержит подробный анализ всех тюркских народов и их языков. Эта книга, написанная на татарском языке, включает краткое изложение истории тюркского народа, его языка, культуры, этнографии, обычаев и обрядов, географии и основ хозяйства.

Как показал Абуший, к тюркам причисляются не только те народы, которых мы знаем. Связи с тюрками имеют также аварцы и скиты, коряки, финно-угорцы, китайцы, корейцы, японцы и другие /Абуший 1993,20-63/. Это противоречит современной генеалогической классификации языков мира. Если средством обнаружения материального родства языков является анализ языковых форм в их отношении к значению, а также значений в их отношении к форме, то соответствующие единицы языков будут определяться через план содержания/Амирова 1975, 300-301/. При использовании таких принципов и процедур установления родства языков можно прийти к интересным результатам, иногда противоречащим современной генеалогической классификации языков. Отметим, что в книге Абуший ни один из приведенных принципов и процедур не был использован, и поэтому его генеалогическая классификация требует особых доказательств. Вместе с тем, книга Абуший имеет большую научную ценность, т.к. в ней дается своеобразная классификация тюркских языков, в основе которой близость народов по их языку.

В конце XIX и в начале XX вв. были опубликованы несколько книг по изучению узбекского языка для русскоязычного населения, т.к. такие учебники и учебные пособия, а также словари нужны были для представителей русской царской администрации. Одновременно в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, открылись новые школы общеобразовательного типа, которые нуждались в учебниках и пособиях. В этом деле большую помощь оказали просветители-джадиды, ученые и писатели Абдурауф Фитрат, Хамза Хаким-заде Ниязи, Абдулла Авлоний, Бехбудий, Мунаввар Кори, Ибрат, Суфизаде, Ангурали Зохирий и многие другие. Некоторые из этих просветителей занимались лингвистикой и высказали ценные и интересные мысли об узбекском языке. А.Фитрат (1886-1938), один из виднейших ученых и писателей того времени, написал морфологию ("Сарф") и синтаксис ("Нахв") узбекского языка. боролся за чистоту узбекского языка и призывал заменить арабские и персидские слова исконно тюркскими словами. Другой джадид Бехбудий

писал о необходимости стандартизации узбекского литературного языка и о значении печати при нормировании узбекского языка. Некоторые из джадидов, в том числе Абдулла Авлоний, пропагандировали изучение *четырёх языков: арабского, персидского, тюркского и одного из европейских языков - русского.*

Большинство джадидов разграничивали: а) разговорный, б) литературный и в) научный язык. Бехбудий писал, что развитие языка зависит от развития литературы и науки. В учебниках и учебных пособиях джадидов даются ценные методические рекомендации по обучению правильному произношению, правописанию и стилистическим особенностям узбекского языка.

* * *

Большой вклад в становление и развитие узбекского языкознания в XX веке внесли также русские ученые-лингвисты, чья жизнь и научная деятельность были связаны с Узбекистаном. К их числу относится **Евгений Дмитриевич Поливанов** - крупнейший лингвист, полиглот, в совершенстве знавший 46 языков. Он писал научные труды по проблемам тюркских наречий, в том числе и узбекского, а также японского, китайского, дунганского, корейского, монгольского, малайского, мордовского, албанского, арабского, таджикского, ассирийского (айсорского) и других языков.

Обширные познания и талант исследователя послужили надежной основой для создания им новых теорий в общем языкознании и сравнительно-типологическом исследовании различных языков мира. Как писал один из близких друзей Е.Д.Поливанова - известный писатель Виктор Шкловский, "он хотел построить "периодическую таблицу" для языков мира и национальных поэтик. Он хотел перевернуть науку, как это сделал Менделеев".

Е.Д.Поливанов родился 28 февраля 1891 года в Смоленске в семье потомственного дворянина. Отец его, Дмитрий Михайлович, долгое время находился на военной службе, а выйдя в отставку, стал дежурным чиновником в публичной библиотеке. Мать, Екатерина Яковлевна, была известна в своей среде как журналистка и переводчица. Закончив в 1908 году рижскую Александровскую гимназию с серебряной медалью, Евгений Поливанов поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В годы его учебы петербургская школа славилась учеными с мировым именем. Так, учителем Поливанова был профессор, член-корреспондент Академии наук **А.А. Бодуэн де Куртэнэ** - один из основоположников сравнительного языкознания и знаток санскрита, русской словесности. Он учился у **А.Шахматова**, а романо-германской филологии - у **В.Ф.Шिशмарева** и **В.Щербы**. После окончания университета Е.Д.Поливанов продолжил

свои научные изыскания в сфере языкознания под руководством своего любимого учителя - И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Специализируясь в области японского языка, Е.Д.Поливанов занялся также изучением тибетских языков и одновременно преподавал русский, французский и латинский языки в гимназии. Кроме того, он читал лекции по языкознанию для заработка, чтобы помочь семье. В 1914 году Евгений Дмитриевич защитил магистерскую диссертацию на тему "Психофонетические наблюдения над японскими диалектами" и стал приват-доцентом восточного факультета университета по японскому языку. В то же время вел занятия по китайскому языку. Он трижды в течение 1914-1916 гг. посетил Японию, побывал в Корее и Китае. Его хорошо знали в этих странах. Не случайно в изданной уже в 1976 году в Токио на японском языке книге Е.Д.Поливанова "Исследования по японскому языку", включающей дневники и воспоминания японских языковедов С.Канаэ и М.Ситиро, отмечено, что в деревне Миз, где Поливанов был 60 лет тому назад, до сих пор живы люди, с которыми общался Евгений Дмитриевич. Они помнили великого ученого. Известный исследователь жизни и деятельности Е.Д.Поливанова, д.ф.н. проф.А.А.Леонтьев пишет: "К японским экспедициям Е.Д.Поливанова относятся много мифов, передающихся из уст в уста. Так, рассказывают, что он собирал диалектный материал, сидя в одежде нищего на ступеньках синтоистского храма и слушая разговоры проходивших мимо прихожан".

В 1917-1918 гг. Поливанов становится сотрудником комитета военной печати при Всероссийском совете крестьянских депутатов, заведующим отделом печати Министерства иностранных дел, организатором союза китайских рабочих в Петрограде и первым редактором коммунистической газеты "Китайский рабочий". Позднее его назначают заведующим восточным отделом Информбюро при Коминтерне. В 1919 году, в возрасте 28 лет, Поливанов избирается профессором факультета общественных наук Петроградского университета. Вскоре его назначают заместителем заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна в Москве. В 1921 году его командируют в Ташкент.

Дальнейшую свою жизнь и деятельность ученый связал со Средней Азией. Именно здесь Поливанов начинает глубоко изучать тюркские языки, пишет книги и статьи, публикует учебники и методические пособия по русскому языку для школ Туркестанской АССР. В 1921-1923 гг. Е.Д.Поливанов работает заместителем председателя научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР и до 1926 года преподает в Туркестанском восточном институте в Ташкенте и на историко-филологическом факультете САГУ. Вместе со своими коллегами Е.Д.Поливанов организует журнал "Наука и просвещение", уже в первом номере которого публикуется его работа "Звуковой состав ташкентского диалекта". Благодаря трудолюбию, блестящей памяти и прочным

лингвистическим знаниям Е.Д.Поливанов быстро усвоил узбекский язык и все его говоры. Результаты своих научных исследований он изложил в книгах, учебниках, пособиях и статьях.

Будучи отозванным в 1926 году в Москву и проработав там некоторое время в качестве руководителя Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) и профессора Московского института востоковедения, в 1929 году он вновь возвращается в Узбекистан и, обосновавшись в Самарканде, становится профессором сектора лингвистики Узбекского научно-исследовательского института.

Е.Д.Поливанов предвидел будущее языковой политики и подлинное развитие национальных языков в нашей стране. Он, например, составил самоучитель узбекского языка для русскоязычного населения - "Введение в изучение узбекского языка". Эту книгу дополнил выпущенный им же "Краткий русско-узбекский словарь". Указанный самоучитель, несомненно, может быть полезным и в настоящее время, когда в республике началось повсеместное изучение государственного языка.

Одновременно с этим Поливановым были написаны книги для глубокого изучения русского языка узбеками. Его "Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком" стала первым учебником подобного рода и до сих пор сохраняет свою ценность. Другая его книга - "Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам" - содержит много интересных и полезных сведений для учителей.

Интересуясь диалектами, Е.Д.Поливанов активно участвовал в Хорезмской, Памирской, Ферганской, Чирчику-Ахангаранской и Сайрамо-Чимкентской экспедициях, в результате чего собрал большой научный материал, использованный впоследствии в его книге «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык». Именно Е.Д.Поливанову принадлежит первая научная классификация узбекских говоров. Немало изысканий проведено им в сфере каракалпакского языка, самаркандско-таджикской речи, языка бухарских евреев, касимовского диалекта татарского языка и исторического изучения тюркских языков. Несомненно, гигантская работа была проведена Е.Д.Поливановым. Не случайно самаркандцы называли его "Поливанов", то есть "Богатырев".

Переехав во Фрунзе в качестве сотрудника института культурного строительства, он вместе со своим учеником Ю.Яншасином составил грамматику дунганского языка для начальной школы. Им же был переведен на русский язык киргизский национальный эпос "Манас". Кстати, переводческая деятельность Поливанова стала широко известна в нашей стране только недавно, в то время как за рубежом ее хорошо знали и высоко ценили. В частности, упоминания об этом есть в книге американского исследователя Г.М.Шудльбрайта "Устный эпос в Сибири и Средней Азии".

К сожалению, ни научные заслуги, ни активная общественная деятельность не помешали аресту ученого в 1937 году. А в январе 1938 года жизнь Поливанова оборвалась. Та же участь постигла и его жену Бригитту Альфредовну Поливанову-Нирк, умершую в тюрьме Каргопольлаг Архангельской области в 1946 году. Доброе имя ученого было восстановлено лишь в 1957 году.

Сегодня жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова вызывают большой интерес. О нем пишут книги, статьи. В 1964 году в Самарканде была проведена Всесоюзная конференция, которая называлась "Актуальные проблемы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова". В 1990 году в Узбекском республиканском педагогическом институте состоялась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения великого лингвиста. Настало время в полном объеме опубликовать его книги, учебники и учебные пособия по общему языкознанию, узбекскому языку и другим языкам.

Начатая Е.Д.Поливановым традиция была продолжена узбекистанскими языковедами. В книгах А.Г.Гулямова, А.К.Боровкова, В.В.Решетова и Ш.Шаабдурахманова впервые были изложены основные вопросы фонетики узбекского языка: классификация гласных и согласных фонем, структура слога и словесное ударение. Однако проблемы интонации и ее виды в узбекском языке еще не были исследованы. Основы узбекской морфонологии были заложены в трудах видного лингвиста А.Г.Гулямова, который в дальнейшем смог описать и морфемнику узбекского языка.

В 1960-х годов начались экспериментальные исследования по изучению узбекских гласных и согласных, а также словесного ударения. После 1970-х годов начались подлинно фонологические исследования узбекского языка, а с 1980 года морфонология узбекского языка была изучена с различных точек зрения, а именно, с позиций Московской и Пражской школ лингвистики.

В те же годы фонетические свойства узбекского языка были сопоставлены с русским языком, что имело большое теоретическое и практическое значение. Предпринятое Е.Д.Поливановым сопоставление русского и узбекского языков было продолжено А.А.Азизовым, Ш.Рахматуллаевым, Р.Сайфуллаевым и др. Появились также сопоставительные исследования по родному (узбекский) и иностранным (английский, немецкий, французский, латинский, испанский) языкам. В разработке теорий морфемики и словообразования большая заслуга принадлежит А.Ходжиёву. В области изучения синтаксиса узбекского языка выделяются труды А.Гулямова, Г.Абдурахманова, М.Аскаровой, Х.Нигматова, Р. Р. Сайфуллаевой.

Развитие русского языкознания в Узбекистане в XX веке было связано с именами Е.Д.Поливанова, Г.И.Коляды, А.Н.Тихонова, О.М.Ким, Л.Л.Кима, Е.Ш.Мирочника и др.

7.4. Сравнительно-историческое языкознание.

Младограмматизм

Отметим исторические предпосылки развития этого научного направления.

Языкознание средних веков в Европе - а это целое тысячелетие - было весьма своеобразным в том отношении, что было тесно связано с церковью, с религией. По сути единственным изучаемым языком в Западной Европе был латинский, который считался эталоном языка, "воротами учености", школой логического мышления. Латинский язык был международным языком в Европе. Основными учебниками латинского языка были грамматики Доната и Присциана.

В средние века был продолжен спор о природе именования. "В позднее средневековье разгорелся философско-лингвистический спор между реализмом и номинализмом, волновавший церковь и подготовивший реформацию... Реалисты, возглавляемые Кентерберийским епископом Ансельмом (1033-1109), утверждали в духе идеализма, что реально существуют только общие понятия, а соответствующие этим понятиям вещи и явления являются только их слабыми копиями. Номиналисты во главе с Росцеллином из Компьена (1050-1110) считали, что реально существуют только отдельные вещи и их индивидуальные свойства, а общие понятия, выводимые нашим мышлением из этих предметов, не только не существуют независимо от предметов, но даже не отражают их свойств. Умеренные номиналисты во главе с Пьером Абеляром (1079-1142) занимали наиболее правильную позицию, полагая, что реально существуют только отдельные предметы, они и являются базой общих понятий, общие же понятия отдельно не существуют, а выводятся нашим умом из реально существующих вещей и отражают их свойства. Церковь ожесточенно преследовала сторонников номинализма" /Кондрашов 1979,20/.

Достижением того времени следует считать появление письменности у ряда народов в связи с переводом Библии, например, на коптский (позднеегипетский), готский в V в.н.э., ирландский, древнеанглийский и древневерхненемецкий - в VIII в., старославянский в 863 г.

Грамматика в те времена понималась чисто нормативно, как искусство правильно говорить и писать; грамматические явления проверялись логическими категориями. По сути место ЯЗЫКА в описаниях того времени занимал латинский язык, который, однако, был уже мертвым. Начиная с XVI в. ученые разных стран, пользуясь латинским языком, не

В плане развития учения о категориях следует упомянуть о средневековых комментариях Аристотеля (Плотин, Порфирий - III в.н.э.). Знаменитое "дерево Порфирия", анализирующее первую категорию Аристотеля - "сущность", выглядит таким образом:

0. Субстанция

1. Бестелесная

2. Телесная

Тело

2.1 Неодушевленное 2.2. Одушевленное

Живое

2.2.1. Нечувствующее 2.2.2 Чувствующее

(растения)

Животное

2.2.2.1 Неразумное 2.2.2.2. Разумное

Человек

С точки зрения методологии исследования это образец безупречно произведенной дихотомической классификации; с точки зрения логики исследования - это попытка установления отношений естественных объектов и соответствующих им логических понятий. Однако это и классификация основных таксономических классов естественных языков. Так, Ю.С.Степанов считает, что "естественная таксономия испанского языка, изложенная в виде дихотомии, полностью соответствует классификации субстанций, или сущностей" /Степанов 1981, 74/.

В русском языке вследствие иного набора грамматических категорий таксономия разрядов существительных представляет собой более сложную, перекрещивающуюся систему: существительные делятся на абстрактные и конкретные, одушевленные и неодушевленные; в разряд одушевленных попадают и названия животных, и имена людей; среди конкретных выделяются собственно конкретные, собирательные, вещественные и т.д. Однако приведенная выше классификация сущностей все же служит основой классификации существительных и в русском и в любом другом языке мира.

Таким образом, языкознание средних веков нельзя представлять только как время застоя и господства схоластики.

Языкознание эпохи Возрождения было своеобразным в том отношении, что профессиональных лингвистов не было вследствие невыделенности языкознания как отдельной отрасли науки, однако практически все ученые Европы, философы, физики, математики (например, Ф.Бэкон, Р.Декарт, Т.Гоббс, Г.Лейбниц), интересовались происхождением языка, природой именования, соотношения природы, семиотики, техники, созданием искусственных языков. Важную роль сыграла идеология этой эпохи, отход от религиозной идеологии и ориентации на культуру античного мира. "Эта эпоха захватывает XV-XVIII вв., когда ...ярко проявились три умственных и культурных течения -

ренессанс, реформация и просвещение. Ренессанс означал крушение феодальной церковной культуры и замену ее культурой светской, опирающейся на античность. Реформация разрушила папскую власть и создала простор для развития национальных сил европейских государств. Просвещение связало всю духовную жизнь Европы с философией рационализма и наукой. Новая эпоха выдвинула подлинных первооткрывателей и энциклопедистов - Колумба, Галилея, Коперника, Декарта, Ньютона, Лейбница, Ломоносова" /Кондрашов 1979, 23/.

В связи с эпохой Великих географических открытий расширился круг изучаемых языков, "происходит очень важный для последующего развития языкознания процесс накопления языкового материала. Изучение памятников классической литературы на греческом и латинском языках, а также богословский интерес к древнееврейскому языку, ...вызывают появление классической и семитской филологии, вслед за которыми возникают филологии различных народов Европы. Рационалистические тенденции вызывают многочисленные проекты искусственных международных языков и возникновение логической универсальной грамматики" /Там же/.

В связи с развитием рационализма как философского направления развивается стремление рассматривать грамматические категории любого языка как воплощение категорий логики, причем несоответствия, идиоматика естественных языков рассматривались как аномалии, не подлежащие описанию. Игнорировались живые формы естественных языков, а также их эмоциональная сторона. На таких основаниях строились различные модели рациональной универсальной грамматики, самой известной из которых считается "Грамматика Пор-Рояля", созданная учеными монахами Клодом Лансло и Антоном Арно на французском языке в 1860 г.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания подготовлено и словарями средневековых монахов, и трудами классических филологов (Юлий Цезарь Скалигер, Иосиф Юстус Скалигер, Роберт и Генрих Стефанусы и др.), и попытками представить обзоры всех известных языков, например, в "МитриDATE" К.Геснера (1555г.). Образчики 40 языков приводятся И.Мезингером (1592 г.).

Большую роль по сбору глоссариев и грамматических описаний осуществлял Г.Лейбниц (1646 -1716).

Испанский монах Лоренцо на рубеже XVIII -XIX вв. предпринял издание многотомной энциклопедии «Идея Вселенной», в 17-м томе которой содержался каталог 300 языков (из них 40 индейских).

В начале XIX в. И.Х.Аделунг издал молитву "Отче наш" на 500 языках диалектах.

В "Российской грамматике" М.В.Ломоносова (1755г.) ассматривался русский, польский, сербский, чешский, болгарский,

словацкий, вендский (лужицкий) языки. Славянские языки делятся им на юго-восточную и северо-западную группы.

Идея родства языков высказывалась с XVI в. (например, И.Ю.Скапигером); Г.Лейбниц также писал о языковых семьях и языке-предке, поделив все языки на арамейские и яфетические, выделив среди последних скифские и кельтские; среди скифских были выделены финские и славянские. Несмотря на неточность и даже ошибочность этих первых классификаций, важно само зарождение идеи сравнения языков и родства определенных языков.

Вильям Джонс (1746-1794) - открыватель санскрита, английский языковед и юрист - указал на связь санскрита с греческим, латинским, готским и кельтским и древнеперсидским языками, причем он опирался не только на это сходство, но и на грамматики.

Таким образом, появление сравнительно-исторического языкознания было подготовлено и первоначальными представлениями о родстве языков, и рядом практических исследований, в которых сравнивались различные, в том числе индоевропейские языки.

Однако сравнительное изучение языков не было специфической целью европейских языковедов начала XIX в. Его основной целью было (и остается в XXI в.) воссоздание, восстановление первоначального состояния языка, а сравнительно-историческое изучение языков было лишь способом достижения цели.

Огромной заслугой нового направления было создание особого метода: метода реконструкции языковых форм, объяснение явлений одного языка через факты другого (других) языков.

"С открытием сравнительно-исторического метода языкознание заняло самостоятельное место, отделившись от философских и исторических рассуждений о языке, не опиравшихся на строго проверенные и систематизированные языковые факты. Теперь языковеды знали, как относиться к многообразному, накопленному столетиями языковому материалу, закономерности языка и исключения из них стали получать отчетливое историческое объяснение, один язык и его явления стали объясняться фактами родственных ему языков" /Кондрашов 1979, 38-39/.

Условной датой рождения сравнительно-исторического языкознания может считаться 1816 г. - год опубликования работы немецкого ученого Франца Боппа (1791-1867) "О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков".

Путем выявления сходства глагольных флексий в названных языках Бопп приходит к выводу об их общем происхождении, причем наблюдается не просто совпадение или сходство отдельных проявлений флексии, но целая система соответствий, единство грамматической

системы. Это тем более достоверно и ценно, что флексии, в отличие о лексем и словообразовательных аффиксов, обычно не заимствуется.

На материале глагольной флексии в ряде индоевропейских языков Ф.Бопп сумел построить первоначальный вариант сравнительной грамматики. «Таким образом, Бопп открыл сравнительную грамматику, по замечанию Мейе, в поисках индоевропейского языка, подобно Колумбу, который открыл Америку в поисках пути в Индию»//Кондрашов 1979, 41/.

По словам А.Мейе, Бопп почти исключительно занимался морфологией (словоизменением), "но пренебрегая изучением фонетической эволюции и ее законов, он не исследовал ни употребления форм, ни структуры предложения. После Боппа оставалось строго проследить развитие каждого языка, построить историческую фонетику, теорию употребления форм и теорию предложения, установить строгие законы и в особенности устранить умозрительные заключения о происхождении форм, в чем Бопп является приверженцем старых идей ..." /Мейе 1938, 450-451/.

Несмотря на неизбежные ошибки по восстановлению "первобытного" состояния форм, заслуги Боппа очень велики, прежде всего в создании нового метода. Гениальность Боппа проявилась в том, что, не зная законов звуковых соответствий, он сумел не декларировать, а научно обосновать родство индоевропейских языков, впоследствии он подключил к материалу исследования целый ряд языков в своей основной работе "Сравнительная грамматика санскрита, Zendского, армянского, греческого, латинского, старославянского, готского и немецкого языков" (1833-1852).

Одновременно с Ф.Боппом работал другой крупнейший немецкий компаративист Якоб Гримм (1785-1863). Предметом его исследования была одна языковая семья - германская. Первый том его четырехтомной "Немецкой грамматики" вышел в 1819 г., а все четыре тома в 1837 г. В 1848 г. вышла в свет "История немецкого языка", первый том большого "Немецкого словаря" - в 1854г., а последний - в 1960 г., т.е. через 100 лет.

Работы Я.Гримма оказали большое влияние на развитие компаративистики как в плане разработки конкретных проблем, так и в аспекте внедрения четкости, точности и всеохватности материала в методику исследования. "Гримм не занимается в "Немецкой грамматике" выдвижением общих языковедческих теорий или смелых предположений, он осуществляет исторический подход к изучению родственных языков и излагает действительное движение грамматических форм в германских языках" /Кондрашов 1979, 42/. На материале германских языков, вслед за Р.Раском им обоснован один из фонетических законов - закон первого германского передвижения согласных.

В то же время здесь проявляется одна из тенденций классической компаративистики: преимущественно индуктивный подход, скрупулезный анализ языкового материала в ущерб построению дедуктивных концепций,

за что сравнительно-историческое языкознание подвергалось последствию критике.

На начало XIX в. приходится деятельность датского ученого Расмус Христиана Раска (1787 -1832). Его первая работа "Руководство к исландскому языку" опубликована в 1811 г. Предметом его изучения были преимущественно германские языки, и прежде всего скандинавский (исландский, норвежский, шведский, датский), которые он сравнивает с греческим и латинским (санскрит для сравнения не привлекается), а также с кельтским, баскским, финским.

Главные труды Раска - "Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка" (1818) и "О фракийском языковом классе" (1822). Фракийским Р.Раск именовал греческий и латинский языки. "В результате Раск приходит к выводу, что скандинавские и германские языки являются близкими ветвями и что они вместе со славянской и балтийской языковыми группами имеют свой источник в "древнефракийском" языке, под которым понимается вымерший праязык или язык доисторических времен юго-восточной Европы" /Кондрашов 1979, 43/.

Именно Раск обосновал большую надежность при определении родства грамматических соответствий по сравнению с лексическими, т.к. лексемы могут заимствоваться и менять свое значение. Он указал, что не все разряды лексики подходят для установления генетического родства, только те, которые связаны с самими необходимыми понятиями явлениями и предметами.

К основоположникам сравнительно-исторического языкознания относится Александр Христофорович Востоков (1781-1864). Предметом его исследования были славянские языки. Его основные труды "Рассуждение о славянском языке" (1820), "Русская грамматика" (1831) "Опыт словаря областного великорусского языка" (1852), "Словарь церковнославянского языка" (1858-1861). На материале сопоставления корней и грамматических форм живых славянских языков Востоков разгадал непонятные факты старославянских памятников, в частности звуковое значение "юсов" (большого и малого). Востоков выделил три периода в истории славянских языков: древний (IX-XIII вв.), средний (XIV-XV вв.) и новый (с XVI в.).

Вслед за чешским ученым Й.Добровским он поделил славянские языки на восточные и западные, однако отверг мысль о старославянском как праязыке.

Особо ценно, что в основу изучения грамматики он положил живой разговорный язык, тогда как основным предметом изучения компаративистов были древние письменные памятники. "Взгляд Востокова оказали большое влияние на последующее развитие грамматической мысли в России, он выдвинул ряд перспективных идей и

области изучения русского синтаксиса: предложил новое понимание наиболее употребительных типов предложений как двучленных (двусоставных), поставил вопрос о формах выражения сказуемого, показал многообразие глагольных, именных и наречных словосочетаний, сделал ценные наблюдения в области словорасположения. Выделил существенные признаки общего рода и др." /Русский язык. Энциклопедия. 1979, 47-48/. Вклад Востокова в теорию синтаксиса особенно ценен, т.к. языковыми ярусами, изучаемыми компаративистами, были прежде всего морфология и фонетика.

Учеником Ф.Боппа был А.Шлейхер (1821 -1868); его основной труд - "Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков" (1861-1862). "В этом труде впервые вводится процедура реконструкции индоевропейского праязыка, реальность которого для Шлейхера ..была настолько очевидна, что он сочинил басню о лошадях и овцах (из Эзопа) на праязыке. Отныне реконструкция праязыковых форм занимает все большее и большее место в сравнительно-историческом языкознании" /Там же, 328/.

По сути более поздними представителями сравнительно-исторического языкознания были младограмматики: К.Бругман (1849-1919), Б.Дельбрюк (1842-1922), Г.Остгоф (1847-1909). К младограмматизму относят Германа Пауля (1842-1921) - его основной труд "Принципы истории языка" - и Ф.Ф.Фортунатова (1848 -1914). Однако деятельность этих ученых не вмещается, на наш взгляд, в рамки данного научного направления, их по праву можно считать создателями собственных лингвистических школ. "Классические" младограмматики, прежде всего Бругман и Остгоф, декларировали свое отделение от сравнительно-исторического языкознания. В последней четверти XIX в. "в языкознании определилось направление, которому за молодой задор его представителей, с каким они напали на старшее поколение языковедов, немецкий филолог Ф.Царике присвоил шутовское название "младограмматиков" ... Один из зачинателей этого направления - К.Бругман превратил это название в знамя новой лингвистической школы, и оно со временем приобрело все права лингвистического термина" /Звегинцев 1960,150/.

В предисловии к первому тому "Морфологических исследований" (1878), которое считается манифестом младограмматизма, Г.Остгоф и К.Бругман пишут: "Никто не может отрицать, что прежнее языкознание подходило к предмету своего исследования индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С

исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало - говорящего человека" /Звигинцев 1960, 153/.

В отличие от работ предшественников, для младограмматиков характерно пристальное внимание к живым языкам, психической деятельности говорящего человека. Большое внимание они уделяли фонетическим законам, явлению аналогии в языке. Как и их предшественники, младограмматики преимущественно изучали фонетику, частично - морфологию, синтаксические исследования принадлежат в основном Б.Дельбрюку.

Особняком среди работ младограмматиков стоит монография Г.Пауля (1880 г.) "Принципы истории языка", которая по кругу затрагиваемых проблем и значимости для следующих поколений лингвистов никак не вмещается в проблематику младограмматизма. Это по сути отличный учебник общего языкознания и введение в изучение семантики. Семасиология и ономастиология, аналогия и аномалия, грамматика и словообразование, изменение значений слов в разных языках, процесс заимствования - вот перечень только некоторых проблем, затрагиваемых в этом труде, который совершенно несправедливо был окрещен "катехизисом младограмматизма".

Сравнительно-историческое языкознание активно развивалось на протяжении всего ХХ в. Из поздних компаративистов следует упомянуть А.Мейе, Э.Бенвениста, Е.Куриловича, В.М.Иллича-Свитыча, Вяч.Вс.Иванова, П.С.Кузнецова, Т.В.Гамкрелидзе.

Компаративистику часто называют индоевропеистикой, т.к. хотя сравнительно-исторический метод и был применен к изучению других языковых семей (тюркской, финно-угорской, семитской), основным "полигоном" компаративистов все же остаются языки индоевропейской семьи. "Основным отличием современного индоевропейского сравнительно-исторического языкознания от всех предшествующих периодов в развитии этой науки является ориентация на общую типологию языков ...Особенно наглядно это видно на примере грамматической реконструкции эргатива ...Такая реконструкция была осуществлена на основании сравнения форм внутри самого индоевропейского праязыка и их соотношения с типологией других языков" Иванов 1988, 5 /.

Вяч.Вс.Иванов отмечает успехи индоевропеистики в изучении фонологической структуры языков различных семей, а также в области синтаксиса. Одной из важнейших проблем индоевропеистики стало восстановление древнего текста. Помимо собственного метода в современной компаративистике применяется метод структурного анализа, что говорит о сближении прежде состоящих в оппозиции лингвистических школ.

Сам метод сравнительно-исторического языкознания в современном состоянии формулируется следующим образом: "Сравнительно-

сторический метод совокупность исследовательских приемов, направленных на решение следующих задач: 1) установление этнического родства между различными языками определенного ареала; 2) объединение генетической общности определенных языков на основе отсылки их происхождения из общего источника, именуемого праязыком или общезыковым состоянием; 3) объяснение причин и условий распада языка, образования отдельных ареалов и самостоятельных языков; 4) выявление закономерностей эволюции группы родственных языков, выявление вторичных схождения и расхождения между ними, выявление архаизмов и новообразований в языках данной родственной языковой группы.

Наиболее существенной чертой данного метода является процедура реконструкции. Различают реконструкцию сравнительную, когда восстановление фрагмента праязыкового состояния происходит на основе сопоставления определенных явлений разных языков с разной фонологической соотносительностью, и реконструкцию внутреннюю, когда восстановление фрагмента праязыкового состояния происходит на основе регулярных и нерегулярных парадигматических рядов на разных фонологических срезах или с разной хронологической глубиной в пределах одного языка /Русский язык. Энциклопедия 1979, 327/.

В начале XXI в., по данным Интернета, сохраняется цель воссоздать отдельные праязыковые состояния отдельных семей и групп родственных языков, их последующего развития и членения на самостоятельные языки, также построить сравнительно-исторические описания языков, которые входят в ту или иную генетическую общность.

Основные приемы сравнительно-исторического метода теперь определяются так: определение генетической принадлежности языковых единиц, установление системы соответствий и аномалий на разных уровнях в сравниваемых языках, моделирование исходных праязыковых форм (архетипов), реконструкция первоначальных и сходных языковых состояний, предпринимаемая на этой основе генеалогическая классификация языков.

Сравнение как доминирующий прием по-прежнему проводится преимущественно на фонологическом и морфологическом уровнях, но ориентируется на системный подход к языку; в круг сравнения включено и словообразование (изучение аффиксальных и корневых морфем, словообразовательных способов).

Отмечается особая трудность реконструкции архаических значений слов и синтаксических конструкций.

Таким образом, сравнительно-историческое языковедение на современном этапе, с одной стороны, сохранило свои цели, задачи, методические приемы, усовершенствовал их, с другой стороны, вошло в круг общей типологической проблематики и обогатилось

системным подходом. Сама генеалогическая классификация языков не считается абсолютно завершенной, она постоянно совершенствуется в связи с новыми исследованиями, в том числе и в результате открытия новых мертвых языков.

7.5. Структурализм

Традиционно к разным школам структурализма относятся следующие:

1. **Американский структурализм** (дескриптивная (описательная) лингвистика, школы трансформационного синтаксиса, порождающая грамматика).
2. **Пражская лингвистическая школа** (или **Пражский лингвистический кружок** - ПЛК).
3. **Датская (или Копенгагенская) школа** (глоссематика).
4. **Лондонская лингвистическая школа.**

В то же время справедливо утверждение, что "идейным предшественником структурной лингвистики является ...Ф.де Соссюр... Структурная лингвистика испытала также (прямое или косвенное) влияние идей Ф.Ф.Фортунатова, Л.В.Щербы и прежде всего И.А.Бодуэна де Куртене" /Русский язык. Энциклопедия 1979, 338/.

Отношение к структурализму в языкознании всегда было неоднозначным и, можно сказать, равнодушным, от полного восхищения этим направлением (и отрицания всех остальных) до полного неприятия и отрицания его существования в настоящее время. Ср.: «Для того чтобы показать отсутствие жесткой связи между методом и разработанными в нем методиками, можно привести в пример структурализм. Как метод он почти перестал существовать в нашей стране, но многие созданные в нем методики сохранились, поскольку они обеспечивают последовательную объективность описания и дают материал, удобно поддающийся количественной обработке. Так, процедура дистрибутивного анализа, т.е. установления возможной сочетаемости изучаемого элемента, прочно заняла свое место в работах лексикологов, фонетистов и специалистов по морфологическому анализу» /Архив 1991,9/.

"Общее со структурной лингвистикой направление поисков характеризует, в частности, две основные фонологические школы - московскую и ленинградскую, в рамках которых был выдвинут ряд важных теоретических положений, отличных от принимавшихся ортодоксальными фонологическими концепциями ... В области грамматики идеи, сходные с идеями структурной лингвистики (поиски объективных, или "формальных" критериев разграничения и классификации языковых единиц), отстаивали последователи фортунатовской традиции (в русистике - Н.Н.Дурново, М.Н.Петерсон. А.М.Пешковский, Г.О.Винокур, П.С.Кузнецов и др.) ...В работах

А.И.Смирницкого получила глубокое теоретическое освещение проблема "отдельности слова" и "тождества слова", П.С.Кузнецовым было предложено одно из наиболее удачных формальных определений слова... Образцом применения структурного подхода в описании русского языка является книга А.А.Зализняка "Русское именное словозменение" (1967) / Русский язык. Энциклопедия 1979, 338/.

В высказывании И.В.Арнольд явно заложена пресуппозиция неприятия структурализма как методологической школы, тем не менее автор не отрицает роли структурной лингвистики в выработке частных методик (к дистрибутивному методу можно добавить трансформационный и компонентный).

В статье "Структурная лингвистика" Энциклопедии "Русский язык", написанной Т.В.Булыгиной, явно прослеживается взгляд на данное направление как исключительно продуктивное, действующее не только в американской лингвистике, но и вообще в мировом языкознании, в том числе и в русистике.

Многие споры вокруг структурализма связаны с тем, что рамки этого направления (и временные, и пространственные, и методологические) многими языковедами понимаются по-разному. По словам А.Мартине, "слово структурализм стало даже своего рода ярлыком почти для всякого движения, порвавшего с традицией" /Мартине 1960, 89/.

Само понятие "структура", давшее название данному направлению, понимается языковедами неоднозначно (часто смешивается с понятием "система"), что также не способствует единству взглядов на структурализм. Например, Ю.С.Степанов в одной из своих монографий так характеризует понятие структуры и связанные с ней научные направления: "Прежде всего под структурой языка понимают совокупность фонем, морфем, конструкций «цепочек морфем» и отношения между этими совокупностями. Структура - основа языка, допускающая различные осуществления в речи, т.е. в разных конкретных случаях пользования языком. Описание структуры - это структурная грамматика в собственном смысле слова. Структурная грамматика может быть разных типов в зависимости от цели описания. В настоящее время известны три основные ее типа: 1) дескриптивная грамматика, 2) грамматика непосредственно составляющих и 3) трансформационная грамматика, наиболее общий вариант которой - порождающая грамматика...

Структура осуществляется в речи, в индивидуальных сообщениях... Структура противопоставляется норме и речи, все три разреза языка образуют ... три уровня: структура - норма - речь" /Степанов 1965, 3/.

Как видно из приведенного высказывания, даже одним автором структура трактуется неоднозначно: и более материально - как "совокупность фонем, морфем, конструкций", хотя и перечисляются абстрактные языковые единицы (структура предстает как совокупность,

конгломерат единиц), и вполне идеально - как отношения между совокупностями. Весьма важно здесь противопоставление структуры норме, которая реализуется в нескольких вариантах, а вот противопоставление структуры речи носит характер соссорианской дихотомии "язык - речь", тем более, что Ю.С.Степанов добавляет, что осуществления в речи могут быть отчасти хаотичны. Сам набор единиц - морфема, фонема, конструкция - без упоминания таких единиц, как слово и предложение, демонстрирует ориентацию на ранние школы американского структурализма (дескриптивную грамматику).

Далее структура в определенном смысле противопоставляется значению (смыслу, содержательной стороне языка), что составляет самую уязвимую составляющую дескриптивной грамматики: "Структура языка описывается так, чтобы как можно меньше обращаться к смыслу и как можно больше к объективным приемам, выработанным в общей теории связи"/Степанов 1965,4/.

Но тот же автор в более поздней работе "Основы общего языкознания" дает принципиально иные дефиниции понятиям "система" и "структура": "Под системой понимается единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует ее структуру. Правомерно говорить поэтому о структуре системы. Совокупность структуры и элементов составляет систему.

Ядро языковой системы образуют предельные единицы языка и связывающие их отношения. Под предельными единицами языка понимаются аллофоны, морфы, слова, словосочетания, структурные схемы словосочетаний, структурные схемы предложений. Под отношениями между предельными единицами понимаются все типы парадигматических и синтагматических отношений.

К ядру языковой системы примыкают неопределенные языковые единицы и связывающие их отношения: группофонемы, квазиморфы, аналитические формы слова, сложные предложения.

Ядро языковой системы в наиболее употребительных пластах лексики, в грамматике и в продуктивных пластах словообразования образует центр системы языка. Периферию системы образуют малоупотребительные пласты лексики, мертвые пласты словообразования и отмирающие грамматические категории"/Степанов 1975, 228-229/.

В данном случае показательно, что эволюция структурного метода прошла через одного и того же ученого (ныне академик РАН Ю.С.Степанов), что стало отражением общего научного процесса. В работе 1975 г. явно прослеживается ориентация не на английский (на котором разработаны и апробированы многие теории структурализма), а прежде всего на русский язык во всей полноте его функционирования. В число единиц языка вошли слова, словосочетания и их структурные аналоги, а

когда-то модный, но сомнительный и неопределенный термин "конструкция" устранен. Сказалась и проблематика теории поля (выходящая за пределы структурализма), так как автором выделены ядро и периферия системы.

Само понимание системы и структуры, приведенное выше, может быть положено в основу гипотезы: Система языка - совокупность единиц языка, организованная так, что все они связаны между собой, причем язык относится к числу нежестких систем, так как замена одних элементов другими не ведет к разрушению системы. Структура - абстрактная сеть отношений между единицами языка (ее можно назвать внутренней системой, наиболее абстрактным каркасом языка, наиболее полным отражением языковой детерминанты).

Сложными являются отношения структуры и формы, противопоставленной значению, а также формализации языковых описаний, причем не столько в онтологическом, внутриязыковом плане, сколько в аспекте понимания этих феноменов разными лингвистами.

На наш взгляд, структурализм - это не только выделенные выше "географические" школы, но и живое и развивающееся в настоящее время, многостороннее, но в основе своей методологически единое научное направление, охватывающее многие страны мира. Дело в том, что теоретические положения и конкретные методики анализа, связанные со структурной лингвистикой, настолько глубоко вошли в сознание и научный обиход большинства лингвистов, что они используются во многих работах без специальных отсылок к теоретическим первоисточникам.

Для большинства частных ответвлений структурализма характерны следующие признаки и приоритеты:

1. Признание системно-структурного каркаса языка.
2. Преимущественное внимание к синхронному состоянию языка.
3. Стремление к формализации, к точным методам, в том числе и количественным.
4. Внимание к прикладным аспектам языка (в самом широком смысле, например, для ПЛК к проблеме литературных языков).
5. По отношению к языковым ярусам преимущественное внимание к фонологии, морфологии, позже - к синтаксису.

Бесспорной заслугой структурализма является последовательное разграничение абстрактных и конкретных единиц языка; без этого разграничения сейчас вообще невозможно научное описание языка или его фрагментов.

Структурализм всегда подвергался критике по следующим пунктам: 1) пренебрежение к языковому значению; 2) невнимание к теории языка, гипотезам, концептуальным аспектам; 3) пренебрежение европейской традицией.

Следует отметить, что все эти претензии с полным основанием можно адресовать только американскому структурализму, да и то лишь на ранних этапах его становления. Вообще в критике данного направления было много несправедливого и предвзятого, игнорирующего отдельные труды структуралистов. Например, копенгагенский структурализм считался наиболее абстрактной моделью, наиболее оторванной от живого языка. Между тем у основателя этой школы Л.Ельмслева есть работа "Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?" (1958), само заглавие которой символизирует распространение структурного подхода на значения языка. Следовательно, Л.Ельмслева никак нельзя упрекать в невнимании к проблеме языкового значения.

По времени возникновения, по авторитету и широте проблематики приоритет среди школ структурализма, безусловно, принадлежит американским лингвистам. В то же время американский структурализм нельзя представить себе в виде однородного и стабильного научного направления.

У истоков современного американского языкознания стоят такие выдающиеся лингвисты, как Л.Блумфилд (1887-1949) и Э.Сепир (1884 - 1949). Их деятельность в значительной мере предопределила не только проблематику работ нескольких поколений американских ученых, но и те своеобразные пути развития науки о языке, которые привели в Америке к возникновению самых различных направлений и школ /Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964, 177/.

Эдуард Сепир - это прежде всего один из авторов теории лингвистической относительности (наряду с Б.Уорфом), создатель мультифакторной типологической классификации языков, а также один из создателей дескриптивной фонологической теории.

От Блумфилда же исходит разработка общей методики и конкретных исследовательских приемов, определивших облик центрального направления американского языкознания - дескриптивной лингвистики. Выдвинув целый ряд общелингвистических установок, главной среди которых была установка на формальное описание языка в "физических терминах", Л.Блумфилд наметил и самый способ разрешения узловых проблем, стоявших перед американскими лингвистами, и надолго определил направления развития лингвистической теории в США" /Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964, 178/.

Основной труд Леонарда Блумфилда - "Язык" (в оригинале - 1964 г., в русском переводе - 1968 г.). Книга Л.Блумфилда занимает в истории американского языкознания XX в. место, аналогичное тому, какое занимает известная работа Ф.де Соссюра в истории европейского языкознания. Для нескольких поколений лингвистов, причем не только американских, эта книга по сути стала учебником общего языкознания (приведем названия нескольких глав: "Изучение языка", "Использование

языка", "Языковые коллективы", "Фонема", "Фонетическая структура", "Значение", "Формальные классы и лексикон языка", "Лингвистическая география", "Семантические изменения", "Займствования", "Лингвистическая практика и перспективы развития нашей науки" и т.д.

Именно Блумфилда считают главой и теоретиком дескриптивного направления, которое в течение четверти века (1933-1957) занимало ведущее положение в американском языкознании.

Книга Блумфилда "Язык" является в определенной мере итогом развития американского языкознания. Дескриптивная лингвистика "выросла из практических потребностей изучения языков американских индейцев... и в дальнейшем, когда стала применять свои методы к изучению английского языка, а также других индоевропейских, тюркских и семитских языков, она стремилась сохранить свою практическую направленность, установив тесные связи также и с методикой преподавания языков. В развитии принципов дескриптивной лингвистики можно установить несколько этапов, связанных с научной деятельностью ряда языковедов" /Звегинцев 1960, 111/.

У истоков данного направления стоит Франц Боас (1858-1942). Его работа "Руководство по языкам американских индейцев" была опубликована в Вашингтоне в 1911 г. (в соавторстве с другими языковедами). Ф. Боас показывает непригодность принципов и приемов европейских языковедческих школ для изучения индейских языков - языков иной по сравнению с индоевропейскими языками типологической характеристики, со своеобразными категориями бесписьменных языков, «не имеющих истории».

Отсюда - необходимость создания объективного метода изучения языка, основанного на описании его формальных качеств. "Отсутствие лингвистической традиции в описании столь разнородных языков, какими оказались языки американских аборигенов, заставляло лингвистов США строить собственный теоретический фундамент, а задача неотложного описания быстро исчезающих языков способствовала выработке особых методов работы с информантами, приемов записи и фиксации нового лингвистического материала, известной унификации в его подаче" (Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964, 180-181/).

Прибегая к помощи информантов-индейцев и исследуя определенным образом зафиксированные тексты, языковеды фактически применяли метод дешифровки, причем на определенном этапе у них возникло убеждение, что они изучают тексты и описывают языки без участия семантики. Разумеется, это не соответствует действительности, так как информант эмпирически обладал знанием всей семантики своего языка. Примечательно, что опыт изучения языков индейцев был применен американскими языковедами во время Второй мировой войны при шифровке и дешифровке текстов.

Дескриптивная лингвистика объединяла лингвистов двух "географических" школ - Йельской (З.Харрис, Дж.Трейгер, М.Джос и др.) и Эйн-Арборской (Ю.Найда, Ч.Фриз, К.Л.Пайк и др.). Третьей разновидностью американского структурализма является школа трансформационного синтаксиса (Н.Хомский, Р.Лиз и др.).

Хотя школа трансформационного синтаксиса выросла из дескриптивной лингвистики (первоначально трансформационный анализ был только одной из процедур, применяемых дескриптивистами), в том виде, в каком она была "оформлена" Н.Хомским, - это по сути научное направление, противоположное сугобо практической описательной грамматике. В основе ее лежит идея синтеза, а не анализа, выявление и описание ядерных структур языка, из которых по определенным правилам могут быть построены все остальные предложения, иначе - выявление системы правил, по которым можно синтезировать любой текст на данном языке.

Если дескриптивная лингвистика была ориентирована на описание конкретных языков в синхронном состоянии, то конечную цель трансформационного синтаксиса Н.Хомский определил так: "построение теории лингвистической структуры, в которой описательные механизмы представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам" /Хомский 1962, 415/.

Выполнение такой задачи представляется проблематичным, но сама установка на ЯЗЫК, роль которого по сути выполнял английский язык, требовала обращения к теоретическим построениям, гипотезам, постулатам, т.е. применения дедуктивного метода. Работы Н.Хомского теоретически насыщены и по духу близки работам Л.Ельмслева. В частности, Хомский считал, что формальные методы могут быть применены к изучению семантики.

Работы Хомского создали предпосылки для появления разных школ порождающей грамматики, например, в России - школы аппликативной порождающей модели, которая мыслилась как универсальная для всех языков (школа С.К.Шаумяна и П.А.Соболевой). Отношения американского языкознания с европейским были сложными, но говорить о полном разрыве традиций совершенно неправильно. Л.Блумфилд в книге "Язык" критиковал Пауля за постоянное обращение к психологическим истолкованиям: "Каждое свое суждение о языке он сопровождает экскурсом в психические процессы, которые якобы происходят у говорящих. В действительности же единственным доказательством таких процессов является лингвистический процесс" /Блумфилд 1968, 31/. В противовес Паулю он создал свою теорию стимулов и реакций /см.Блумфилд 1968. 37-56/, которая по сути является огрублением и упрощением и языковых, и психических процессов.

Однако психологизм проник в американское языкознание (в виде психолингвистики), в изучение различных моделей человеческого поведения, что привело к созданию особого направления - интолингвистики (Дж.Гринберг, Б.Уорф и др.).

Таким образом, за истекшее столетие американский структурализм (шире - американское языкознание) прошли стадии становления, самоутверждения в оппозиции европейскому языкознанию, и наконец - фактического слияния с мировым языкознанием, особенно после фактического прекращения в 1952 г. деятельности ПЛК, так как многие ученые этого направления оказались в США.

Роль американских языковедов велика как в выработке лингвистических теорий, так и в практическом изучении и описании языков и в создании конкретных методов описания, и особенно - в прикладных областях: машинный перевод, создание искусственного интеллекта, компьютеризация и под.

Пражская лингвистическая школа (ПЛК) представляет собой уникальное научное направление в формально строгих временных рамках: 1926-1952гг. "Центром деятельности Пражской школы стал организованный в 1926 г. Пражский лингвистический кружок, в котором вокруг чешского лингвиста Вилема Матезиуса (1882-1945) объединилась группа исследователей славянских и германских языков и литератур, боровшихся за структурный и функциональный подход к языкознанию и литературоведению и вообще к семиологии. Кроме таких чешских филологов, как В.Матезиус, Б.Трнка, Б.Гавранек, Й.Вахек, Я.Мухаржовский, позднее - В.Скаличка, Й.Коржинек и др., в состав кружка входили: Н.С.Трубецкой, профессор в Вене (1890-1938), Р.О.Якобсон, в 20-е-30-е годы профессор в Праге, и С.Карцевский (1884 - 1955), работавший главным образом в Женеве" /Булыгина 1064/.

Активное участие в ПЛК виднейших русских языковедов-эмигрантов свидетельствует об условности "географической" сущности школы, которую справедливо рассматривают как "хронологическую", как определенный этап в развитии структурализма.

После Второй мировой войны многие деятели ПЛК оказались в США, часть языковедов осталась в Чехословакии, и ПЛК объявил в 1952г. о прекращении существования данного объединения.

Деятельность ПЛК обычно характеризуется как "мягкий" вариант структурализма, в котором структурный подход сочетается с функционально-коммуникативным.

Одним из важнейших трудов в рамках ПЛК является работа Н.С.Трубецкого "Основы фонологии" (оригинал вышел на немецком языке в 1938 г., русский перевод - в 1960 г.). "В основе фонологической концепции Н.С.Трубецкого лежит мысль о методологической противоположности фонетики и фонологии, явившаяся результатом

синтеза учения де Соссюра о языке и речи и идей Бодуэна де Куртенз, который провозгласил принципиальное различие между звуками человеческого языка и звуковыми образами, из которых состоят слова" /Булыгина 1964, 59/.

Фонему Н.С.Трубецкой определяет следующим образом: "Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем *фонемами*. Следовательно, фонема является кратчайшей фонологической единицей языка. Каждое слово в плане обозначающего можно разложить на фонемы, представить как определенный ряд фонем.

Само собой разумеется, что не следует слишком упрощать факты. Не будем представлять себе фонемы теми кирпичиками, из которых складываются отдельные слова. Дело обстоит как раз наоборот: любое слово представляет собой целостность, *структуру*; оно и воспринимается слушателями как структура, подобно тому, как мы узнаем, например, на улице знакомых по их общему облику. Опознавание структур предполагает, однако, их различие, а это возможно лишь в том случае, если отдельные структуры отличаются друг от друга известными признаками. Фонемы как раз и являются *различительными* признаками словесных структур" /Трубецкой 1960, 43/.

Н.С.Трубецкой подчеркивал, что фонема является прежде всего функциональным понятием, что ее можно определить, только исходя из ее функций в языке /Трубецкой 1960, 49/.

Н.С.Трубецкому принадлежит важнейшее методологическое положение о фонологических *оппозициях* как ключевом понятии дифференциального системного анализа в лингвистике: выделены *привативная, эквиолентная и градуальная* оппозиции. По отношению к системе оппозиций в целом выделены оппозиции *многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные*. В системе оппозиций проведен подлинно системный анализ фонологических систем разных языков.

Впоследствии методика оппозиционного анализа была перенесена рядом лингвистов на морфологию, словообразование и лексику. В настоящее время она является одним из самых распространенных и действенных приемов лингвистического анализа.

Значительный вклад в теорию и практику структурной грамматики внесли В.Скаличка и В.Матезиус. Их целью было создание функциональной грамматики. В.Матезиусу принадлежит также плодотворная идея актуального членения предложения. В.Скаличка выделил *сему* как мельчайшую неделимую единицу значения, одновременно формальную и функциональную.

Методологически исключительной важностью обладает выдвинутое Карцевским положение об асимметричном дуализме языкового знака, о возможных изменениях, сдвигах как означающего, так и означаемого, что является основной предпосылкой языковых изменений /подробнее см. в п.V/.

Исключительно плодотворной и многосторонней является деятельность Р.О.Якобсона (1896-1982). Предметом его исследования были как фонология, так и грамматика (прежде всего категория падежа, структура и спряжение глагола), а также установление их соотношения и функциональной связи (изоморфизма). Ему принадлежит множество интереснейших работ типологического и общетеоретического плана, например: "Звук и значение", "Мозг и язык", "Морфологические аблюдения над славянским спряжением", "Язык в отношении к другим истемам коммуникации", "Лингвистика в ее отношении к другим наукам" мн.др./см. Якобсон 1985/.

Р.Якобсон был столь же блестящим литературоведом, как и языковедом /см. его работы "Ретроспективный обзор работ по теории гиха", "Лингвистика и поэтика", "Изучение "Слова о полку Игореве" в 'единенных Штатах Америки" и мн.др./.

Только одной стороной своего творчества он принадлежит ПЛК, в целом это по сути создатель оригинальной и многогранной школы филологии.

Языковедам ПЛК, "пражанам", удалось избежать многих крайностей и односторонних трактовок языковых фактов, характерных для раннего ескриптивизма, а также сосюррианства. Они признавали системный арактер не только синхронии, но и диахронии; в целом были против езкого противопоставления языка и речи, признавая их в то же время принципиально разными феноменами; никогда не преуменьшали роль исследования семантики по сравнению с формой.

В определенном плане ПЛК - это живое, действующее направление эременного языкознания, так как его ключевые идеи разрабатываются ногами лингвистами разных стран.

Датская школа структурализма, или глоссематика (от греч. glossa язык) "возникла в кружке датских лингвистов, в основном опенгагенского университета, занимавшихся фонологией и изучением структуры языка и объединившихся в 1931 г. в Копенгагенский ингвистический кружок" /Мурат 1964, 127/.

Основателем кружка и эдателем теории глоссематики является Луи Ельмслев (1899-1965), а более видными сотрудниками - В.Брэндал и Х.Ульдалль.

Само название "глоссематика" (т.е. лингвистика, языкознание), как и азвание одного из трудов, "Пролегомены к теории языка", вм. Введение...» Ельмслев употребил для принципиального отграничения от радиционной науки о языке.

Исследователи разных школ структурализма обычно противопоставляют глоссематику Пражской школе: "Пражская школа понимает язык как систему социальных норм, которые являются материальными... Для датского структурализма языковая система представляется нематериальной схемой, которая может быть реализована в различных формах: в звуках речи, в графемах на письме, азбуке Морзе или иной сигнальной системе. Для Ельмслева характерно, что он стремится изучать язык без какого-либо обращения к материальной действительности. Единицы языковой системы для него даны лишь их взаимными отношениями. И фонемы обусловлены взаимными связями в системе, а не своими звуковыми свойствами. Ельмслев поэтому даже не употребляет термин "фонема", ибо он вызывает представление о звуковом характере, а употребляет термин "таксема"... Отвергнув рассмотрение материальной стороны языка, Ельмслев без должных оснований приравнивает язык звуковой, язык в полном смысле слова, к различным вспомогательным способам передачи языка ..." /Кондрашов 1979, 147/.

Элементы справедливой критики содержатся в приведенном высказывании. Отметим все же, что в вопросе об идеальности глубинной сущности языка сходились и В.фон Гумбольдт ("Весь язык насквозь идеален, даже если он высечен на камне"), и Ф.де Соссюр ("Язык - это система чистых значимостей").

Н.А.Кондрашов отмечает следующее: "Взгляд Ельмслева на языковую систему любопытен тем, что при заостренном одностороннем рассмотрении некоторых явлений можно обратить внимание на то, что остается обычно неогмеченным. Но как принципиальную точку зрения метод, его взгляды принять невозможно. Показательно, что его методы анализа не дают возможности точно определить фонему и фонологическую систему (приходится обращаться к свойствам фонем, к их субстанции). А это лучше всего показывает, что взгляды Ельмслева не адекватны языковой действительности. Таким образом, универсальность теории у Ельмслева достигается посредством полной дематериализации языка и отказа ему в развитии. Язык у глоссематиков выступает как синхронная абстрактная система чистых отношений, игнорирующая специфические особенности каждого конкретного языка. Языковед должен изучать лишь структуру языковых отношений. Отдельные элементы языка выступают как пучки функций, а весь язык - как сеть функций" /Кондрашов 1979, 147-148/.

Однако такой "алгебраический" подход к структуре языка представляется вполне уместным и плодотворным, если в поле зрения лингвиста оказываются не конкретные этнические языки, а ЯЗЫК. В настоящее время представление не только фонемы, но и семемы как пучка дифференциальных признаков является вполне конкретным. Дедуктивно-гипотетический метод, примененный Л.Ельмслевым, является совершенно

соосходимым во всякой фундаментальной науке, к числу которых
тносится языкознание.

Критики теории Л.Ельмслева обычно цитируют наиболее абстрактные
пределения языка, но на самом деле "глоссематик" характеризует язык с
амых разных точек зрения: иногда по духу эти определения ближе к
онцепции В.фон Гумбольдта, а не Ф.де Соссюра: "Язык - человеческая
ечь - неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык неотделим от
еловека и следует за ним во всех его действиях. Язык - инструмент,
средством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на
его; язык - первичная и самая необходимая основа человеческого
бщества. Но он также конечная, необходимая опора человеческой
ичности, прибежище человека в часы одиночества, когда разум вступает в
орьбу с жизнью и конфликт разряжается монологом поэта и мыслителя...
о язык - не внешнее, сопровождающее человека явление. Он глубоко
вязан с человеческим разумом. Это богатство памяти, унаследованное
ичностью и племенем, бодрствующее сознание, которое напоминает и
редостерегает. И речь представляет собой характерную черту личности в
орошем и плохом ее проявлении, отличительный признак семьи и нации,
видительство человеческого благородства. Язык ... глубоко пустил корни
личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь" /Ельмслев 1960,
64-265/.

Как видно из этого отрывка, Ельмслев то объединяет, то
отивопоставляет язык и речь, представляя их во всей полноте их
ункционирования, включая кумулятивную, поэтическую,
рагматическую функции.

Л.Ельмслев описывает также ситуации, в которых язык является не
сновным объектом описания, а средством к раскрытию других сущностей
свойств человека: "Наука путем психологических и логических
нтерпретаций искала в языке изменчивость человеческой психики и
остоянство мысли... Язык, рассматриваемый как знаковая система и
стойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой
ысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как индивиду-
альное социальное учреждение, язык служит для характеристики нации.
ассматриваемый как колеблющееся явление, он может открыть дорогу
к к пониманию стиля личности, так и к событиям прошедших
эколений. На язык ныне смотрят как на ключевую позицию, которая
крывает перспективы многих направлений"/Ельмслев 1960, 265/.

Далее Л.Ельмслев фактически повторяет тезисы Ф.де Соссюра об
пределении языка как такового, самодовлеющего целого, структуры
льмслев 1960,267/. По его мнению, "то, что составляло главное
держание традиционной лингвистики - история языка и генетическое
завление языков, - имело своей целью не столько познание природы
зыка, сколько познание исторических и доисторических социальных

явлений и контактов между народами, т.е. знание, добытое с помощью языка как средства" /Ельмслев 1960, 266/. Здесь опять надо напомнить, что цель Л.Ельмслева - изучение ЯЗЫКА, а компаративисты занимались изучением конкретных языков, преимущественно древних индоевропейских.

Определение языка Л.Ельмслевым ("Язык это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений, так что каждый из этих классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации"), требование придать строго формальный и в то же время эксплицитный характер определениям; выделение в языке взаимозависимостей (детерминаций) и более свободных зависимостей (конstellаций) и другие "строгие" определения и процедуры - все это никак не противоречит исследованию языка как феномена. Другое дело, что описание реального языка не может быть сведено только к установлению его глубинной структуры, должна исследоваться (и исследуется) и субстанция языка.

С нашей точки зрения, продуктивно понимание языка в трех ракурсах, в трех ипостасях:

" - язык как совокупность текстов, т.е. как результат речевой деятельности носителя;

- язык как системно-структурное знаковое образование;

- язык как лингвистическая компетенция говорящего на нем индивида, язык... не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации ...

Говоря более коротко, мы разграничиваем: язык-текст, язык-систему, язык-способность. Понятно, что эти три ипостаси, три возможности репрезентации надлежат являются разными представлениями, разными способами видения одного и того же объекта. Язык один и остается во всех случаях одним и тем же, различаясь лишь позицией наблюдателя и метаязыковыми средствами его описания... Между указанными способами репрезентации языка возможны коррелятивные отношения и взаимные переходы из одного в другой. В процессе таких "взаимопереходов", осуществляемых, естественно, не стихийно, а в результате деятельности лингвиста-исследователя, и возникают разного рода грамматические описания и соотносимые с этими описаниями, ориентированные на них словари (поскольку одна грамматика, грамматика без словаря не может претендовать на полную репрезентацию языка)" /Караулов 1999, 8-9/.

В настоящее время ЯЗЫК и языки описываются всесторонне, с самых разных точек зрения (семантика и лексический состав, семантические поля и морфонология, фонология, морфология и словообразование, синтаксис и падежная грамматика и т.д.; осуществляются сопоставительные исследования бинарного и многочленного характера, активно

разрабатывается проблематика сравнительно-исторического языкознания). Структурная лингвистика в большинстве этих описаний присутствует - хотя бы в виде распространенных методов: компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа.

Лондонская школа структурной лингвистики (Лондонская лингвистическая школа) не считается оригинальной именно как структуральная школа. Основателем ее считается Джон Руперт Фёрс (1890-1960), который критически относился и к концепции Л.Блумфильда, и к глоссематике. "Отдавая дань теории Л.Ельмслева и находя ее превосходной именно из-за ее обобщающего характера, Фёрс указывает, что в практическом отношении эта теория пока никак себя не оправдала: глоссематический анализ какого-либо языка, включая датский, до сих пор отсутствует" /Кубрякова 1964. 313/. Теория значения - краеугольный камень теории "лондонцев". В то же время при изучении теории языка на уровне фонологии и грамматики они считают возможным абстрагироваться от значения, что представляется весьма спорным.

Наиболее популярным трудом данной школы является "Введение в теоретическую лингвистику" Дж.Лайонза (1968г., русский перевод - 1978г.). "Самой характерной чертой лингвистики, как и ряда других наук, является структурализм ... Это означает, что каждый язык рассматривается как система отношений (или, более точно, как совокупность взаимосвязанных систем), элементы которой - звуки, слова и т.д. - имеют значимость лишь постольку, поскольку они находятся друг с другом в отношениях эквивалентности или противопоставления. Важным свойством языка является его структурная организация на разных уровнях" /Лайонз 1978, 67/.

Таким образом, понятие структуры у Лайонза фактически сливается с понятием системы. Очевидна установка на сосюроевское понятие значимости, хотя по ряду позиций (синхрония и диахрония, язык и речь и др.) у Джона Лайонза собственное мнение.

Монография Лайонза вполне соответствует своему заглавию: это серьезный теоретический труд, в котором рассматривается методология лингвистики (глава "Лингвистика как научное исследование языка"), фонетика и фонология, грамматика (структура, категории и функции), общие принципы семантики и семантическая структура).

7.6. Основные направления современного языкознания

Современное языкознание характеризуется многообразием направлений, школ, методов исследования, разным пониманием предмета и границ лингвистической науки. Однако главное, объединяющее начало большинства школ и их научной продукции - внимание к содержательной стороне, семантике языка. "Сущность лингвистики заключается в поисках

значения", - так сформулировал это Бенжамин Ли Уорф, которого В.А.Звегинцев назвал самым загадочным американским ученым.

В целом наиболее крупными направлениями современной лингвистики следует считать следующие:

1. Сравнительно-историческое языкознание (компаративистика).
2. Ареальная лингвистика, изучающая совокупность языков какого-либо региона (например, балканистика).
3. Типологическое языкознание.
4. Контрастивная лингвистика.
5. Психолингвистика.
6. Социолингвистика.
7. Прагмалингвистика.
8. Функциональные описания языка, основанные на принципе "от значения к форме", "от функции к средствам". По сути с этим направлением сближаются идея активной грамматики Л.В.Щербы, исходящей из семантической стороны того или иного языка, и ономазиологическое направление языка (см. работы Г.В.Колшанского, А.В.Бондарко, О.М.Ким и др.).
9. Лингвистика текста - исключительно перспективное научное направление, тесно связанное со стилистикой, литературоведением, психологией и философией.
10. Когнитивная лингвистика.
11. Гендерная лингвистика.
12. Лингвокультурология.

Активно развиваются такие собственно семантические направления, как генеративная (порождающая) лингвистика, падежная (или ролевая) грамматика, восходящая к Ч.Филлмору и Л.Теньеру, концептуальная семантика (У.Чейф), вычислительная семантика.

Созданы предпосылки лингвистики, раскрывающей все виды отношений между языком, мышлением и культурой, т.е. новой гуманистической лингвистики, в центре которой должен стоять человек. Активное сотрудничество лингвистики с психологией, философией, логикой, антропологией, социологией, литературоведением не ограничивается, а напротив, предполагается.

Это, однако, не означает растворения лингвистики во всех этих науках, так как представление об устройстве структурного механизма языка, языковых ярусов, единиц, их иерархии достаточно эксплицировано в XX веке.

Таким образом, выделить языкознание в "чистом виде", отделить его от истории, социологии и т.д. оказалось задачей невыполнимой, да и ненужной. Особенно заметно это на примере психолингвистики: психологизм в языкознании перестал быть «пугалом», и блестящая концепция А.А.Потебни еще ждет исследователей.

Очевидно, правы те языковеды, которые считают, что если лингвистика XX в. прошла под знаком Ф. де Соссюра, то лингвистика XXI в. пройдет под знаменем В. фон Гумбольдта.

Необходимо также упомянуть, что в свое время выделение уровней (ярусов) языковой структуры позволило глубоко и всесторонне изучить формальные и семантические единицы языка и их взаимодействие. В настоящее время актуализируются межуровневые исследования, что вполне соответствует коммуникативно-функциональному подходу к изучению языка.

Активизируются и исследования в области логического анализа языка. Подключение к этому направлению культурных концептов позволит глубже проникнуть в исследования языковой картины мира, составляющей идиоматичную специфику всех этнических языков.

Почти все названные выше направления языкознания восходят к лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, которая справедливо оценивается как антропоцентрическая, динамическая, энергетическая. Эти направления коррелируют с разрабатываемой в независимом Узбекистане концепцией духовности как основы культуры населяющих нашу страну народов. В настоящее время, когда вновь стала привлекательной идея В. Гумбольдта об изучении языка в тесной связи с человеком и успешно развивается антропоцентрическая лингвистика, особый интерес вызывает исследование внутреннего мира человека, его психического состояния.

Необходимо подчеркнуть, что любые аспекты изучения ЯКМ в собственно лингвистическом аспекте означают активизацию семантических исследований. Несомненно, что семантическая система каждого языка отражает специфическую концептуализацию объективной действительности и субъективного мира его носителей. Это требует своего объяснения, и в поисках его, как правило, обращаются к экстралингвистическим факторам, которые трактуются как культурные явления данного народа.

Исследования в области картины мира в общезыковом плане, как и исследование ЯКМ различных этнических языков, безусловно, являются в современном языкознании одним из приоритетных и перспективных направлений, что подтверждается многочисленными публикациями, в том числе и на сайтах Интернета.

О глубоком интересе к данной проблеме свидетельствует и переиздание работ, ставших уже классическими [см. Вайсгербер 1993; Сепир 1993].

В настоящее время общепризнанным является восхождение идеи языковой картины мира к идее внутренней формы языка В. фон Гумбольдта.

Синтез собственно лингвистических методов с методами других, смежных наук привели к познавательной, когнитивной (социально-речевой) ориентации, к когнитологии: языковой контекст должен

корректироваться культурологическим, опираться на более глубокие сведения культурологического, когнитивного «созначения» для адекватности речевого употребления», при этом культура «воспринимается в широчайшем этнографическом смысле как система идей, видение мира, национальный характер, менталитет.

В начале 60-х гг. XX в. В.А. Звегинцев придерживался концепции самостоятельного возникновения теории лингвистической относительности: «На совершенно аналогичные мысли (причем, несомненно, независимо от европейской традиции) натолкнуло американских исследователей изучение культуры и языка первых обитателей американского континента – многочисленных индейских племен» /Звегинцев 1960, 113/. Однако в начале XXI в. В.П. Даниленко совершенно закономерно утверждает: «Лингвистическая концепция Эдварда Сепира..., бесспорно, прошла через фарватер Гумбольдтовского учения о языке, а между тем её автор в своих работах нарочито избегал упоминаний о В. Гумбольдте... Основным источником его концепции, конечно, были труды Гумбольдта... Теоретической основой гипотезы лингвистической относительности в целом стало учение Гумбольдта о внутренней форме языка» /Даниленко 2002/.

Наиболее популярным высказыванием Гумбольдта при обосновании теории разных ЯКМ разных этносов стало следующее: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» /Гумбольдт 1984, с. 10/.

Понятие круга широко использует ученик Э.Сепира Б.Уорф. Таким образом, в рамках концепции лингвистической относительности фактически закладывается лингвокультурология, которая явно идет от гумбольдтовского «духа языка», от понятия духовной культуры. Нередко концепция Сепира-Уорфа называется этнолингвистической.

Таким образом, теорию лингвистической относительности, несомненно, можно считать вариантом теории ЯКМ, причем В.А. Звегинцев правильно устанавливает соотношение между данной теорией и неогумбольдтианством: «Она /теория лингвистической относительности/ представляет собой не обособленное и изолированное явление, но выражает определенную тенденцию в современной зарубежной науке. В собственно лингвистической области она смыкается с концепцией Л. Вайсгербера, отличаясь только акцентами: Б. Уорф проводит свои исследования в контексте «язык и культура», а Л. Вайсгербер – в контексте (характерном для европейской традиции идеалистического языкознания) «язык и народ» /Звегинцев 1960, с. 119/.

Следует подчеркнуть, что взрыв интереса к изучению картин мира произошел также и из-за определенного разочарования в концепции Ф. де Соссюра (определившей, как известно, во многом направление развития

3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение. 1979.
4. Аракин В.Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. М.: Просвещение, 1984.
5. Ахведиани В.Г. Фонетический трактат Авиценны. Тбилиси, 1966.
6. Ахведиани В.Г. Арабское языкознание средних веков // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука. 1981.
7. Ахманова О.С. Фонология. Морфология. М.: МГУ. 1966.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
9. Ахунзянов Э.М. Контрастная грамматика: морфология русского и тюркских языков. – Казань. КГУ, 1987.
0. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1982.
1. Булыгина Т.В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц // Вопросы языкознания, 1965.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркского языков. М.: Высшая школа, 1983.
3. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Прогресс, 1993.
4. Васильев В.А. Анализ движения частоты основного тона в интонационной группе -синтагме (на материале английского и русского языков) // Всесоюзная научная конференция "Анализ и синтез как взаимосвязанные методы экспериментально-фонетических исследований речи". Материалы конференции. Минск, 1973.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. - М.: Языки русской культуры, 2001.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Наука, 1986.
7. Виноградов В.А. Структура признака // Реферативный сборник "Проблемы фонологии и морфологии". Рефераты. Обзоры. М., 1974.
8. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977.
9. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической классификации языков // Новое в лингвистике. - Вып. 111.- М.: ИЛ, 1963.
0. Даниленко В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира – Уорфа. – <http://www.isfu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>
1. Даниленко В.П. Общее языкознание. Курс лекций. – Иркутск: ИГУ, 2003.
2. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1982.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике.- Вып. 1. – М.: Иностранная литература, 1960.
4. Журавлев В.К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов // Этимология 1967. М., 1969.
5. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М.. Наука, 1986.

46. Журавлев В.К. К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций // Вопросы языкознания. 1972. №3.
47. Зайончковский А. Арабско-кипчакский словарь эпохи государства мамлюков // Сообщение польских ориенталистов. Вып. 11. М., 1961.
48. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Частн I и II. М.: Просвещение, 1960, 1965.
49. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: МГУ, 1973.
50. Зеленецкий А.М., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Просвещение, 1983.
51. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005.
52. Иванов Вяч. Вс. Современное индоевропейское сравнительно-историческое языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. М.: Прогресс, 1988.
53. Исломов З.М. Махмуд Замахшарийнинг "Муадданату - л -адаб" асаридagi туркий феъллар тахлили. фил.ф.номзоди илмий даражасиня олиш учун тақдим қилинган диссертация автореферати. Т., 1993.
54. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: Просвещение, 1965.
55. Касевич В.Б. Морфонология. Л.: ЛГУ, 1986.
56. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
57. Колшанский Г.В. От предложения к тексту // Сущность, развитие и функции языка. - VI: Наука, 1987.
58. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Наука, 1960.
59. Кононов А.П., Нигматов Х.Г. Махмуд Кашгарский о тюркских языках // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981.
60. Кочергина В.А. Словообразование санскрита. М.: МГУ, 1990.
61. Кубрякова В.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова М.: Наука, 1987.
62. Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в изучении словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987.
63. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: РАН 1996.
64. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
65. Кузнецов П.С. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении // Теоретические вопросы прикладной лингвистики. М.: МГУ, 1965.
66. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978.
67. Леков И. Лексическая доказательность фонологических оппозиций // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И.Аванесова. М., 1972.

68. Лингвистический энциклопедический словарь (электронное издание). – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008.
69. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
70. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999.
71. Ломтев Т.П. Дифференциальная мощность и функциональная нагрузка фонем // Проблемы современной лингвистики. М.: МГУ, 1968.
72. Ломтев Т.П. Фонология современного русского литературного языка на основе теории множеств. М., 1972.
73. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982.
74. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: МГУ, 1990.
75. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977.
76. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях // Проблемы диахронической фонологии. М.: Иностранная литература, 1960.
77. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Иностранная литература, 1960.
78. Меликишвили И.Г. Отношение маркированности в фонологии / Условия маркированности в классе шумных фонем. АКД. Тбилиси, 1972.
79. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя русского языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969.
80. Милль Дж.С. Система логики силлогической и индуктивной. М., 1914.
81. Моррис Ч.-У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1977.
82. Мурзаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1978.
83. Мустайоки А. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: Система и функционирование. М.: Наука, 1988.
84. Мухин А.М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л.: Наука, 1976.
85. Насилов Д.М. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981.
86. Научно-образовательный портал «Лингвистика в России: Ресурсы для исследования». <http://uistussia.msu.ru>
87. Постовалова В.И. Язык и человек в лингвофилософской концепции В.Гумбольдта // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987.
88. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976.
89. Потебня А.А. Поэтика слова. М.: Наука, 1990.
90. Психология. Словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.
91. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвистическая концепция неогумбольдтианства. – М., 1997.
92. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания // Предисловие к «Избранным трудам по языкознанию» В.фон Гумбольдта. М.: Прогресс, 1984.
93. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967.

94. Реформатский Д.А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука. 1971.
95. Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строя слова // Лингвистика и поэтика. М.: Наука. 1987.
96. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.
97. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука. 1980.
98. Сепир Э. Язык. М., 1929.
99. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.
100. Серебренников В.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М: Наука, 1988.
101. Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. III. М.: Иностранная литература, 1963.
102. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема "отдельности" слова) // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
103. Степанов Ю.С. Структура французского языка. М.: Высшая школа, 1965.
104. Степанов Ю.С. Семантика. М: Наука, 1971.
105. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука. 1981.
106. Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987.
107. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
108. Тихонов А.Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
109. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка, т.1-2. М.: Русский язык, 1985.
110. Томпсен В. История языковедения до конца XIX в. М., 1938.
111. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. - М., 1987.
112. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: РАН, 1996.
113. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.
114. Философский словарь. М., 1990.
115. Фланган Дж.Л. Анализ, синтез и восприятие речи (пер.с англ.). М., 1968.
116. Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсали языковых изменений? // Новое в лингвистике. Вып. V. М.: Прогресс, 1970.
117. Холодович А.А. О "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра // Вступительная статья к «Трудам по языкознанию» Ф. де Соссюра. М.: Прогресс, 1977.
118. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М: Прогресс, 1964.
119. Шереметьева А.Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ташкент, 2001.

- . Шереметьева А.Г. Основы общей и русской вариологии. Ташкент, 2012.
- . Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- . Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007.
- . Энциклопедия "Русский язык". М., 1979.
- . Якобсон Р.О. В поисках сущности языка// Семиотика. М.: Радуга, 1983.
- . Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- . Jones D. The Phoneme; its nature and use. Cambridge, Heffer, 1950.
- . Pulgram E. Phonetic signals of syllable boundaries. Argumenta lectionum. progress phoneticus. Praha, 1967.
- . Reichelt H. Der Frahang-i oim I (WZKM Bd XIV. H.3. 1900); II (WZKM, Bd V, 1901)
- . Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi in. Facsimile Text with an introduction and indices by Sir Gerard Clauson. London 1960. Цит. по книге: Э.Ф.Умаров Словари староузбекского языка и просы фонетики. Т.: Фан, 1994.
- . Sarton G. Introduction to the history of science. Vol.II., Baltimore, 1962.
- . Timothy Shope. Language Typology and Syntactic Description: Volume 3, Grammatical Categories and the Lexicon (Language Typology & Syntactic Description). – Cambridge University Press, 2007.
- . Zamahsari. Al-Mufassal. Opus de re grammatica arabicum autore Abu i- isim Mahmud bin 'Omar Zamahsario. Ed.Broch. Christianiac, 1879, Qahira. 23.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. Язык как феномен культуры и объект теории.....	7
1.1 Происхождение языка.....	7
1.2 Основные языковые функции.....	10
1.3 Язык и мышление.....	11
ГЛАВА II. Классификации языков.....	16
ГЛАВА III. Лингвистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта.....	24
3.1 Основные антиномии языка, выдвинутые В. фон Гумбольдтом.....	25
3.2 Учение о внутренней форме языка В. фон Гумбольдта и его интерпретация в концепции А. А. Потебни.....	27
ГЛАВА IV. Лингвистическая концепция Фердинанда де Соссюра. "Курс общей лингвистики".....	32
ГЛАВА V. Семантика. Специфика лингвосомиотических систем.....	41
ГЛАВА VI. Ярусное строение языка и специфика отдельных языковых ярусов.....	51
6.1. ФОНОЛОГИЯ.....	52
6.1.1. Фонология как объект лингвистической теории	
Специфика фонологического яруса.....	52
6.1.2. Основные понятия и категории сегментной фонологии.....	56
6.1.3. Принципы классификации фонологических оппозиций. Корреляция.....	60
6.1.4. Развитие теории нейтрализации фонологических оппозиций.....	66
6.1.5. О понятиях "функциональная нагрузка" и "сила" фонологических оппозиций.....	70
6.1.6. Объект суперсегментной фонологии.....	72
6.1.7. Просодика слова.....	77
6.1.8. О просодике фразы.....	81
6.2. МОРФОЛОГИЯ.....	86
6.2.1. Основные понятия «традиционной» морфологии.....	86
6.2.2. Функциональные аспекты морфологии.....	91
6.3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.....	95
6.4. МОРФОНОЛОГИЯ.....	115
ГЛАВА VII. История лингвистических учений.....	119
7.1. Языкознание древней Индии.....	120
7.2. Античное языкознание.....	123
7.3. Из истории восточного и узбекского языкознания.....	127
7.4. Сравнительно-историческое языкознание. Младограмматизм.....	139
7.5. Структурализм.....	148
7.6. Основные направления современного языкознания.....	161
ГЛОССАРИЙ.....	167
I. Семантика.....	167
II. Фонология.....	169
III. Морфонология.....	171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	178